

ОБЩЕСТВО

ЭКОНОМИКА

НАУКА
— 1727 —

5

2024

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 5, 2024

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Игорь Николаев, Виктор Черепов, Ольга Соболевская. Структурная перестройка экономики через призму реализации национального проекта «Здравоохранение»	5

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Сергей Черных. О соотношении процессов государственного управления и регулирования: теория и российская практика	15

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

Сергей Орлов, Роман Реутов. Методический инструментарий оценки уровня закредитованности населения Российской Федерации	27

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Елена Шестакова. Задачи стабилизации действующих пенсионных систем и основные векторы реформ в практике зарубежных стран	45

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Владимир Андрианов. Новая мировая валютная система — предпосылки создания и механизмы реализации	58

Виктор Клавдиенко. Возобновляемая энергетика Индии: основные тенденции, драйверы и перспективы	81

Ирина Стрельникова. Инвестиционная привлекательность Российской Арктики сквозь призму международного сотрудничества и развития транспортных коридоров	95

CONTENTS

ECONOMIC POLICY

I. Nikolaev, V. Cherepov, O. Sobolevskaya. The implementation of the national project “Healthcare” in the context of the restructuring of the economy	5

MANAGEMENT

S. Chernykh. On the correlation between the processes of public administration and state regulation: theory and Russian practice	15

FINANCIAL POLICY

S. Orlov, R. Reutov. Methodological tools for assessing the level of indebtedness of the population of the Russian Federation	27

SOCIAL ISSUES

Ye. Shestakova. The tasks of stabilizing existing pension systems and the main vectors of reforms in the practice of foreign countries	45

WORLD ECONOMY

V. Andrianov. The new world monetary system – prerequisites for creation and implementation mechanisms.	58

V. Klavdienko. Renewable energy in India: key trends, drivers and prospects	81

I. Strelnikova. Investment attractiveness of the Russian Arctic through the prism of international cooperation and development of transport corridors	95

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 33.021

Игорь Николаев

доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: Nikolaev1806@mail.ru)

Виктор Черепов

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: Cherepovvm@rspp.ru)

Ольга Соболевская

доктор медицинских наук, профессор Государственного университета управления (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: olsob@bk.ru)

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Реализация национальных проектов, включая новые, о которых было объявлено 29 февраля 2024 г. в президентском Послании Федеральному Собранию [1], способна оказать серьезное влияние на структурную перестройку российской экономики. Однако механизм этого влияния, в том числе через реализацию нацпроекта «Здравоохранение», исследован недостаточно.

Ключевые слова: национальный проект «Здравоохранение», структурная перестройка, производительность труда, экономические потери от заболеваемости.

DOI: 10.31857/S0207367624050016

Введение. В конце февраля 2024 г. тогда еще первый вице-премьер российского правительства А. Белоусов, отвечающий за развитие экономики, заявил, что планы на ближайшие три года — «это этап структурной перестройки при темпах роста примерно 2% с небольшим в год»¹. В этом прогнозе главное — даже не озвученные ожидания по темпам экономического роста, а то, что было сказано про структурную перестройку, в отношении которой было употреблено слово «масштабная». Такая перестройка нужна, потому что, во-первых, большинство компаний сталкивается с проблемой ограничения предложения трудовых ресурсов. Во-вторых, темпы роста углеводородного экспорта будут снижаться. В-третьих, как было отмечено, продолжат действовать санкционные ограничения².

Таким образом, структурная перестройка экономики становится на ближайшие годы важнейшим приоритетом работы Правительства Российской Федерации.

---

¹ Белоусов назвал выход экономики РФ на траекторию устойчивого роста одной из ключевых задач. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20093163>

² Там же.

Одновременно следует отметить, что в 2024 г. должна завершиться реализация национального проекта «Здравоохранение». В этот же период, если ориентироваться на ранее принятые решения, должны завершиться почти все национальные проекты, реализация которых пришлась на 2018—2024 гг. Однако с большой долей вероятности можно ожидать (следует надеяться), что осуществление национальных проектов, в том числе проекта «Здравоохранение», будет продолжено. Основанием для этого является тот факт, что нацпроект оказался результативным, а задачи в области здравоохранения (прежние и новые) надо решать.

Здравоохранение в структурной трансформации экономики. После оглашения президентского Послания Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г. [1], в котором была подтверждена необходимость достижения целевого показателя — повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (теперь уже к 2030 г.), перспективы сохранения нацпроекта «Здравоохранение» в перечне таковых на ближайшие годы представляются более чем хорошими.

Однако необходимо учитывать и тот факт, что, помимо проекта «Здравоохранение», есть и другие национальные проекты («Образование», «Демография», «Культура», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жилье и городская среда» и пр.), по которым также будет решаться вопрос о целесообразности их пролонгирования. К тому же, как было заявлено в президентском Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2024 г., в период до 2030 г. будут реализовываться такие новые национальные проекты, как «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь России», «Кадры», «Экономика данных».

В этой связи и с учетом важности обеспечения структурной перестройки экономики встает вопрос о том, как реализация национальных проектов может повлиять на решение соответствующих задач. То есть перспективы тех или иных нацпроектов будут зависеть не только от того, насколько успешным оказалось достижение ранее установленных целевых показателей, и не только от того, сколь важным является решение новых профильных задач, но и от того, насколько реализация этих проектов будет встроена в решение общей задачи по структурной перестройке экономики.

Перспективы дальнейшей реализации нацпроекта «Здравоохранение» не являются в этом случае исключением. Поэтому представляется актуальным проведение исследовательской оценки вклада реализации национального проекта «Здравоохранение» в структурную перестройку экономики России.

Предваряя такую оценку, важно также отметить особенности той структурной перестройки экономики, которая уже происходит в настоящее время в России. С конца февраля 2022 г. российская экономика находится в условиях, кардинально отличающихся от тех, которые были в предыдущие десятилетия. В результате острейшего геополитического конфликта, связанного с украинскими событиями, в отношении Российской Федерации были введены масштабные экономические санкции. Тем не менее первоначальный период — весной и летом 2022 г., который можно охарактеризовать как шоковый, был успешно преодолен. В дальнейшем же экономика и вовсе продемонстрировала рост. В результате совокупный прирост ВВП по итогам 2022—2023 гг., если рассчитать по данным Росстата, составил 2,4% (снижение на 1,2% в 2022 г. и рост на 3,6% в 2023 г.).

Важно, что такой вид экономической деятельности, как «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», продемонстрировал в 2022—2023 гг. одно из самых глубоких падений — на 7%. Хуже здравоохранения по этому показателю было только «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений». Однако учитывая вес, значимость видов экономической деятельности, понятно, что динамика именно здравоохранения в эти годы должна вызывать вопросы. Вряд ли такая динамика отвечает актуальным задачам структурной перестройки экономики в такой период. Уменьшение значения здравоохранения в ВВП страны вследствие низких темпов развития — это серьезное структурное изменение.

Однако это изменение, как и практически все иные в 2022—2023 гг., — скорее не результат целенаправленной работы по структурному реформированию экономики, а следствие реагирования экономики на испытываемые ею в этот период шоки. В 2022—2023 гг. один из самых значимых приростов валовой добавленной стоимости продемонстрировал такой вид экономической деятельности, как «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» — прибавка составила 13,3% за два года. Эта динамика особенно выделяется на фоне того, что, как уже было отмечено выше, продемонстрировало в этот период здравоохранение.

Также выделяется и прирост валовой добавленной стоимости по такому виду деятельности, как строительство: на 14,6% за 2022—2023 гг. Успехи строительства также связаны со спецификой данного периода, когда экономика, приобретающая черты экономики мобилизационного типа, объективно требует большого объема проводимых строительных работ.

Объективности ради необходимо отметить тот факт, что на структурные изменения в российской экономике повлияло и то, что 2022 г. и 2023 г. в особенности — это годы постпандемийного восстановления. Пандемия COVID-19 заканчивалась. В некоторых, особенно пострадавших отраслях, это проявилось наиболее отчетливо. К примеру, такой вид экономической деятельности, как «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» продемонстрировал прирост валовой добавленной стоимости в 2022—2023 гг. на 15,6%. Однако фактическое окончание пандемии COVID-19 в 2023 г. означало именно для здравоохранения спад, о котором уже говорилось выше.

Таким образом, произошедшие в 2022—2023 гг. структурные изменения в российской экономике являются следствием как острейшего геополитического конфликта и соответствующих антикризисных мер, так и постепенного завершения предшествующего шока — пандемии COVID-19. Причем доминирующим фактором уже стали геополитический конфликт и широкомасштабные санкционные ограничения, введенные против российской экономики.

На таком фоне структурная трансформация экономики пока не стала результатом проводимой целенаправленной работы. Она, как было сказано выше, скорее являлась следствием, вынужденной реакцией на внешние шоки. Подобная структурная перестройка носит адаптационный временный характер. Если это так, то встают вопросы о том, какой может быть планомерная работа по структурной перестройке экономики, какую роль в этой перестройке могут

и должны сыграть национальные проекты в целом и проект «Здравоохранение» в особенности.

Традиционно, когда исследуется вопрос о структурной трансформации в отраслевом разрезе, внимание уделяется или тому, какими темпами развиваются различные отрасли, или тому, как меняются доли этих отраслей в экономике страны. Если сформулировать более точно, то смотреть необходимо на изменение доли валовой добавленной стоимости той или иной отрасли в совокупной валовой добавленной стоимости страны. Так как о сравнении по темпам развития было уже сказано, интересно посмотреть, как менялась доля того же здравоохранения в экономике страны. Доля здравоохранения («Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», если использовать официальную статистическую формулировку) в совокупной валовой добавленной стоимости страны составила, по данным Росстата³, 3,2% в 2023 г. Этот показатель не изменился по сравнению с 2022 г.

Если же посмотреть и сравнить, сколько составляла доля здравоохранения в совокупной добавленной стоимости еще несколько лет назад, то нынешний показатель будет ниже (в 2014—2016 гг. показатель, по данным Росстата, был в пределах 3,7—3,9%)⁴. Отсюда следует простой и совершенно верный вывод: доля здравоохранения в экономике страны снизилась за последние десятилетия, необходимо исправить данный структурный перекося. Этот вывод тем более справедлив, если нынешний российский показатель сравнить с аналогичным показателем в развитых странах. Российский показатель гораздо ниже, в два и более раза. Отмеченный факт давно известен специалистам. Тем не менее прогресса в увеличении доли здравоохранения в экономике страны не наблюдается.

Национальный проект «Здравоохранение» и решение задачи повышения производительности труда. С целью усиления аргументации в пользу здравоохранения предлагается отказаться от традиционного взгляда на место здравоохранения в целом и соответствующего нацпроекта в частности в структурной трансформации российской экономики. Новый дополнительный аргумент должен состоять в том, что реализация нацпроекта «Здравоохранение» способна увеличить производительность труда в российской экономике. Увеличение доли отраслей с более высокой производительностью труда, рост количества высокопроизводительных рабочих мест — это повышение качества структурной перестройки и это именно то, что необходимо в настоящее время для российской экономики.

Таким образом, структурная модернизация экономики должна быть направлена не просто на приоритетное развитие тех или иных отраслей, увеличение их долей в экономике страны, а на повышение производительности труда в российской экономике, в том числе за счет развития перспективных в этом плане отраслей. Способствовать этому может и должна реализация проекта «Здравоохранение».

Формально нацпроект «Здравоохранение» направлен на достижение национальных целей: обеспечение устойчивого естественного роста численности

---

³ Социально-экономическое положение России. 2023 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12—2023.pdf>

⁴ Доля валовой добавленной стоимости видов экономической деятельности в общем объеме валовой добавленной стоимости в основных ценах. URL: <https://showdata.gks.ru/report/277378/>

населения Российской Федерации и повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г. [2]. Целевыми показателями нацпроекта являются снижение смертности населения трудоспособного возраста, снижение смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, снижение младенческой смертности, ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год, увеличение объема экспорта медицинских услуг и др. В мировой исследовательской практике существует весьма широкий спектр работ, результаты которых свидетельствуют о том, что состояние здоровья людей, на улучшение которого в первую очередь и направлен нацпроект, непосредственным образом влияет на качество рабочей силы. В свою очередь, качество рабочей силы непосредственным образом влияет на производительность труда и, соответственно, экономический рост.

Например, в работе [3] даются оценки среднегодовых потерь рабочих дней в США в зависимости от наличия заболеваний. Выборка охватывает 1,3 млн человек в период 2007—2009 гг. Результаты исследования показали, что работники с одним или двумя хроническими заболеваниями в среднем отсутствуют на работе больше дней, чем не имеющие хронических заболеваний: здоровые отсутствуют 1,4 дня, люди с одним заболеванием — 1,9 дней, с двумя заболеваниями — 3 дня в году. Разница в количестве непроизводительных дней (вследствие плохого состояния здоровья, хотя формально человек на рабочем месте присутствует) между людьми из указанных групп еще более существенна: здоровые показывают низкую производительность 3,7 дней в году, работники с одним заболеванием — 7,9 дней в году, с двумя заболеваниями — 20,1 день в году.

Помимо такого рода исследований, есть некоторые статистические данные по экономическим потерям от заболеваемости и смертности по отдельным видам болезней, в том числе для России. Например, статистическая служба Канады оценивает потери ВВП от заболеваемости в целом на основе метода *Cost of illness*, когда в стоимость болезни включаются прямые и косвенные затраты, связанные с заболеванием. Среди косвенных затрат чаще всего фигурирует снижение производительности труда, складывающееся, во-первых, из отсутствия на работе по причине болезни; во-вторых, из снижения производительности труда заболевших, но присутствующих на работе сотрудников и, в-третьих, из смертности (нужно время, чтобы найти замену умершему сотруднику). В статистике Канады количественно оцениваются потери от снижения производительности труда вследствие заболеваемости и смертности по видам заболеваний. Согласно отчету еще 2010 г., ущерб экономике Канады от заболеваний составил 130,8 млрд долл., в том числе 111,8 млрд долл. — прямые потери и 19 млрд долл. — косвенные потери, рассчитанные как сумма потерь ВВП от заболеваемости, смертности и неофициального ухода за заболевшими.

Существует достаточно широкий перечень научных работ, посвященных оценке стоимости отдельных болезней — как российских, так и зарубежных, учитывающих при расчете стоимости снижение производительности труда либо непосредственно снижение ВВП. Ряд зарубежных исследований посвящен изучению связи между заболеваемостью и производительностью. В настоящее время

не подлежит сомнению тот факт, что чем выше заболеваемость и смертность от конкретных болезней, тем выше влияние их на производительность труда и ВВП. В России (и это получило отражение в целевых показателях нацпроекта) наиболее значимыми являются сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, смертность от них наиболее высока. Похожая ситуация в США, поэтому изучению взаимосвязи между сердечно-сосудистыми заболеваниями и производительностью уделяется особенно много внимания.

Американская кардиологическая ассоциация, используя данные различных исследований, посвященных экономическим потерям от сердечно-сосудистых заболеваний, гипертонии, инсульта и ожирения в США, установила следующее. В США сердечно-сосудистые заболевания, так же как и в России, являются самой частой причиной смерти, около трети смертей происходят по причине сердечно-сосудистых заболеваний (в России — более 46%). Производительность труда работников с сердечно-сосудистыми заболеваниями снижена, каждый такой работник теряет 56 отработанных часов в год из-за болезни. Болезни сердца приводят к потере в среднем 13 человеко-дней в год, инсульты — к потере 20 человеко-дней в год. Больничные по лечению гипертонической болезни стоят американским работодателям около 10,3 млрд долл. США в год. В работе [4] показано, что наиболее сильно последствия сердечно-сосудистых заболеваний снижают производительность за счет отсутствия на работе в первый год после их выявления (23,1 часа против 19,8 часов в группе работников без сердечно-сосудистых заболеваний), а особенно в первый месяц (43 часа против 19,7 часов в группе работников без сердечно-сосудистых заболеваний).

Потери производительности труда от онкологических заболеваний оценивались для стран БРИКС в работе [5], проведенной Международным агентством исследований рака ВОЗ (IARC) совместно с ведущими институтами исследования рака в странах БРИКС. Общие потери от онкологических заболеваний в странах БРИКС вследствие снижения производительности труда составили 46,3 млрд долл. США в 2012 г., что составляет порядка 0,33% ВВП этих стран. Расчет был проведен с использованием метода человеческого капитала, т.е. оценивались потери производительных лет жизни. В России, по данным исследования, наибольший ущерб приносят рак печени, легких, головы и шеи, что, вероятно, связано с высоким потреблением алкоголя и табака. Авторы делают вывод, что для снижения потерь производительности и улучшения здоровья населения необходимо контролировать потребление табака, проводить вакцинацию и скрининг, в сочетании с увеличением доступности необходимой медицинской помощи.

Поскольку нацпроект «Здравоохранение» направлен в том числе на увеличение доступности медицинской помощи для пациентов, страдающих сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями (оснащение и переоснащение сосудистых центров, онкологических диспансеров), это должно положительным образом повлиять на снижение смертности от соответствующих заболеваний. Однако в плане влияния этих заболеваний на производительность труда немаловажным является то, что как сердечно-сосудистые, так и онкологические заболевания являются инвалидизирующими. Поэтому одно только снижение смертности как целевой показатель нацпроекта явно является недостаточным, нужно учитывать дополнительно изменение производительности труда.

Производительность труда должна служить важным дополнительным индикатором успешности реализации нацпроекта «Здравоохранение». Если смертность снижается, а производительность растет — это означает успех нацпроекта. Если же смертность снижается, но это не приводит к росту производительности — это означает, что в работе нацпроекта есть недостатки. Например, это может означать, что выжившие утрачивают трудоспособность, следовательно, хотя цель нацпроекта и может считаться формально достигнутой, сам нацпроект не способствует достижению национальной цели по росту ВВП выше среднемирового уровня.

Влияние младенческой смертности на производительность (снижение младенческой смертности — одна из целей нацпроекта «Здравоохранение») — малоисследованная область. Тем не менее встречаются отдельные оценки потерь производительности, основанные на использовании понятия человеческого капитала. Так, ВОЗ приводит оценки потерь производительности от младенческой смертности для Сенегала и Уганды [6], основывающиеся на величине недополученного ВВП вследствие преждевременных смертей, исходя из средней продолжительности жизни и уровня зарплат в этих странах. Модельные расчеты показали, что потери производительности за 2001 г. в результате младенческой смертности составили 17,3 млн долл. США для Сенегала и 40,8 млн долл. США для Уганды (в расчете на один случай — 1165 и 1248 долл. США соответственно).

Еще один целевой показатель нацпроекта «Здравоохранение» — рост экспорта услуг, причем весьма значительный рост — в 4 раза. Достижение этой цели должно положительным образом отразиться на производительности труда в здравоохранении. Согласно ряду исследований, открытость внешним рынкам оказывает положительное влияние на производительность труда и экономический рост. В нынешних условиях острейшего геополитического конфликта открытость российской экономики столкнулась с большими проблемами. Однако это не означает, что актуальность взаимосвязи экспорта и производительности труда стала меньше.

В исследовании ОЭСР «Экспорт и производительность в глобальных цепочках ценностей: сравнительный опыт Латвии и Эстонии» [7] показано, что выход компаний на экспортный рынок существенно повышает производительность труда. В Латвии в год выхода на экспортный рынок производительность растет в среднем на 23% и на третий год — на 20%, в Эстонии, соответственно, на 14 и 13,5%. В Испании в 1993—2007 гг. увеличение экспорта компании на 10% в среднем приводило к росту уровня производительности труда компании на 1,1% [8]. Необходимо учитывать и то, что сам по себе рост экспорта означает повышение конкурентоспособности компании и качества ее услуг, более активное использование инноваций и результатов НИОКР и т.п. Это способствует росту производительности труда, причем нередко так бывает, что этот рост на уровне отдельных организаций замечен еще до того, как они становятся экспортерами [9].

Многие цели нацпроекта направлены в конечном итоге на повышение уровня здоровья населения, которое, как было отмечено выше, оказывает непосредственное влияние на производительность труда. Если рассматривать целевые показатели по отдельности, то эффект от их достижения может оказаться весьма незначительным как в плане оздоровления населения, так и в плане производительности. Это косвенным образом подтверждается практически полным

отсутствием научных работ, посвященных исследованию этих довольно узких вопросов, например по ликвидации кадрового дефицита, организации профосмотров или оптимизации лечебных учреждений. Однако в совокупности меры, направленные на достижение целевых показателей, могут более ощутимо воздействовать на уровень здоровья населения, качество труда, производительность труда и, как следствие, на экономический рост.

При анализе влияния нацпроекта «Здравоохранение» на производительность важно учитывать то, что некоторые меры нацпроекта направлены на повышение качества рабочей силы медицинского персонала и, как следствие, возможно повышение производительности труда в медицине. Поэтому целевые показатели, отражающие эффективность этих мер, теоретически могут быть дополнены показателями производительности труда в здравоохранении, однако это потребует решения методологической проблемы расчета показателей производительности труда для здравоохранения и других нерыночных видов деятельности. Так, устранение дефицита персонала — рост числа врачей и медсестер и повышение их квалификации — повлечет за собой рост ВДС в здравоохранении при условии, что их труд будет должным образом оплачен из бюджета. Отметим, что это не обязательно означает повышение производительности труда в медицине. Вследствие вовлеченности врачей в систему непрерывного образования вырастет их квалификация, а это, в свою очередь, ускорит рост производительности труда в здравоохранении. Также могут повлиять на производительность труда в здравоохранении достижение целей нацпроекта по сокращению времени ожидания в очереди и упрощению процедуры записи на прием к врачу за счет увеличения пропускной способности медицинских учреждений. Охват большего числа граждан профосмотрами означает большее количество часов, отработанных врачами, проводящими профосмотры, и больший объем соответствующих услуг, оказанных в здравоохранении. Достижение доступности медицинской помощи в отдаленных населенных пунктах также приведет к росту объема оказанных медицинских услуг и отработанных часов.

Росту производительности в здравоохранении могут поспособствовать значительные капиталовложения в медицинскую инфраструктуру в рамках нацпроекта — строительство и реконструкция детских больниц, оснащение и переоснащение сосудистых центров, онкологических диспансеров, создание иммуногистохимических референс-центров, расширение патоморфологических и лучевых методов исследований, приобретение мобильных медицинских комплексов, строительство и реконструкция вертолетных площадок, замена фельдшерских, фельдшерско-акушерских пунктов, врачебных амбулаторий, находящихся в аварийном состоянии, и пр. Значительные капиталовложения в рыночном секторе оказывают положительное влияние на производительность труда. Касательно нерыночного сектора, к которому относится здравоохранение, этот вопрос изучен мало, однако логика подсказывает, что здесь может наблюдаться то же положительное влияние. Помимо этого влияния, есть и другой эффект: значительный объем работ по строительству и реконструкции больниц положительным образом отразится на выпуске и производительности труда в строительной отрасли.

При проведении более детального анализа влияния нацпроекта «Здравоохранение» на производительность, выходящего за рамки данной работы, необходимо отделять влияние нацпроекта на показатели производительности от влияния других факторов.

Существующие исследования, посвященные изучению влияния здравоохранения и здоровья населения на производительность труда и экономический рост, позволяют предположить с большой долей вероятности, что реализация нацпроекта «Здравоохранение» будет оказывать влияние на производительность труда и на такую структурную модернизацию российской экономики, которая позволит развивать в приоритетном порядке высокотехнологичные и высокопроизводительные отрасли.

Заключение. Структурная перестройка экономики России, происходящая с 2022 г. по настоящее время, пока является вынужденным реагированием на новые геополитические вызовы, чрезвычайно усилившееся санкционное давление. Реализуемые национальные проекты, в том числе нацпроект «Здравоохранение», пока не стали инструментом проведения структурной модернизации экономики. Доля здравоохранения в ВВП страны не только не выросла за последние годы, но даже снизилась. Такая ситуация требует своего исправления. Реализация нацпроекта «Здравоохранение» — это не только повышение ожидаемой продолжительности жизни людей в качестве основного целевого показателя нацпроекта, но это и, естественно, снижение заболеваемости и повышение в конечном итоге производительности труда в российской экономике. Рост производительности труда — важнейшее качественно структурное изменение экономики, которое может быть в значительной мере обеспечено за счет успешной реализации национального проекта «Здравоохранение».

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: <https://base.garant.ru/72185920/> (дата обращения 03.02.2024).
3. *Mitchell R.J., Bates P.* 2011. Measuring health-related productivity loss. // *Population health management*. V. 14. № 2. P. 93–98. <https://doi.org/10.1089/pop.2010.0014>
4. *Song X., Quek R. G., Gandra S. R., Cappell K. A., Fowler R., Cong Z.* 2015. Productivity loss and indirect costs associated with cardiovascular events and related clinical procedures // *BMC health services research*. № 5 (245). <https://doi.org/10.1186/s12913-015-0925-x>
5. *Pearce A, Sharp L, Hanly P, Barchuk A, Bray F, de Camargo Cancela M, и др.* Productivity losses due to premature mortality from cancer in Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS): a population-based comparison // *Cancer Epidemiology*. V. 53. P. 27–34. <http://dx.doi.org/10.1016/j.canep.2017.12.013>
6. *Islam M., Kamrul, Gerdttham, Ulf-G* и World Health Organization. 2006. The costs of maternal-newborn illness and mortality // World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/43516> (дата обращения 04.02.2024).
7. *Benkovskis K., Masso J., Tkacevs O., Vahter P., Yashiro.* Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia. N.2017// OECD Economics Department Working Papers № 1448. OECD Publishing. Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/cd5710c4-en>

8. *Steinwender C.* The roles of import competition and export opportunities for technical change. 2015 // CEP discussion paper dp 1334. Centre for Economic Performance. LSE. London. UK. URL: <https://ideas.repec.org/p/cep/cepdps/dp1334.html> (дата обращения 04.02.2024).
9. *Johannes Schwarzer.* The Effects of Exporting on Labour Productivity: Evidence from German Firms // Working Papers 1702. Council on Economic Policies. <https://ideas.repec.org/p/ceq/wpaper/1702.html> (дата обращения 04.02.2024).

Igor Nikolaev (e-mail: Nikolaev1806@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Chief Researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

Viktor Cherepov (e-mail: Cherepovvm@rspp.ru)

Grand Ph.D. in Medical Sciences (D. Med. Sc.), Professor, Head of the Department of Management in Healthcare and Sports Industry, State University of Management (Moscow, Russian Federation)

Olga Sobolevskaya (e-mail: olsob@bk.ru)

Grand Ph.D. in Medical Sciences (D. Med. Sc.), Professor of the Department of Management in Healthcare and Sports Industry, State University of Management (Moscow, Russian Federation)

THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “HEALTHCARE” IN THE CONTEXT OF THE RESTRUCTURING OF THE ECONOMY

The implementation of national projects, including new ones, which were announced on February 29, 2024 in the Presidential Address to the Federal Assembly, can have a serious impact on the restructuring of the Russian economy. However, the mechanism of this influence, including through the implementation of the national project “Healthcare”, has not been sufficiently studied.

Keywords: national project “Healthcare”, structural restructuring, labor productivity, economic losses from morbidity.

DOI: 10.31857/S0207367624050016

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

© 2024

УДК: 338.2

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор,

главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

В статье рассматриваются ключевые теоретические подходы к решению вопроса о соотношении процессов государственного управления и государственного регулирования. Исследуется их специфика, связанная в зависимости от отношений собственности или ведомственной подчиненности либо с прямым управляющим воздействием, либо с нормативным установлением порядка деятельности и осуществлением контроля за его соблюдением. Показана практика управляющего / регулирующего воздействия на примере ряда государственных структур. Предложены приоритетные направления повышения эффективности государственного управления и регулирования.

Ключевые слова: государственное управление, государственное регулирование, контроль и надзор, административно-командная и публичная парадигмы, «ручное» управление, органы исполнительной власти, гражданское общество.

DOI: 10.31857/S0207367624050025

Введение. Как известно, в настоящее время идет поиск более эффективной модели государственного управления, нацеленной не столько на решение текущих тактических задач, сколько на реализацию стратегических трендов общественного развития. Указанная модель может, например, строиться на включении в процесс управления новых субъектов для достижения компромисса при принятии решений и сбалансированности общественных интересов. Речь идет о постепенном переходе с учетом стратегических подходов, обозначенных президентом страны, на так называемую публичную парадигму государственного управления, предполагающую «формирование модели государственного управления с участием широкого круга заинтересованных сторон (*“стейкхолдеров”*), системой кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и бизнес-структур, обеспечивающей согласование интересов и решение общественных проблем» [1. С. 13].

Любая трансформация институтов государственного управления не может не затронуть и систему государственного регулирования, осуществляемого главным образом путем установления наиболее общих норм и правил, которыми должны руководствоваться все субъекты и объекты управленческой деятельности. Но насколько сопряжены и соподчинены процессы государственного управления и государственного регулирования? На наш взгляд, консенсус по этому вопросу еще не достигнут. Некоторые авторы, как будет показано далее, прямо не включают

государственное регулирование в число функций, этапов или принципов государственного управления. С другой стороны, например, авторы учебника «Национальная экономика» [2], выдержавшего пять изданий, делают акцент на государственном регулировании и лишь вскользь говорят о государственном управлении (см. раздел VI «Регулирование национальной экономики»). Между тем правильное соотнесение данных процессов очень важно для развития науки государственного управления. Как отмечают В. Тамбовцев и И. Рождественская, дискуссия о составе и содержании этой науки идет с конца XIX в. и актуальной задачей можно считать расширение данной дискуссии, включение в нее новых сюжетов [3. С. 8—9]. Таким относительно новым сюжетом является исследуемый нами вопрос. В качестве «отправной точки» для дискурса отметим статью А. Худяковой, где делается справедливая ремарка, что данная проблема должна рассматриваться не изолированно, а комплексно — в единстве связей со средой окружения, с изучением сущности каждой связи и всех отдельных элементов, проведением ассоциации между частными и общими целями [4. С. 201].

Теория. Термин «государственное управление» не получил в российском законодательстве широкого распространения. Лишь в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ-172) даны определения понятий государственного и муниципального управления (статья 3): под государственным управлением понимается деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны; под муниципальным управлением понимается деятельность органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития. Согласно ФЗ-172, цели и задачи государственного и муниципального управления находят свое отражение в документах стратегического планирования разных уровней власти. В связи с этим понятия государственного и муниципального управления встречаются именно в документах стратегического планирования, в частности в государственных программах РФ [5. С. 65—66].

Большой юридический словарь трактует государственное управление как «организованный процесс руководства, государственного регулирования и контроля со стороны государственных органов за развитием экономики и культуры, иных сфер общественной жизни; высшая форма сознательного регулирования процессов функционирования и развития системы». То же издание определяет государственное регулирование как «целенаправленное воздействие государства на организацию определенной сферы жизнедеятельности общества путем издания законов и других нормативных правовых актов, определяющих предлагаемые государством правила деятельности в соответствующей сфере» [6]. Отметим, что если в трактовке термина «государственное управление» регулирование упоминается два раза (как государственное и сознательное), то в трактовке термина «государственное регулирование» какие-либо определения, связанных с управлением, отсутствуют. Здесь уместно привести и цитату из монографии С. Шишкина: «В условиях рыночной экономики, когда значительная часть средств производства находится в частной собственности, говорить можно именно о принципах государственного регулирования экономики,

а никак не о принципах управления или, более того, — руководства хозяйством. Руководить и управлять государством может лишь тот, что находится в его собственности, а регулировать государство может тот, что находится в его ведении» [7. С. 73]. При этом, как мы уже отмечали ранее, содержательного определения понятия «государственное регулирование» вообще нет в российском законодательстве [5. С. 66].

В научной литературе, посвященной теории управления, и в частности теории государственного управления, особое внимание уделяется функциям управления. В их числе, как правило, обозначаются следующие: прогнозирование и планирование, организация, руководство, координация, контроль, регулирование. О последнем, например, А. Худякова пишет: «регулирование является частью управления, т.е. его функцией... Регулирование наиболее ярко формулирует тот комплекс действий, которые совершаются в процессе управленческой деятельности» [4. С. 203—204].

Вместе с тем не все авторы акцентируют внимание на функции регулирования. Например, А. Городецкий с позиций менеджмента выделяет следующие функции государственного управления [8. С. 429]:

- определение целей и задач;
- планирование и принятие решений;
- организация выполнения решений;
- обеспечение мотивации работников и коммуникаций;
- оценка и мониторинг результатов;
- развитие персонала;
- разработка бюджета.

В свою очередь, эксперты из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ говорят не о функциях, а об этапах, присущих государственному управлению, а именно таких, как сбор и обработка информации; анализ, систематизация, синтез; постановка на этой основе целей, выбор метода управления, прогнозирование; внедрение выбранного метода управления; оценка эффективности выбранного метода управления [9. С. 85—86].

Отметим также, что в 1916 г. были опубликованы 14 универсальных принципов управления А. Файоля, среди которых — разделение труда, полномочия и ответственность, дисциплина, единоначалие, стабильность персонала и т.д. (см.: [10. С. 6—7]). Регулирование здесь не упоминается, однако можно предположить, что оно подразумевается как «пронизывающее» все принципы, этапы и функции управления, в том числе осуществляемого государством.

Следует согласиться с точкой зрения, что «каждым органом исполнительной власти осуществляется государственное управление, в механизме которого в меньшем или большем объеме представлены элементы государственного регулирования. В этом смысле государственное управление по своему объему шире, чем государственное регулирование» [4. С. 205]. Регулирование притягивает к себе иные управленческие функции, занимает в их системе центральное место. Оно является наиболее общей функцией государственного управления, т.е. процесса практической реализации исполнительной власти. Соответственно, в административно-правовом аспекте оно проявляется как нормативное регулирование, осуществляемое

полномочными субъектами исполнительной власти в определенных для них сферах деятельности.

Здесь, на наш взгляд, следует обратить внимание и на достаточно критичный подход к исследуемой проблеме А. Бузгалина и А. Колганова. Они считают, что в постсоветской российской экономике «сформировался своеобразный переходный вариант, интегрирующий (1) черты имманентно свойственного позднему капитализму косвенного государственного регулирования и (2) элементы директивного централизованного управления, свойственного советской системе». И первое, и второе претерпели на российской почве серьезные мутации: регулирование осуществляется либо вне формально установленных норм, либо с их нарушением; управление же стало преимущественно «ручным», что выражается в централизованном воздействии государства на экономику вне связи с рыночными стимулами. Далее авторы делают вывод, «что отношения теневого государственного регулирования и “ручного” управления в реальной хозяйственной практике тесно взаимосвязаны, в ряде случаев — интегрированы — в рамках единой [отчасти] *теневой системы прямого (“ручного”) государственного управления* экономическими процессами и проектами» [11. С. 57—58].

Россия — специфическая страна, даже особая цивилизация, которой на протяжении многих веков было свойственно «ручное» управление. Такое управление в современной российской практике во многом связано, по нашему мнению, с использованием модели государственного капитализма, «предполагающей в первую очередь примат государственного бизнеса над частным (при этом инвестиции госкомпаний рассматриваются как один из основных источников роста экономики) ...» [12. С. 5]. Особенно это характерно для корпоративной формы отечественного госкапитализма, когда государство в экономической сфере опирается на государственные корпорации, в широком смысле слова (имеются в виду не только структуры, имеющие законодательно закреплённый статус госкорпораций, но и компании с государственным участием, выступающие в организационно-правовой форме публичных акционерных обществ). «Ручное» управление здесь объективно необходимо, поскольку значительные финансовые потоки государственных корпораций стали в определенной степени собственностью властных структур, выступающих гарантом их деятельности независимо от полученных результатов.

Использование административно-командного ресурса, включая «ручное» управление, необходимо и сегодня при решении задач, связанных с адекватными ответами на внешние и внутренние вызовы. Но это, конечно, не исключает необходимости борьбы с различными проявлениями теневого государственного регулирования.

В нынешнее непростое время важно, чтобы работа институтов государственного управления и регулирования, во-первых, основывалась на достаточной обеспеченности объективной информацией для правильной оценки вероятности возможных событий и их последствий, а во-вторых, не подменялась, как правильно отмечают А. Бузгалин и А. Колганов, действием неформальных институтов, замещающих функции нормативно-правовых (формальных) государственных институтов. Такие полутеневые, и даже криминальные «антисоциальные», институты действительно создаются доминирующими в государстве и обществе

группами на основе их собственных интересов и ценностей, подменяя деятельность действующих или бездействующих государственных институтов. Нельзя исключать и перерождение институтов управления в процессе их функционирования, в итоге которого неформальные институты управления становятся формальными, и наоборот, что не может не влиять на качество государственного управления, под которым понимается «достижение целей в установленные сроки с минимальными затратами общественных ресурсов на основе сочетания эффективности и демократичности, обеспечивающих соответствие деятельности государственных служащих ключевым ценностям государственного управления» [13. С. 18]. В свою очередь, эти ценности принимают разное содержательное наполнение в зависимости от того, какая модель государственного управления в данное время претворяется в жизнь. Желательно, чтобы данная модель только в кратко- и среднесрочной перспективе строилась на основе административно-командной парадигмы (с необходимыми сейчас мобилизационными элементами), в долгосрочной же (стратегической) перспективе — на публичной (общественной) парадигме.

В целом мы поддерживаем тезис о том, что «руководить и управлять государством может лишь тем, что находится в его собственности, а регулировать государство может то, что находится в его ведении» [7. С. 73]. Покажем это на практических примерах деятельности некоторых российских государственных управленческих структур.

Практика. Представляется, что в начале данного раздела нельзя не дать краткую характеристику *Федеральному агентству по управлению федеральным имуществом (Росимуществом)* — федеральному органу исполнительной власти, к функциям которого относятся: управление федеральным имуществом, в том числе в области земельных отношений, оказание государственных услуг и правоприменение в сфере имущественных отношений. Росимущество выступает специализированным органом, посредством которого государство осуществляет руководство и управление тем, что находится в его собственности.

Агентство, согласно Постановлению Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом», наделено (за некоторыми исключениями) полномочиями собственника в отношении имущества федеральных государственных унитарных предприятий и государственных учреждений, акций (долей) акционерных (хозяйственных) обществ и иного имущества, составляющего казну Российской Федерации, а также полномочиями по изъятию у учреждений и казенных предприятий излишнего, неиспользуемого либо используемого не по назначению федерального недвижимого имущества, передаче федерального имущества физическим и юридическим лицам, приватизации (отчуждению) федерального имущества.

Анализ проблем управления государственным имуществом на федеральном и региональном уровнях, компаниями с государственным участием в аспекте необходимости разработки новых базовых концептуальных положений в данных сферах достаточно полно представлен в публикациях сотрудников Центра исследований проблем государственного управления Института экономики РАН (см., напр.: [13—15]).

Далее в качестве объектов анализа будут представлены три разноплановые структуры, являющиеся институтами государственного управления, осуществляющими регулирующие функции по отношению к определенному кругу

объектов — юридических лиц, имеющих или не имеющих соответствующую ведомственную подчиненность. Это Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки), Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) и Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации — федеральный орган исполнительной власти, наделенный функциями по выработке и реализации государственной политики, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в научной сфере и сфере высшего образования. Обладает полномочиями учредителя подведомственных организаций и собственника федерального имущества, закрепленного за этими организациями. На 1 января 2023 г. это 219 высших учебных заведений, 446 научных организаций и 7 домов ученых¹. В отношении подведомственных организаций министерством осуществляется разработка и утверждение государственных заданий на выполнение работ и/или услуг, что подразумевает и соответствующее выделение бюджетных средств, а контроль качественного выполнения работ (услуг) производится посредством оценки результативности их деятельности на основе разрабатываемых показателей и нормативов².

В Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» говорится, что управление научной и/или научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления (статья 7). Последнее трактуется следующим образом: «Органы государственной власти Российской Федерации гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок» (статья 3, п. 2). Это означает, с одной стороны, что Минобрнауки РФ как федеральный орган исполнительной власти только оформляет в виде государственного задания разработанные подведомственными организациями планы НИР. С другой стороны, это не умаляет преобладающей роли государственно-регулятивных начал в управлении научной сферой и элементы самоуправления здесь играют скорее вспомогательную роль. Некоторые критические аспекты регулирования министерством деятельности подведомственных научных организаций, в том числе связанные с выполнением государственного задания, нашли отражение в статье [16].

Регулирующая деятельность Минобрнауки, как и других министерств и ведомств, имеющих подведомственные организации, строится на принципах *государственного патернализма*, «который можно определить как активность

¹ Минобрнауки РФ. Подведомственные организации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/podvedomstvennye-organizatsii/>

² Среди этих показателей, например, по научным организациям следующие: число публикаций, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования; совокупная цитируемость публикаций, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования; численность аспирантов и докторантов; численность защитивших диссертационные работы (Минобрнауки РФ. Оценка результативности деятельности подведомственных организаций. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/effevaluation/>).

государства, направленную на реализацию его интересов посредством использования имеющихся у него ресурсов, власти принуждения и установления соответствующих норм и правил, ограничивающих свободу индивидуумов» [17. С. 184]. Под «индивидуумами» в нашем случае подразумеваются подведомственные организации, которые получают от вышестоящего руководства не только «кнул», но и «пряник». Так, Минобрнауки озабочено ходом выполнения президентского указа 2012 г. о доведении средних зарплат ученых до 200% от среднерегиональных. В 2023 г. средства на выполнение «зарплатного» указа составили 14,2 млрд руб. Всего дополнительное финансирование получили 168 вузов и 309 научных организаций. При этом министерство напомнило руководителям учреждений, что они несут персональную ответственность за выполнение данного указа, а оно (министерство) им «лишь по мере сил помогает» [18. С. 6—7].

Федеральная антимонопольная служба — федеральный орган исполнительной власти, контролирующий соблюдение антимонопольного законодательства, соблюдение законов в сферах естественных монополий, рекламы, иностранных инвестиций в стратегически значимые компании, государственного оборонного заказа, госзакупок. Согласно Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (статья 22), к функциям антимонопольного органа, в частности, относятся: обеспечение государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства всеми органами исполнительной власти, а также государственными внебюджетными фондами, хозяйствующими субъектами, физическими лицами; осуществление государственного контроля за экономической концентрацией, в том числе в сфере использования земли, недр, водных объектов и других природных ресурсов, а также при проведении торгов в случаях, предусмотренных федеральными законами. Под экономической концентрацией подразумеваются сделки или иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции³.

Антимонопольное регулирование, осуществляемое ФАС России, в целом направлено на поддержку рыночных правил игры, способствующих мобильности ресурсов и устранению входных барьеров в ту или иную сферу хозяйственной деятельности, т.е. созданию условий для свободного проникновения новых финансовых и трудовых ресурсов в любые отрасли и регионы. При этом новые вызовы для такого регулирования возникают в условиях стремительного развития цифровой экономики. Сейчас антимонопольное законодательство содержит большое количество категоричных и трудноизменяемых норм, не позволяющих принимать оперативные решения. С одной стороны, такая строгость способствует правовой определенности, но с другой — это означает, что новые подходы, отражающие специфику цифровизации (в некоторых случаях негативную с точки зрения развития конкуренции), далеко не всегда могут быстро учтены в базовом законе [20. С. 115].

Мы уже отмечали ранее, что цифровые технологии увеличивают возможности приведения роли государства в соответствие с глобальными вызовами и одновременно

---

³ Нарушениями правил о согласовании сделок экономической концентрации, в частности, признаются: осуществление сделки без получения предварительного согласия ФАС и нарушение порядка ее уведомления об осуществлении сделок. Последствиями данных нарушений могут быть принудительная ликвидация или реорганизация коммерческой организации (см.: [19. С. 360—364, 520]).

создают определенные стратегические риски для государственного управления, в первую очередь институциональные и технологические [21]. Эти риски связаны в том числе и с указанной консервативной проблемой в антимонопольном регулировании, когда нет возможности оперативно реагировать, например на усиление контроля иностранных компаний над российским цифровым рынком с угрозами внешнего управления (так называемая «цифровая колонизация»), на возможности цифровых платформ получать несоразмерно высокие доходы, по сравнению с произведенными расходами. К сожалению, среди задач Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции на 2021—2025 гг., утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 2 сентября 2021 г. № 2424-р⁴, значится лишь цифровизация антимонопольного и тарифного регулирования, что представляется недостаточным.

Что касается тарифного регулирования, то здесь деятельность ФАС России связана в основном с установлением государственных цен и тарифов на тот или иной вид продукции или услуг, которые оказывают естественные монополии. Вообще антимонопольная политика у нас в стране направлена большей частью на регулирование поведения естественных монополий. Остальные направления пока существенно отстают, что связано в том числе с недостаточным опытом выявления и реагирования по соответствующим сигналам на факты сговора на товарных рынках (можно вспомнить ценовой «яичный» кризис конца 2023 — начала 2024 г.).

И наконец, *Центральный банк Российской Федерации*, представляющий собой особый институт, сочетающий банковскую деятельность с функциями государственного регулирования, в орбиту которого входят коммерческие банки, небанковские кредитные организации, микрофинансовые организации, другие финансовые учреждения, а также эмитенты ценных бумаг. Общее количество организаций, подпадающих под юрисдикцию Банка России, весьма значительно и трудно поддается точному подсчету. По данным на 25 января 2024 г., только банков и небанковских кредитных организаций — 678, микрофинансовых организаций — 1009, кредитных потребительских кооперативов — 909⁵.

Банк России как государственный орган денежно-кредитного регулирования призван стимулировать и контролировать денежные и кредитные потоки в экономике с помощью инструментов и методов, закрепленных за ним Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Одним из важнейших таких инструментов является банковское регулирование, включающее в себя регистрацию кредитных организаций, лицензирование банковских операций и пруденциальный надзор (англ. prudential — благоразумный, осторожный). Последний осуществляется с целью обеспечения надежности банков и предусматривает целостный и непрерывный контроль над осуществлением ими своей деятельности в соответствии с действующим законодательством и подзаконными актами. Такой надзор, основанный

⁴ Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/402708842/>

⁵ Банк России. URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/FullCoList/; URL: <https://cbr.ru/microfinance/registry/> (дата обращения: 26.01.2024)

на системе обязательных нормативов⁶, объективно необходим, поскольку банковская деятельность по своей природе носит общественный характер: банки работают в основном за счет привлеченных, а не собственных средств, их устойчивость зависит от способности сохранять доверие как физических, так и юридических лиц.

В 2013 г. полномочия Банка России в области регулирования и надзора существенно расширились — он фактически поглотил Федеральную службу по финансовым рынкам с ее функциями проведения государственной регистрации выпусков ценных бумаг и осуществления контроля и надзора в отношении эмитентов, профессиональных участников фондового рынка и их саморегулируемых организаций. Таким образом, Центральный банк РФ в результате этой организационной оптимизации стал мегарегулятором всех финансовых рынков.

Банк России выступает смежником Федеральной антимонопольной службы в части контроля над экономической концентрацией, осуществляемой на финансовых рынках: он уполномочен давать предварительное согласие на совершение ряда сделок кредитных организаций. Однако получение предварительного согласия ЦБ РФ не отменяет необходимости согласия ФАС России на совершение сделки, если существуют соответствующие основания [19. С. 362].

В 2017 г. был внедрен механизм финансового оздоровления (санации) банков с участием Банка России, предусматривающий оказание финансовой помощи проблемным кредитным организациям, в том числе посредством приобретения ЦБ РФ акций (долей в уставном капитале), предоставления кредитов, размещения депозитов. От имени Банка России мероприятия по финансовому оздоровлению осуществляет специально созданное ООО «Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора». По окончании финансового оздоровления банка предполагается продажа его акций (долей в уставном капитале), принадлежащих Банку России, новому инвестору. В данном случае имеет место не просто регулирование, а полноценное управление санируемым банком через временную администрацию. Пока такую практику мы видим только в отношении двух кредитных организаций: Промсвязьбанка (2017—2018 гг.) и Национального банка ТРАСТ (с 2018 г. по настоящее время). В основном работой по финансовому оздоровлению банков занимается государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов».

Следует также отметить, что до сравнительно недавнего времени Банк России совмещал роли главного акционера (50% плюс 1 акция), регулятора и надзорного органа для крупнейшей российской кредитной организации — Сбербанка, то есть не только регулировал, но и непосредственно управлял его деятельностью, в том числе через своих представителей в Наблюдательном совете, что приводило к определенному конфликту интересов. Весной 2020 г. Правительство РФ выкупило у Банка России контрольный пакет акций Сбербанка, номинальным

---

⁶ Среди этих нормативов следующие: достаточность собственных средств (капитала) банка; максимальный размер риска на одного заемщика или группу связанных заемщиков; максимальный размер крупных кредитных рисков; норматив обязательных резервов банка (Инструкция Банка России от 16.01.2004 N110-И (ред. от 28.04.2012) «Об обязательных нормативах банков») URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46534/03a2be231a770df1c965eed2cf766d4b6d4b50e3/

владельцем которого стал Фонд национального благосостояния России. В результате этой сделки Сбербанк стал классической компанией с государственным участием, наряду с Газпромом, Роснефтью, Ростелекомом и т.д. [22. С. 105].

Заключение. Итак, несмотря на то, что процесс государственного регулирования является важнейшей составной частью государственного управления, оно обладает некоторой автономностью, связанной с отсутствием у государства прав собственности в отношении объекта, находящегося в сфере влияния той или иной государственной структуры. Полноправно управлять (или участвовать в управлении) можно только тем объектом, который находится в полной или частичной собственности субъекта управления. Если та или иная организация находится только в ведомственном подчинении, то здесь управление ограничивается регулированием и контролем. Указанная выше автономность проявляется, на наш взгляд, даже в терминологии на английском языке: *public administration* — государственное управление, *state regulation* — государственное регулирование.

С точки зрения перспектив развития публичной парадигмы государственного управления наиболее приемлемой альтернативой ряду направлений государственного регулирования является развитие организаций саморегулирования. Существующая слабость и неэффективность саморегулируемых организаций, которым был делегирован целый ряд избыточных для государства исполнительных функций, является одной из причин дисфункций государственного управления [8. С. 429]. В основу саморегулирования должна быть положена система взаимоотношений хозяйствующих субъектов друг с другом и с государством, основанная на создании альтернативных механизмов разрешения споров субъектов саморегулирования и потребителей, а также субъектов саморегулирования и государства. Проводимая государством политика должна быть ориентирована на последовательное распределение в пользу таких организаций полномочий органов исполнительной власти по регулированию и контролю предпринимательской и профессиональной деятельности в тех секторах экономики, функционирование которых не связано с обеспечением национальной безопасности.

Необходимо определить механизмы, позволяющие гражданскому обществу активно участвовать в процессах выработки социально-экономической политики, принятия и реализации управленческих решений государства. Одним из шагов на пути участия институтов гражданского общества в работе органов государственной власти должно стать достижение прозрачности в деятельности государственных организаций; среди прочего важна публичность процедуры разработки и принятия нормативных актов любого уровня. Эта публичность во многом обеспечивается качественной и независимой экспертизой, основанной на использовании прогрессивных критериев и подходов к оценке принимаемых решений. В данной связи вызывает озабоченность предложение перейти в госуправлении от «экспертного принятия решений» к принятию их «на основе достоверных данных» от первоисточников [23].

Представляется целесообразным, чтобы приоритетными направлениями повышения эффективности государственного управления и регулирования в ближайшее время стали:

- исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти;
- ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования;
- развитие системы саморегулируемых организаций;
- четкое определение целей и сфер государственного вмешательства в экономические процессы, ограничение такого вмешательства оптимумом, необходимым для целей регулирования;
- завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Федерации, оптимизация деятельности территориальных структур федеральных органов исполнительной власти;
- повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества в процессе принятия управленческих решений, а также повышение прозрачности деятельности государственных структур.

Литература

1. *Смотрицкая И.* Государственное управление: от адаптации к развитию // Общество и экономика. 2023. № 10. С. 8–21.
2. Национальная экономика: Учебник / Под ред. П.В. Савченко. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 806 с.
3. *Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А.* Экономическая теория в составе научных оснований государственного управления // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 2. С. 6–20.
4. *Худякова А.С.* Государственное управление и государственное регулирование: проблемы взаимосвязи // Управленческое консультирование. 2014. № 12. С. 201–206.
5. *Смотрицкая И.И., Черных С.И., Сазонова Е.С.* Концепция публичного управления в контексте долгосрочных целей новой экономической политики // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 4. С. 60–76.
6. Большой юридический словарь. Academic.ru. 2010. URL: https://jurisprudence.academic.ru/8331/Государственное_управление
7. *Шишкин С.Н.* Предпринимательно-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 319 с.
8. *Городецкий А.Е.* Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 6. С. 426–436.
9. Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ. Монография под ред. акад. Т.Я. Хабриевой. М., СПб: Нестор-История. 2014. 476 с.
10. Управление современной компанией: Учебник / Под ред. Б. Мильнера и Ф. Лииса. М.: ИНФРА-М, 2001 – XVIII. 586 с.
11. Экономическая система России. Анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200с.
12. *Черных С.* Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции // Общество и экономика. 2021. № 2. С.5–17.
13. Институты государственного управления в контексте стратегических вызовов российской экономики / Под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. СПб.: Алетейя. 2020. 270 с.
14. *Грибанова О.* Управление государственным имуществом: новые реалии и «старые» проблемы // Общество и экономика. 2023. № 10. С. 55–63.

15. *Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д.* Инсайдерская собственность и эффективность деятельности российских публичных компаний: эконометрические оценки // *Управленец*. 2023. Т. 14. № 3. С. 2–16.
16. *Черных С.* Институты управления российской наукой: проблемы и решения // *Общество и экономика*. 2023. № 12. С. 29–38.
17. *Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма* / Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. М.: АЛТЕЙЯ. 2020. 424 с.
18. *Волчкова Н.* Задание на год. Минобрнауки отлаживает работу финансово-экономического блока научных институтов и вузов // *Поиск*. 12 января 2024. № 1–2.
19. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / Отв. ред. И.Ю. Артемьев. М.: Статут. 2015. 718 с.
20. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А. Войникас. М.: Изд. дом ВШЭ. 2018. 312 с.
21. *Смотрицкая И.И., Черных С.И., Шувалов С.С.* Стратегические риски государственного управления в условиях цифровой экономики // *Проблемы анализа риска*. 2019. № 6. С. 38–49.
22. *Черных С.И.* Процесс принятия и реализации управленческих решений государства: теория и практика // *ЭТАП. Экономическая Теория, Анализ, Практика*. 2022. № 2. С. 94–110.
23. Эксперты оценили анонсированную Мишустиним новую модель госуправления // *Ведомости*. 26 апреля 2023. URL: <https://vedomosti.ru.turbopages.org/vedomosti.ru/s/politics/articles/2023/04/26/972717-eksperti-otsenili-mishustinim-model-gosupravleniya>

Sergey Chernykh (e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Chief Scientific Associate, Institute of Economics (RAS),

(Moscow, Russian Federation)

ON THE CORRELATION BETWEEN THE PROCESSES OF PUBLIC ADMINISTRATION AND STATE REGULATION: THEORY AND RUSSIAN PRACTICE

The article discusses the key theoretical approaches to solving the issue of the correlation between the processes of public administration and state regulation. Their specificity is investigated, which, depending on the relations of ownership or departmental subordination, is either with direct control influence, or with the normative establishment of the order of activity and the implementation of control over its observance. The practice of administrative / regulatory influence is shown on the example of a number of state structures. Priority areas for improving the efficiency of public administration and regulation are proposed.

Keywords: public administration, state regulation, control and supervision, administrative-command and public paradigms, “manual” management, executive institutes, civil society.

DOI: 10.31857/S0207367624050025

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 336.77

Сергей Орлов

доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая безопасность, финансы и учет» ФГБУ ВО Курганский государственный университет, ведущий научный сотрудник Курганского филиала института экономики УрО РАН (г. Курган, Российская Федерация) (e-mail: orlovsn@list.ru)

Роман Реутов

младший научный сотрудник Курганского филиала института экономики УрО РАН (г. Курган, Российская Федерация) (e-mail: reutovrv1975@gmail.com)

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЗАКРЕДИТОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется феномен закредитованности населения России, который в настоящее время рассматривается в двух аспектах: как показатель долговой нагрузки, характеризующий соотношение всех доходов и всех обязательств (долгов) граждан, и как индикатор «чрезмерной» кредитной нагрузки населения страны, когда объем обязательств частных лиц по кредитным договорам и займам кредитным институтам превышает финансовые возможности граждан. В исследовании авторами на основе статистических данных выявлены определенные взаимосвязи между индикаторами чрезмерной долговой нагрузки и показателями экономического роста России, а также влияние закредитованности населения на ВВП страны.

Ключевые слова: закредитованность, долговая нагрузка, кредит, домашнее хозяйство, финансовая грамотность, финансовое поведение, процентные ставки, банковский сектор, доходы населения.

DOI: 10.31857/S0207367624050034

В настоящее время актуальными становятся исследования оценки уровня закредитованности российских граждан в силу влияния на него ряда объективных (макроэкономических) и субъективных факторов. К числу первых можно отнести снижение или недостаточно быстрый рост доходов населения, отстающий от темпов роста потребительского кредитования; инфляционное давление, снижающее уровень реальных доходов населения; политику процентной ставки Банка России; льготные программы кредитования, влияющие на доступность кредитов, и т.д. Субъективные факторы по большей части связаны с внутренним усмотрением частных лиц при принятии финансовых решений. К их числу относятся решения об увеличении потребления товаров и услуг, замещении недостающих доходов кредитами и займами, инвестиционные решения о вложении средств в недвижимость, дорогостоящие покупки (например, автомобили) и фондовый рынок. Причем данные решения зачастую принимаются гражданами в условиях высоких инфляционных ожиданий, роста процентных ставок и при необоснованном ожидании увеличения будущих доходов. В свою очередь, последствиями чрезмерной закредитованности граждан являются рост просроченной задолженности, изменение

объема потребления товаров и услуг в рамках всей экономики, общее влияние указанных факторов на ВВП страны, что влечет возникновение существенных рисков для социально-экономического развития России и может стать одним из триггеров финансового кризиса в стране.

Проблема роста закредитованности населения находится в фокусе внимания государственных органов, финансовых институтов, экспертного сообщества. Геополитические факторы, пандемия коронавируса, рост инфляционных ожиданий вызывают в национальной экономике негативные социально-экономические последствия: снижение уровня доходов, увеличение расходов домохозяйств, обесценение сбережений. Граждане РФ компенсируют снижение доходов и рост ожиданий повышения цен посредством увеличения своих кредитных обязательств перед банками, что влечет за собой дополнительные риски для банковской системы, населения и экономики страны в целом. Как следствие, происходит увеличение задолженности населения по обязательствам перед банками, растет просроченная задолженность и в связи с этим наблюдается увеличение числа личных банкротств. По данным Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, в 2019 г. количество банкротств (введенных судебных процедур реализации имущества) составило 68 967, в 2020 г. — 119 024, в 2021 г. — 192 795, в 2022 г. — 278 059 и в 2023 г. — 350 788. Таким образом, количество банкротств граждан в 2023 г. увеличилось более чем в 5 раз, по сравнению с данными за 2019 г. [1].

Темпы роста розничного кредитования, риски закредитованности населения и связанные с ней риски для экономики страны являются предметом дискуссий органов исполнительной власти и макрорегулятора финансовых рынков. В Банке России отмечают, что сегмент потребительного кредитования сильно просел в 2022 г., но в 2023 г. восстанавливался быстро, что может создать риски опасного роста закредитованности людей [10].

По информации Ассоциации Российских Банков, за 2023 г. потребительские кредиты выросли на 15,7% после низких показателей кризисного 2022 г. (+2,7%), но это лишь немногим ниже результата за 2021 г. (+20,1%) [8].

О росте долговой нагрузки по кредитам частным лицам, о недостаточности денежных средств для погашения задолженности по кредитным обязательствам свидетельствуют статистические данные Банка России о просроченной задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам. Так, если в целом по Российской Федерации и Уральскому федеральному округу по итогам 2018—2019 гг. наблюдалось снижение данного показателя, то в 2020—2023 гг. имеет место факт увеличения просроченной задолженности физлиц: по РФ рост составил +21,7%, +6,4%, +14,2% и +4,3% соответственно; по УрФО рост составил +22,6%, +5,8%, +13,2% и +2,0% соответственно¹.

На конец 2023 г. доля российских заемщиков, которые имеют пять и более активных кредитов, достигла 8,6%, — следует из данных бюро кредитных историй «Скоринг бюро». За январь—декабрь она выросла на 1,5 процентных пункта,

¹ Рассчитано авторами по статистическим данным Банка России [17].

обновив рекорд. За последние два года доля этой категории банковских клиентов практически удвоилась (на конец 2021 г. она составляла 4,7%). В целом число российских заемщиков с несколькими кредитами непрерывно увеличивается с 2019 г., наибольший прирост пришелся на 2022-й: доля клиентов с одним активным кредитным договором тогда сократилась на 4,5 п.п., до 49,7%. При этом доля заемщиков с тремя кредитами увеличилась на 1,1 п.п., до 12,6%, с четырьмя ссудами — на 1,2 п.п., до 6,7%, с пятью — на 2,4 п.п., до 7,1%. В 2023 г. прирост произошел уже в основном в группе клиентов с пятью и более ссудами. Доля заемщиков, которые платят больше, чем по трем кредитам одновременно, достигла 28,6% [16].

Отметим исследование CEIC Data (является подразделением компании CITIC и CAIXIN и более 20 лет занимается сбором и предоставлением макроэкономических данных по 195 странам мира), по информации которого задолженность домохозяйств России в марте 2023 г. составляла 19,4% от номинального ВВП страны [37].

Правительством РФ и Банком России осуществляются меры по модернизации функционирования институционального механизма кредитования населения и минимизации негативных социальных и экономических последствий закредитованности граждан. Данные меры реализуются в двух основных направлениях.

Первое — создание благоприятной институциональной среды и условий, эффективных институциональных механизмов в области кредитования граждан, функционирующих до заключения кредитных сделок потребителями. В этом направлении уполномоченными государственными органами приняты нормативные акты в области льготного ипотечного кредитования и защиты персональных данных, нормативное ограничение максимальных процентных ставок по микрофинансовым займам и т.д. Особое значение в данном направлении имеет деятельность госорганов в области регулирования закредитованности граждан на макроуровне: с 1 января 2024 г. банки и микрофинансовые организации при кредитовании граждан обязаны рассчитывать долговую нагрузку заемщиков и письменно уведомлять их о рисках, если на платежи по кредитам уходит более 50% доходов. Соответствующий закон, разработанный при участии Банка России, принят Государственной Думой [9]. Важным шагом к тому, чтобы предотвратить чрезмерную закредитованность граждан, стало введение с 2023 г. макропруденциальных лимитов для банков и микрофинансовых организаций на выдачи потребительских кредитов (займов) заемщикам, которые тратят более 80% доходов на платежи по долгам. Также Банк России установил лимиты на длинные (от пяти лет) потребительские кредиты, с помощью которых банки обходят ограничения на работу с заемщиками, имеющими высокую долговую нагрузку [20].

Второе направление — модернизация институциональных механизмов защиты прав и интересов частных клиентов, заключивших кредитные сделки и имеющих кредитные обязательства перед банками и микрофинансовыми организациями. В данном направлении уполномоченными государственными органами приняты акты о кредитных каникулах, упрощении процедуры банкротства граждан, не имеющих возможности исполнить надлежащим образом обязательства по кредитным договорам, регламентация и ограничения деятельности коллекторских компаний и т.д.

В рамках данного направления особое значение имеет деятельность государственных органов, общественных и образовательных организаций по повышению

уровня финансовой грамотности населения, другими словами — уровня финансовых знаний граждан [26]. Российские ученые подчеркивают, что значение финансовой грамотности серьезно возрастает в цифровую эпоху с расширением спектра методов информационного воздействия на индивидов и социальные процессы. В цифровой экономике удешевляются и множатся каналы доставки информации, которые позволяют охватить больше людей, в том числе с наиболее низкими доходами. Такая тенденция имеет как положительные, так и отрицательные последствия: закредитованность неплатежеспособного населения и доступ к причитающейся помощи со стороны государства и институтов гражданского общества в трудной финансовой ситуации теперь тесно связаны с цифровой и информационной составляющей [12. С. 7—8]. Цель финансовой грамотности населения — построение общего представления о функционировании финансовой сферы, обучение навыкам эффективного использования платежных и иных финансовых инструментов, управления собственными денежными средствами с учетом рисков закредитованности и мошенничества [21. С. 69].

Элизабете Сантос и Маргарита Абреу утверждают, что финансовая грамотность способствует предотвращению чрезмерной задолженности. При этом, независимо от уровня финансовой грамотности и финансового поведения, значительное падение доходов является важным фактором, определяющим чрезмерную задолженность [26].

Учитывая, что экономика России и экономические агенты на современном этапе в целом адаптировались к внешним экономическим шокам, санкциям и геополитическим явлениям, экономические кризисы в банковской сфере в большей части могут быть вызваны внутренними проблемами России, к числу которых можно отнести и закредитованность населения страны. В связи с этим особое значение приобретают исследования данного экономического явления, его влияния на экономику страны, потребительский спрос и экономический рост.

Современные подходы к определению понятия «закредитованность» населения.

В современных условиях российскими учеными рост объема потребительских кредитов, а также рост кредитных рисков банков признается угрозой экономической безопасности России. Отмечается, что рост несвоевременных возвратов кредитов вызван прежде всего повышенной «закредитованностью» физических лиц (клиенты банков тратят на обслуживание кредитов более четверти своих доходов) [22. С. 73].

Отметим, что Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) для целей определения закредитованности (долговой нагрузки) населения использует термин «Долг домохозяйств» (Household debt), определяя его как все обязательства домохозяйств (включая некоммерческие организации, обслуживающие домохозяйства), требующие выплаты процентов или основной суммы долга домохозяйствами кредиторам в установленные сроки в будущем. Задолженность рассчитывается как сумма следующих категорий обязательств: кредиты (преимущественно ипотечные кредиты и потребительские кредиты) и прочая кредиторская задолженность. Показатель измеряется в процентах от чистого располагаемого дохода домохозяйства [30].

Томаш Пруза, рассматривая чрезмерную задолженность населения, описывает ее как ситуацию, при которой долг вызывает как финансовые затруднения, так

и неблагоприятное воздействие на жизнь заемщика и/или семьи. У людей разная терпимость к риску, поэтому чрезмерная задолженность — это не шаблонный расчет, а взаимодействие доступности, уверенности и беспокойства внутри человека [36].

Банк России использует понятие «показатель долговой нагрузки» (ПДН), который рассчитывается кредитной организацией как отношение суммы среднемесячных платежей заемщика по всем кредитам и займам, в том числе по вновь выдаваемому кредиту (займу), к его среднемесячному доходу [14].

Вопросы закредитованности населения, долгового бремени, увеличения долговой нагрузки граждан находятся в фокусе внимания зарубежных и российских ученых, при этом данные исследования имеют свои специфические особенности оценки факторов, определяющих уровень долга домохозяйств.

Джузеппе Бертола и Стефан Хохгертель в исследовании долгов домохозяйств указывают на необходимость его измерения с учетом информации об активах, доходах и потреблении домохозяйств [23].

Сити Амина Майнал, Нор Акила Мохд Кассим, Кэтрин С.Ф. Хо и Джамалия Мохд Юсоф определяют факторы роста задолженности домохозяйств: долговое бремя (отношение валового долга домохозяйства к валовому располагаемому доходу); процентная ставка; уровень инфляции; индекс цен на жилье, учитываемый при оценке приобретения недвижимости через ипотеку и оценке жилья в качестве актива домохозяйства, посредством которого можно погасить задолженность; уровень безработицы; совокупное частное потребление [32].

Джованни Д'Алесслио и Стефано Иецци [24] рассматривают показатели чрезмерной задолженности домохозяйств с точки зрения системы четырех составляющих: высокие выплаты по отношению к доходу (стоимость обслуживания долга), задолженность (срок просрочки уплаты платежей), интенсивное использование кредита (количество кредитов у домохозяйства) и признание долга бременем (субъективное восприятие нагрузки). По мнению ученых, чрезмерная задолженность домохозяйства возникает в момент, когда его существующих и ожидаемых ресурсов недостаточно для выполнения финансовых обязательств без снижения уровня жизни [24]. Аналогично домохозяйство с чрезмерной задолженностью определяют Николь Фондевилль, Эрхан Оздемир и Терри Уорд [28]. При этом Джованни Д'Алесслио и Стефано Иецци рассматривают долговую нагрузку (чрезмерную задолженность) домохозяйств как социальную проблему и считают, что ее измерение должно быть сосредоточено на количестве вовлеченных людей и степени их затруднений. Чрезмерная задолженность также может рассматриваться как проблема для финансовых посредников и в более общем плане — как проблема для стабильности финансовой системы в целом [24].

Дин М. Маки использует термин «бремя обслуживания долга домохозяйств», определяемое как требуемые платежи домашних хозяйств по обслуживанию долга по отношению к их располагаемому личному доходу и являющееся мерой ресурсов, которые домохозяйства должны выделять каждый месяц для обслуживания своего долга [25]. Также в работе ученый использует такой показатель, как отношение обслуживания долга к собственному капиталу домашних хозяйств. Аналогичные показатели используются в работе Роберта Мэрфи,

при этом показатель «долговое бремя домохозяйств» применяется автором для прогнозирования будущего роста потребительских расходов [34].

Цзин Цзянь Сяо и Руй Яо в исследовании зависимости структуры семьи и структуры долговой нагрузки по видам кредитов (долгового поведения) также используют два показателя долговой нагрузки, измеряемых фиктивными переменными: если отношение выплаты долга к доходу превышает 40% и если выплата долга задерживается на 60 и более дней [38].

В свою очередь, Ф. Дю Каю, Т. Руландт, Х. Ван Ньювенхейзе и М.-Д. Закари [35] для оценки приемлемости долга используют показатели, которые связывают уровень долга с ресурсами, доступными для заемщиков: используются как коэффициенты ликвидности, т.е. потоки (отношение обслуживания долга к доходу, выражающее выплаты по отношению к доходу), так и коэффициенты платежеспособности, т.е. непогашенные суммы (отношение долга к активам) или комбинация этих двух понятий (отношение долга к доходам). Далее, Ф. Дю Каю, Т. Руландт, Х. Ван Ньювенхейзе и М.-Д. Закари оценивают приемлемость долга посредством индикаторов (показатели варьируются от нуля (нет долга) до бесконечности (нет активов или дохода)):

- отношение долга к доходу: непогашенная задолженность по отношению к доходу; этот показатель измеряет количество годовых доходов (чистых или валовых), необходимых для погашения непогашенной задолженности;

- отношение обслуживания долга к доходу: сумма капитала и проценты, подлежащие выплате по отношению к доходу; этот показатель измеряет долю дохода (чистого или валового), направляемого на погашение долга;

- отношение долга к активам: непогашенная задолженность по отношению ко всем финансовым и недвижимым активам; этот показатель измеряет, может ли образовавшаяся задолженность быть погашена путем ликвидации имеющихся (движимых и недвижимых) активов [35].

Аналогичные показатели используют Гастон Джордана и Михаэль Цигельмайер в своем исследовании долгового бремени домохозяйств Люксембурга и их финансовой уязвимости [29].

В.В. Ивановым и Н.А. Львовой применительно к оценке развития субъектов РФ кредитная нагрузка как показатель кредитного потенциала региона определяется через отношение задолженности по кредитам к валовому региональному продукту [13. С. 168]. В принципе, для целей оценки кредитной нагрузки населения может использоваться аналогичный показатель — отношение задолженности по потребительским кредитам (включая ипотечные) к ВВП страны в целом или к ВРП определенного субъекта РФ (для оценки кредитной нагрузки населения конкретного региона).

В свою очередь, В.И. Орехов в исследовании вопросов экономической безопасности государства использует индикатор закредитованности населения, определяемый как доля невозврата в общем объеме потребительского и ипотечного кредитов, в процентах к общему объему кредитов, при этом пороговое значение данного показателя ученым определен — не более 10,0 [11. С. 39].

Особое значение имеют исследования влияния долговой нагрузки населения на экономику страны, взаимозависимости данного экономического феномена с экономическим ростом, циклом в экономике, денежно-кредитной, валютной политикой государства, доходами населения и т.д.

В исследовании Марко Ломбарди, Мадхусудан Моханти и Ильяок Шим подчеркивается, что долг домохозяйств стимулирует потребление и рост ВВП в краткосрочной перспективе, при этом основная часть воздействия увеличения долга проходит через реальную экономику в течение одного года. Однако долгосрочные негативные последствия долга в конечном итоге перевешивают их краткосрочные положительные эффекты, при этом накопление долга домохозяйств оказывается тормозом роста — увеличение отношения долга домохозяйств к ВВП на 1 процентный пункт имеет тенденцию к снижению роста производства в долгосрочной перспективе на 0,1 процентного пункта [33].

Другой подход с применением показателя ВВП страны использует Н.А. Екимова, которая в качестве одного из наиболее надежных индикаторов раннего предупреждения банковских кризисов выделяет показатель кредитного разрыва (credit gap). Показатель рассчитывается как разница между отношением кредита к ВВП и средним значением этого соотношения за прошедшие годы. Считается, что если этот показатель превышает 10% (контрольный уровень), то банковская система страны находится в предкризисном состоянии [3. С. 993].

По мнению ученого сообщества, в случае падения реальных располагаемых доходов граждан и роста объема их кредитования банковская система России может столкнуться с кризисом неплатежей и разбалансировкой. В ипотечной сфере такая ситуация может привести к росту количества залоговых квартир, изымаемых в пользу банков, что в совокупности со снижением их стоимости из-за сокращения платежеспособного спроса добавит проблем финансовой системе страны [5. С. 150].

Российскими учеными отмечается симметрия между уровнем долгового бремени субъектов хозяйствования и фазой экономического цикла: увеличение долговой нагрузки вызывает экономический подъем, а ее сокращение происходит в период депрессий [3. С. 993].

Эмиль Вернер обосновывает необходимость макропруденциальной политики по ограничению леввериджа (кредитного плеча домохозяйств) и учета в денежно-кредитной политике уровня долговой нагрузки в иностранной валюте. Когда уровень указанной нагрузки достаточно высок, стимулирование внешнего спроса путем снижения обменного курса становится контрпродуктивным, поскольку более слабый обменный курс ухудшает балансы частного сектора [27].

В свою очередь, И.А. Кулькова рост закредитованности населения квалифицирует как один из нефинансовых (неденежных) экономических рисков повышения пенсионного возраста в России [6. С. 303].

Индикаторы кредитной нагрузки российских домохозяйств. В рамках настоящего исследования авторами предполагается сравнение динамики изменения долговой нагрузки населения (индикаторов закредитованности домашних хозяйств) с динамикой основных показателей экономического состояния России — валового внутреннего продукта и валового регионального продукта (табл. 1).

Отметим снижение показателя ВВП РФ и ВРП УрФО, Свердловской и Курганской области в 2015 и 2020 г., причиной которого по большей части являются геополитика, события на территории Украины, введение санкций в отношении России и COVID-пандемия, при этом показатель ВРП Курганской области также снижался в 2012 и 2014 г. при одновременном росте ВВП РФ в указанные годы.

Таблица 1

Индекс физического объема валового внутреннего продукта России и Индекс физического объема валового регионального продукта (в текущих ценах, изменение в процентах текущего показателя к предыдущему)

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	104,3	104,0	101,8	100,7	98,0	100,2	101,8	102,8	102,2	97,3	105,9
Уральский федеральный округ	104,6	101,5	102,2	99,0	98,8	100,3	103,0	105,2	100,7	95,2	106,4
Курганская область	106,8	96,0	102,8	97,1	97,4	101,8	101,3	101,2	101,7	97,4	101,1
Свердловская область	108,9	107,1	102,0	100,1	97,3	101,9	102,1	102,3	100,3	97,2	104,7

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ [7].

В качестве основного показателя долговой нагрузки (закредитованности) населения в рамках исследования будет использоваться показатель «Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам» (табл. 2). Как видно из табл. 2, в целом по России и анализируемым регионам страны в рассматриваемый период наблюдался рост задолженности по кредитам физлиц, снижение данного показателя наблюдалось только по итогам 2015 г. (за исключением Курганской области) и по итогам 2016 г. (за исключением показателя в целом по России).

Таблица 2

Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам (годовые данные, изменение в процентах к предыдущему периоду)

Период	Российская Федерация	Уральский федеральный округ	Курганская область	Свердловская область
01.01.2012	136,19	138,20	144,27	137,31
01.01.2013	139,33	141,35	147,29	141,23
01.01.2014	128,71	128,27	132,86	128,34
01.01.2015	113,79	110,62	113,46	109,44
01.01.2016	94,15	95,10	119,71	93,38
01.01.2017	101,31	97,57	76,89	97,62
01.01.2018	112,64	110,56	109,16	112,26
01.01.2019	122,42	119,37	120,28	119,58
01.01.2020	118,22	115,32	116,56	116,17
01.01.2021	113,44	112,05	111,82	112,86

Таблица 2. Окончание

01.01.2022	122,86	118,54	118,86	119,21
01.01.2023	109,76	108,58	107,08	108,69
01.01.2024	123,42	123,73	125,16	126,00

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Банка России [17].

Другим индикатором для анализа закре­дитованности граждан является используемый авторами показатель «Просроченная задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам» (табл. 3).

Отметим снижение показателя «просроченная задолженность граждан» в период 2016—2019 гг., за исключением небольшого повышения данного показателя в Курганской области по итогам 2019 г. (+ 0,62%).

Анализ представленных данных изменения показателей «Индекс физического объема валового внутреннего продукта» (в процентах к предыдущему году), «Индекс физического объема валового регионального продукта» (в процентах к предыдущему году) по УрФО в целом, Свердловской и Курганской областям

Таблица 3

Просроченная задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам (годовые данные, изменение в процентах к предыдущему периоду)

Период	Российская Федерация	Уральский федеральный округ	Курганская область	Свердловская область
01.01.2012	103,94	104,46	107,34	105,96
01.01.2013	107,65	113,46	139,27	107,51
01.01.2014	140,53	140,69	172,47	128,39
01.01.2015	151,57	152,21	150,91	144,73
01.01.2016	129,41	131,16	134,88	132,04
01.01.2017	99,39	99,05	98,28	95,60
01.01.2018	98,89	93,88	84,04	93,43
01.01.2019	89,48	84,72	82,50	87,06
01.01.2020	96,36	95,16	100,62	94,58
01.01.2021	121,70	122,56	124,48	123,37
01.01.2022	106,39	105,84	114,55	105,90
01.01.2023	114,17	113,19	120,23	109,44
01.01.2024	104,29	102,04	98,63	101,00

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Банка России [17].

(в текущих ценах) за период с 01.01.2012 по 01.01.2022 гг. (изменение в процентах текущего показателя к предыдущему) и показателя «изменение задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам (млн руб., годовые данные, изменение в процентах к предыдущему периоду)» по России, УрФО в целом, Свердловской и Курганской областям за период с 01.01.2012 по 01.01.2022 гг. позволяет сделать вывод об отсутствии негативного влияния роста задолженности / закредитованности населения на изменение ВВП / ВРП страны. Другими словами, рост задолженности граждан по кредитам сопровождается как ростом, так и снижением ВВП / ВРП России, при этом четкой зависимости данных показателей в настоящем исследовании не выявлено.

С другой стороны, сравнение показателей ВВП / ВРП России с показателем «Просроченная задолженность по кредитам населения РФ» позволяет зафиксировать определенную взаимосвязь данных показателей.

Из представленных данных следует, что по итогам 2013—2015 гг. рост просроченной задолженности по кредитам населения России (включая анализируемые регионы РФ) составил более 25%—30% в год, при этом в 2014 и 2015 г. наблюдалось снижение показателей ВВП и ВРП. Рост просроченной задолженности граждан менее 25% в год (период с 2017 г. по 2019 г. и в 2021 г.) в меньшей степени влияет на рост / изменение ВВП / ВРП страны, так как в этот же период наблюдается рост экономики страны (за исключением 2020 г., когда существенное влияние на экономику страны оказывали факторы COVID-пандемии).

Также негативное влияние объема просроченной задолженности частных лиц на экономический рост (показатели ВВП и ВРП) прослеживается при сопоставлении динамики изменения показателей «Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам» (см. табл. 2) и «Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации» (см. табл. 4).

В табл. 5 представлены данные о разности изменения «Задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам» (см. табл. 2), и изменения «Среднедушевых денежных доходов населения по субъектам Российской Федерации» (см. табл. 4). Отметим, что экономическому спаду в России в период 2014 и 2015 г. предшествовал период (2011—2013 гг.), когда прирост задолженности по кредитам физлиц превышал прирост их доходов более чем на 18—20%. Данный показатель может быть использован как ориентир чрезмерного роста задолженности по кредитам, не обеспеченного соответствующим повышением доходов населения, которое может в совокупности с другими факторами негативно отразиться на экономическом росте страны.

В целом похожие результаты можно получить при сравнении динамики изменения показателя «Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам» (см. табл. 2) и динамики изменения показателя «Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств (в среднем на члена домохозяйства в месяц, рублей) в зависимости от места проживания по субъектам Российской Федерации» (см. табл. 6).

Представленные в табл. 7 данные указывают, что по России, УрФО в целом, Свердловской и Курганской областям (за редким исключением) изменение в процентах задолженности по кредитам физлиц в период 2011—2013 гг. превышало изменение в процентах располагаемых ресурсов домохозяйств более чем

Таблица 4

**Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации
(руб./месяц, годовые данные, изменение в процентах к предыдущему периоду)**

Период	Российская Федерация	Уральский федеральный округ	Курганская область	Свердловская область
2011	109,6	109,5	106,3	112,2
2012	111,7	110,0	112,4	111,9
2013	110,6	109,2	105,9	109,4
2014	106,7	104,5	107,3	103,5
2015	110,4	109,1	110,9	108,2
2016	102,0	100,6	99,3	101,8
2017	103,3	102,2	102,4	101,4
2018	104,6	104,3	98,4	104,3
2019	106,4	105,5	104,8	106,4
2020	102,1	100,8	102,6	95,8
2021	111,2	107,7	108,6	107,6
2022	111,5	112,8	119,6	114,7

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ [18, 19].

Таблица 5

Разность изменения «Задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам», и изменения «Среднедушевых денежных доходов населения по субъектам Российской Федерации»

Период	Российская Федерация	Уральский федеральный округ	Курганская область	Свердловская область
2011	26,6	28,7	37,9	25,2
2012	27,6	31,3	34,9	29,3
2013	18,1	19,1	27,0	19,0
2014	7,1	6,2	6,2	5,9
2015	-16,2	-14,0	8,8	-14,8
2016	-0,7	-3,0	-22,4	-4,2
2017	9,3	8,3	6,8	10,8
2018	17,8	15,1	21,9	15,2
2019	11,8	9,8	11,8	9,8
2020	11,4	11,2	9,2	17,1
2021	11,6	10,9	10,3	11,7
2022	-1,7	-4,2	-12,5	-6,0

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Банка России [17] и данных Федеральной службы государственной статистики РФ [18, 19].

Таблица 6

Изменение показателя «Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств (в среднем на члена домохозяйства в месяц, рублей) в зависимости от места проживания по субъектам Российской Федерации» (годовые данные, изменение в процентах к предыдущему периоду)

Период	Российская Федерация	Уральский федеральный округ	Курганская область	Свердловская область
2011	113,42	108,30	118,86	115,48
2012	111,96	118,97	141,13	118,89
2013	114,08	106,32	98,94	105,10
2014	107,98	99,02	113,90	96,36
2015	100,85	106,31	100,43	105,05
2016	104,87	99,61	98,61	102,32
2017	102,96	101,26	101,58	101,55
2018	107,99	107,26	99,63	108,30
2019	107,72	105,63	111,73	104,52
2020	100,72	104,31	97,81	103,31
2021	108,86	119,25	110,03	97,27
2022	110,30	100,12	151,77	112,80

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [2, 19].

Таблица 7

Разность изменения «Задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам», и изменения «Уровня располагаемых ресурсов домашних хозяйств»

Период	Российская Федерация	Уральский федеральный округ	Курганская область	Свердловская область
2011	22,77	29,89	25,41	21,83
2012	27,37	22,38	6,16	22,34
2013	14,63	21,94	33,92	23,24
2014	5,81	11,60	-0,43	13,08
2015	-6,70	-11,21	19,28	-11,68
2016	-3,56	-2,04	-21,72	-4,70
2017	9,68	9,30	7,57	10,72
2018	14,44	12,11	20,65	11,28
2019	10,51	9,68	4,82	11,66
2020	12,72	7,74	14,01	9,55
2021	14,00	-0,71	8,83	21,94
2022	-0,54	8,46	-44,69	-4,11

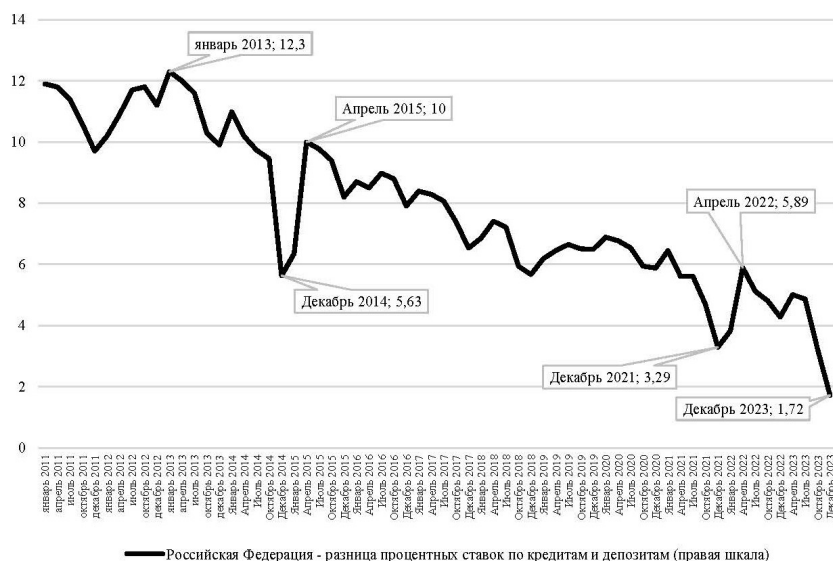
Источник: составлено авторами на основе статистических данных Банка России [17] и данных Федеральной службы государственной статистики РФ [2, 19].

на 20%, данный период также предшествовал экономическому спаду в России в период 2014 и 2015 г.

В настоящем исследовании авторами предлагается в качестве дополнительного показателя закре­дитованности населения, являющегося одним из негативных факторов, влияющих на экономический рост, использовать разность (спрэд) между «Средневзвешенными процентными ставками по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам в рублях» (в целом по Российской Федерации, кредиты сроком свыше 1 года, процентов годовых), и «Средневзвешенными процентными ставками по привлеченным кредитными организациями вкладам (депозитам) физических лиц и нефинансовых организаций в рублях» (в целом по Российской Федерации, депозиты сроком свыше 1 года, процентов годовых), рис. 1.

Из представленных данных следует, что периоду спада ВВП России в 2014 — частично в 2015 г. (см. табл. 1) предшествовал период существенной разницы процентных ставок по кредитам и вкладам физических лиц (рис. 1). Так, в рассматриваемом периоде с 2011 г. по 3 квартал 2014 г. спрэд процентных ставок составлял более 9—10%. В этих условиях банки могли получать дополнительную доходность по кредитным операциям за счет указанного спрэда, но частные клиенты несли дополнительную кредитную нагрузку за счет повышенной процентной ставки и одновременно динамика процентной ставки по депозитам не соответствовала ставке по кредитным операциям, следствием чего являлось снижение доходности депозитных операций физлиц в рамках всей банковской системы.

Проблематика оценки закре­дитованности населения. В рамках настоящего исследования авторами представлено несколько показателей, характеризующих

Рис. 1. Разница между средневзвешенными процентными ставками по кредитам и вкладам (депозитам) физических лиц в целом по РФ (сроком свыше 1 года, процентов годовых).

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Банка России [15].

степень закредитованности физических лиц (или домохозяйств) и ее негативное влияние на экономический рост. При этом необходимо учитывать, что спрос на кредиты физлиц не существует обособленно от спроса населения / домохозяйств на потребительские услуги и товары, является вторичным по отношению к потребительскому спросу и удовлетворение спроса на кредит влечет удовлетворение спроса частного лица на потребительские товары посредством денежного потока от банка через заемщика-потребителя продавцу товаров / услуг.

Авторами определены показатели закредитованности на макроэкономическом уровне, т.е. рассчитаны, с одной стороны, для всего сектора банковских кредитных услуг частным лицам, а с другой — для всего населения, или сектора домохозяйств. Поэтому задолженность по кредитам выражается по отношению к общему доходу частных лиц и домохозяйств, а не только к доходу указанных субъектов, имеющих кредитную задолженность. В расчет включены домохозяйства без долгов, более того, представленные расчеты не учитывают специфики распределения кредитных долгов по отношению к доходам среди населения.

Необходимо учесть, что определение уровня закредитованности населения с помощью вышеуказанных показателей может быть дополнено анализом динамики (снижения или повышения) показателя совокупного кредитного рейтинга физлиц, информация о котором аккумулируется в Бюро кредитных историй, а также определения доли финансово устойчивых либо финансово уязвимых домашних хозяйств. В последнем случае аналитика может осуществляться экспертным путем или посредством опроса заемщиков. Дополнительно, на основе статистических данных, уровень закредитованности физлиц может анализироваться на основании данных о доле заемщиков, имеющих 2 и более (3 и более) действующих кредитов, а также информации о динамике банкротств физлиц, долги по которым в основной части формируются из задолженности перед банками по кредитным договорам.

В целом домохозяйства используют кредит для финансирования покупок потребительских товаров длительного пользования и домов (недвижимости), а также для компенсации временного падения доходов, например в течение делового цикла [23]. Соответственно, в условиях повышения уровня дефолтов граждан, опережающего роста розничного кредитования, по сравнению с ростом реальных доходов граждан, одновременного роста процентных ставок по кредитам и усложнения процедуры рефинансирования долгов любое ухудшение экономической ситуации в стране повлечет увеличение количества просроченных долгов.

Также в рамках анализа состояния рынка потребительского кредитования должны учитываться данные о займах граждан по обязательствам перед микрофинансовыми организациями. Как указывается в ученом сообществе, закредитованность бедного населения во многом связана с деятельностью микрофинансовых организаций, которые, пользуясь низким уровнем финансовой грамотности населения, а также острым дефицитом денежных средств, предлагают кредиты под непомерно высокие проценты [4. С. 130].

Применительно к американскому рынку Джонатан Маккарти обосновывает две совершенно разные гипотезы, объясняющие рост задолженности американских домохозяйств и ее влияние на расходы. Первая гипотеза, которая лежит в основе

нынешних опасений по поводу сокращения будущих расходов, предполагает, что в последние годы домохозяйства взяли на себя слишком много долгов, поставив себя в шаткое финансовое положение. Со временем эти домохозяйства осознают, что их долги сделали их более восприимчивыми к финансовым затруднениям в случае серьезной болезни, потери работы или других несчастий. В результате они будут стремиться уменьшить свою уязвимость, выплачивая долги и сокращая свои расходы.

Однако, согласно альтернативной гипотезе, в последние годы домохозяйства добровольно взяли на себя больший долг, поскольку они ожидают роста своих доходов. Они тратят больше в ожидании увеличения доходов и финансируют свои более высокие расходы за счет долга. Даже если их доходы начнут падать, домохозяйства могут продолжать увеличивать свою задолженность, чтобы поддерживать свои расходы, хотя и на более низком уровне, исходя из предположения, что снижение доходов будет недолгим. Только в том случае, если спад окажется продолжительным, домохозяйства еще больше сократят расходы и начнут выплачивать свой долг [31].

В заключение следует отметить, что используемые в настоящее время индикаторы долговой нагрузки, в основе которых лежит соотношение доходов (активов) домохозяйств и долга (платежей по обязательствам), носят во многом субъективный характер, так как получены путем социологических опросов населения с довольно малой выборкой.

В целях снижения уровня предельной долговой нагрузки граждан в нашей стране вводятся меры по регулированию кредитования, такие как повышение ключевой ставки Банком России, что влечет увеличение процентных ставок по потребительским кредитам. В рамках ипотечного кредитования повышаются требования к минимальному первоначальному взносу, сокращаются государственные программы льготного кредитования на покупку жилья и др. Особое значение имеет расширение программ финансовой грамотности и консультирования для населения с целью эффективного управления личными долгами и недопущения чрезмерной закредитованности.

При этом закредитованность граждан остается актуальной проблемой, требующей постоянного мониторинга и регулирования со стороны государственных органов. Указанное подтверждает необходимость дальнейшего научного исследования проблем долговой нагрузки населения в контексте анализа ее специфики в зависимости от конкретного региона страны или периода времени. Предметом дальнейших исследований также может быть влияние закредитованности на уровень благосостояния и уровень жизни населения, определение границ чрезмерности кредитных долгов. Особое значение имеет выявление зависимостей между чрезмерной закредитованностью населения и рисками для стабильности экономики страны, финансовой системы в целом и уровне социальной напряженности в российском обществе.

Литература

1. Банкротство в России: статистические показатели за 2023 год. Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce>

2. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271>
3. *Екимова Н.А.* Индикаторы раннего предупреждения кризисов: в поисках новых подходов // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16. № 6. С. 985—1002. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.6.047>. EDN ZXJBVP
4. *Колодная Г.В.* Рынок и государство: проблемы взаимодействия в современной России / Под общ. ред. Г.В. Колодной; Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации. Москва: Проспект. 2022. 184 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=696735>. Библиогр. в кн. ISBN978-5-392-35055-1
5. *Сильвестров С.Н., Старовойтов В.Г., Беляев И.И. и др.* Кризисогенное развитие мировой экономики и адаптация российской экономики / Под ред. С.Н. Сильвестрова. 2-е изд. М.: Дашков и К°. 2023. 232 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=698327>. Библиогр. в кн. ISBN978-5-394-05275-0
6. *Кулькова И.А., Шарин В.И.* Типологизация прогнозируемых негативных последствий повышения пенсионного возраста в России // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 300—305. EDN KAGZNZ
7. Национальные счета. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
8. Новости финансового сектора. Ассоциация Российских Банков. URL: https://arb.ru/b2b/news/potrebkredity_v_rossii_v_dekabre_sokratis_na_0_1_k_noyabryu-10664301/?sphrase_id=782066
9. Новости. Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14423>
10. Новости. Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16851>
11. *Орехов В.И., Орехова Т.Р., Карагодина О.В.* Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса: монография / Под науч. ред. Т.Р. Ореховой. М.: ИНФРА-М, 2022. 105 с. (Научная мысль)
12. *Поветкина Н.А., Кудряшова Е.В.* Финансовая грамотность и устойчивое развитие в цифровую эпоху (правовое измерение): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 104 с. ISBN978-5-00156-055-5
13. *Иванов В.В., Львова Н.А., Краснова Т.Г. и др.* Поиск драйверов роста для российской экономики: финансы, регионы, инновации / Под ред. В.В. Иванова, Н.А. Львовой. М.: Проспект. 2021. 300 с. Библиогр. в кн. ISBN978—5—392—34164—1
14. Показатель долговой нагрузки. Банк России. URL: <https://cbr.ru/finstab/instruments/pti/>
15. Процентные ставки по кредитам и депозитам и структура кредитов и депозитов по срочности. Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/
16. Публикации. Скоринг бюро. URL: <https://scoring.ru/press/skorinng-byuro-chislo-rossiyan-s-ryatu-i-bolee-kreditami-udvoilos-s-2021-goda/>
17. Сведения о размещенных и привлеченных средствах. Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/
18. Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ad-v7UQ5L/urov_11sub.htm
19. Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>
20. Ценовая и финансовая стабильность. Банк России. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/cenovaya-i-finansovaya-stabil-nost/
21. *Малаховская М.В., Кобзева Л.В., Покровская Н.В. и др.* Человек труда в цифровой экономике: новые реалии и социальные вызовы: монография / Под. ред. В.Н. Мининой, Р.В. Карапетяна, О.В. Вередюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2021. 284 с. ISBN978-5-288-06090-8
22. *Гаджиев Н.Г., Киселева О.В., Скрипкина О.В., Коноваленко С.А., Трофимов М.Н.* Экономическая безопасность России на современном этапе социально-экономического развития общества: монография / Под ред. д-ра экон. наук, проф. Н.Г. Гаджиева. М.: ИНФРА-М. 2022. 233 с. (Научная мысль). <https://doi.org/10.12737/1836961>. ISBN978-5-16-017258-3

23. *Bertola Giuseppe, Hochguertel Stefan*. Household debt and credit: Economic issues and data problems, CFS Working Paper. 2002. № 2007/32. Goethe University Frankfurt, Center for Financial Studies (CFS), Frankfurt a. M. URL: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hebis:30-51039>
24. *D'Alessio, Giovanni and Iezzi, Stefano*. Household Over-Indebtedness: Definition and Measurement with Italian Data (February 22, 2013). Bank of Italy Occasional Paper No. 149, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2243578> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2243578>
25. *Dean M. Maki*. The growth of consumer credit and the household debt service burden. Finance and Economics Discussion Series 2000—12, Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.). 2000. URL: <https://www.federalreserve.gov/pubs/feds/2000/200012/200012pap.pdf>
26. *Elisabete Santos, Margarida Abreu*. Financial Literacy, Financial Behaviour and Individuals' Over-indebtedness. Working Papers Department of Economics 2013/11, ISEG — Lisbon School of Economics and Management, Department of Economics, Universidade de Lisboa. 2013.
27. *Emil Verner*. Household Debt Revaluation and the Real Economy: Evidence from a Foreign Currency Debt Crisis. 2018. Meeting Papers 591. Society for Economic Dynamics. <https://www.aeaweb.org/conference/2019/preliminary/paper/7bhbsbfdN>
28. *Fondeville N., Ozdemir E., Ward T.* Over-indebtedness: New evidence from the EU-SILC special module. Research note No 4. European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities. 2010.
29. *Gaston Giordana, Michael Ziegelmeyer*. Household debt burden and financial vulnerability in Luxembourg. IFC Bulletins chapters, in: Bank for International Settlements (ed.), Data needs and Statistics compilation for macroprudential analysis. 2017. V. 46. Bank for International Settlements.
30. Household debt. Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://data.oecd.org/hha/household-debt.htm>
31. *Jonathan McCarthy*. Debt, delinquencies, and consumer spending. Current Issues in Economics and Finance, Federal Reserve Bank of New York. 1997. V. 3 (Feb). URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/current_issues/ci3-3.pdf
32. *Mainal S.A., Kassim N.A.M., Ho C.S.F., Yusof, J.M.* Preliminary investigation on the determinants of household debt burden. Proceedings of the 1st AAGBS International Conference on Business Management 2014 (AiCoBM 2014). 2016. P. 479—488. https://doi.org/10.1007/978-981-287-426-9_42
33. *Marco Jacopo Lombardi, Madhusudan Mohanty, Ilhyock Shim*. The real effects of household debt in the short and long run. BIS Working Papers 607. Bank for International Settlements. 2017. URL: <https://www.bis.org/publ/work607.pdf>
34. *Murphy Robert G.* Household Debt and Aggregate Consumption Expenditures (May 1999). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=228496> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.228496>
35. *Ph. Du Caju, Th. Roelandt, Chr. Van Nieuwenhuyze. M.-D. Zachary*. Household debt: evolution and distribution, Economic Review, National Bank of Belgium. 2014. Issue II. P. 61—81.
36. *Prouza Tomas*. Responsible Lending: Overview of Regulatory Tools. © World Bank, Washington, DC. 2013. URL: <http://hdl.handle.net/10986/16728> License: CC BY3.0 IGO
37. Russia Household Debt. CEIC Data, an ISI Emerging Markets Group Company. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/russia/household-debt>
38. *Xiao J.J., Yao R.* Debt types and burdens by family structures // Int. J. Bank Marketing. 2020. V. 38. № 4. P. 867—888. <https://doi.org/10.1108/IJBM-07-2019-0262>

Sergey Orlov (e-mail: orlovs@list.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor of the Department of «Economic Security, Finance and Accounting», Federal State Budgetary Institution of Higher Education Kurgan State University, Leading Researcher,
Kurgan Branch of the Institute of Economics (Ural Branch of RAS) (Kurgan, Russian Federation)

Roman Reutov (e-mail: reutovrv1975@gmail.com)

Junior researcher,
Kurgan Branch of the Institute of Economics (Ural Branch of RAS) (Kurgan, Russian Federation)

METHODOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE LEVEL OF INDEBTEDNESS OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the phenomenon of indebtedness of the Russian population, which is currently considered in two aspects: as an indicator of the debt burden, characterizing the ratio of all incomes and all obligations (debts) of citizens, and as an indicator of the “excessive” credit burden of the country’s population, when the volume of obligations of individuals under credit agreements and loans exceeds their financial capabilities. In the study, the authors, based on statistical data, identifies certain relationships between indicators of excessive debt burden and those of economic growth in Russia, as well as the impact of the population’s debt burden on the country’s GDP.

Keywords: indebtedness, creditworthiness, debt burden, credit, household, financial literacy, financial behavior, interest rates, banking sector, income of the population.

DOI: 10.31857/S0207367624050034

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

© 2024

УДК: 369

Елена Шестакова

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: eeshetakowa@gmail.com)

ЗАДАЧИ СТАБИЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ И ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РЕФОРМ В ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье анализируются некоторые общие для разных государств подходы к реформированию пенсионных систем, ориентированные главным образом на повышение их финансовой и социальной устойчивости в среднесрочной перспективе. Основной акцент сделан на вопросах увеличения продолжительности трудовой жизни работающей части населения за счет повышения пенсионного возраста и ограничений возможности раннего выхода на пенсию для определенных категорий занятых и внедрения частных накопительных программ разных типов для решения задачи снижения финансовой нагрузки на государство и повышения ответственности граждан за свое материальное благополучие на пенсии. Рассматриваются различные формы и модели организации частных пенсионных планов, зависящие в значительной степени от структуры рынка труда и национальных традиций, их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, государственный патернализм, частные накопительные схемы, устойчивость пенсионных систем.

DOI: 10.31857/S0207367624050045

Второе десятилетие XXI в. возродило дискуссию о приоритетах и инструментах социальной политики. В условиях ускорения автоматизации и цифровизации, декорпортивизации трудовых отношений, изменений демографической структуры занятого населения на первый план стали выдвигаться задачи трансформации модели социально-экономического развития, определения сбалансированного сочетания адресных программ помощи наиболее уязвимым слоям и создания эффективных социальных лифтов, формирования самостоятельных жизненных стратегий, учета интересов «среднего класса» [12]. В такой сложной сфере социальной политики, как материальное обеспечение пожилой части общества после пандемии, фокус научных и общественных обсуждений вновь сконцентрировался на вопросах финансовой и социальной стабильности пенсионного обеспечения.

Общие критерии и индикаторы стабильности пенсионных систем. Существуют различные подходы к определению стабильности и надежности пенсионных систем. Помимо чисто экономико-математических методов, актуарных оценок текущей и прогнозной стоимости систем пенсионного обеспечения, в экономической литературе анализируется большое число различных внутренних и внешних факторов, в разной мере влияющих на развитие и устойчивость пенсионных систем: преимущественно распределительные или накопительные методы

финансирования, индивидуальный или коллективный порядок учета пенсионных прав, роль государства в регулировании и обеспечении функционирования пенсионных структур. Так, ряд экспертов в данной области рассматривают проблему устойчивости в большей степени как политическую, а не экономическую задачу, прежде всего в отношении составляющих большую часть систем государственного пенсионного обеспечения распределительных схем [14]. С этих позиций в распределительных системах, основанных главным образом на страховых взносах с фонда заработной платы работающих, стабильность должна быть по определению гарантирована государством за счет бюджетных субсидий или использования ранее сформированных пенсионных резервов. Кроме того, в пенсионных системах распределительного типа профицит или дефицит фондов зависит от установленных размеров страховых взносов, пенсионных выплат и их индексации, которые регулируются государством, а также соотношения плательщиков взносов и получателей пенсий.

Широкое распространение в литературе, посвященной пенсионной теме, получили оценки устойчивости действующих пенсионных систем в соответствии с их текущими и будущими обязательствами, в том числе на основе сохранения доли пенсионных расходов в ВВП стран [6], соотношения схем с установленными взносами, выплатами и гибридных планов [2], величины «скрытого» долга, т. е. объема уже накопленных обязательств перед будущими пенсионерами [8]. Каждая из этих оценок характеризует какой-то аспект пенсионной системы, в том числе и с позиций ее устойчивости.

Доля общественных расходов на пенсии (государственных средств и взносов по обязательному социальному страхованию) в среднем в странах ОЭСР составляет 7,7% ВВП, колеблясь в пределах от 13,4—15,7% ВВП (соответственно Франция и Греция) до 2,9—3,3% (Корея, Мексика, Чили, Исландия и Ирландия) [10. Р. 211]. В других группах стран соответствующие показатели в основном фиксируются в более узком диапазоне, от 4—5% ВВП (КНР, Малайзия, Египет, Вьетнам) до 1—1,5% (Таиланд, Индонезия, Индия). Средний уровень годового дефицита действующих государственных пенсионных систем в европейских странах, по которым есть обширная статистическая информация, составляет около 2,5% ВВП, достигая максимальных значений 5—8% ВВП в «щедрых» распределительных системах Греции, Франции и Италии, а средний размер накопленного за 2000—2020 гг. дефицита систем обязательного пенсионного страхования, по оценкам, фиксируется на уровне около 50% ВВП, увеличиваясь в отдельных случаях до 80—100% ВВП [5. Р. 52—53].

У государств со средним и ниже среднего уровнями развития, пенсионные системы которых находятся на начальных этапах жизненного цикла, размеры накопленных обязательств, как правило, небольшие, в то же время на величину текущих государственных расходов на пенсии пожилым влияет принятая модель пенсионного обеспечения. Так, в Бразилии при относительно молодом населении расходы на пенсионное обеспечение достигают 11% ВВП страны, а годовой дефицит системы колеблется в пределах 3% ВВП [3. Р. 75], что принципиально отличается от показателей размеров общественных расходов большинства других латиноамериканских стран (близкие показатели дефицита пенсионной системы по отношению к ВВП отмечались только в Чили на фоне системного перехода

к накопительной пенсионной системе). Такие высокие показатели расходов в самой большой латиноамериканской стране объясняются действием, наряду с традиционной распределительной системой пенсионного страхования, широкой по охвату схемы выплаты нестраховых пенсий в размере минимальной заработной платы для пожилых граждан с низкими доходами.

Среди дополнительных параметров оценки стабильности фигурируют и такие неоспорные для этих целей показатели, как размеры страховых взносов социальных партнеров в обязательные страховые системы и коэффициенты замещения пенсией трудовых доходов работников (брутто, нетто, средний, агрегированный). В наиболее щедрых пенсионных системах уровень замещения (брутто) составляет 75—80% от заработной платы работника со средними трудовыми доходами и необходимым страховым стажем, в более ограниченных — 30—35%. Высокий уровень замещения в большей степени характеризует адекватность пенсионных систем с точки зрения обеспечения уровня жизни пенсионеров (сохранения привычного уровня потребления), и то не во всех случаях (например, в Индии коэффициент замещения составляет 55% заработной платы, но получают какой-либо вид пенсии около 43% лиц пенсионного возраста), при оценке стабильности данный высокий параметр рассматривается скорее как негативный фактор.

Определенные сомнения возникают и в отношении оценки размеров страховых взносов социальных партнеров как показателя устойчивости системы. Размер страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в большой группе стран с разными уровнями экономического развития составляет 20—25% фонда оплаты труда работников и более (включая ряд европейских и латиноамериканских стран), на другом конце государства, где размеры взносов не превышают 5—10%, но могут дополняться добровольными профессиональными и индивидуальными схемами. Высокий размер страховых взносов теоретически должен способствовать увеличению доходов пенсионной системы, но одновременно повышает нагрузку на социальных партнеров, особенно работодателей, и способствует уходу части бизнеса в тень.

Вопрос стабильности пенсионных систем в современной интерпретации не ограничивается только чисто финансовыми аспектами и включает в себя широкий комплекс инструментов и социально-экономических показателей, которые не заменяют, а дополняют различные модели количественных оценок. Среди косвенных индикаторов устойчивости пенсионных систем, особенно относящихся к категории распределительных, широко используются показатели соотношения лиц в возрасте 65 лет и старше по отношению к трудоспособному населению или неработающих пенсионеров к занятому и участвующему в страховании населению; доли занятых в экономике лиц разных возрастных групп, показатели соотношения для условного среднего работника времени занятости и нахождения на пенсии.

В международных интегральных показателях оценки пенсионных систем, например в Глобальном пенсионном индексе группы Альянс (Allianz Global Pension Index), рассматриваются две основные группы параметров устойчивости: 1) базовые условия (официальный и эффективный пенсионный возраст и необходимый минимальный период страхования) и 2) финансовые показатели

(используемые в странах методы финансирования, размеры страховых взносов, а также пенсионная формула, в том числе величина штрафов при раннем выходе на пенсию и наличие факторов стабилизации при расчете пенсий). Согласно расчетам данного субиндекса для 48 государств с разным уровнем экономического развития, наиболее высокие показатели получили ряд государств Северной Европы (Дания, Нидерланды, Норвегия), Новая Зеландия, из развивающихся государств — Индонезия (в которой пенсионный возраст повышается до 65 лет и намечено постепенное увеличение пенсионных взносов, которые в настоящее время находятся ниже 10% заработной платы) [13]. Представителей данной группы отличает относительно невысокий уровень общественных расходов на пенсии, высокий официальный и эффективный пенсионный возраст и существование, наряду с государственными схемами, обширного сектора частного, как правило, накопительного страхования.

Основные векторы пенсионных реформ. Одними из общих направлений реформ, нацеленных на стабилизацию пенсионных систем в среднесрочной перспективе, особенно в государствах, которые уже столкнулись с проблемой старения населения, являются увеличение как административными, так и экономическими методами периода занятости и унификация условий пенсионных схем для разных секторов экономики. В группе экономически развитых стран есть примеры как автоматической корректировки официального пенсионного возраста, в зависимости от увеличения продолжительности жизни лиц старших возрастов, так и постепенного повышения до 70 и более лет так называемого нормального пенсионного возраста, т.е. возраста, при достижении которого обеспечивается получение причитающихся пенсионных выплат в полном объеме, без каких-либо вычетов.

В других — пенсионный возраст сохраняется на уровне 65 лет, но повышаются требования к длительности страхового стажа и ограничиваются возможности раннего выхода на пенсию с целью поднятия так называемого эффективного пенсионного возраста (среднего возраста ухода с рынка труда). Например, во Франции необходимый период для получения полной пенсии повышается с 42 до 43 лет, запланирована постепенная ликвидация специальных пенсионных программ (режимов) для предприятий энергетического сектора страны, транспорта, нотариусов, которые предусматривали возможность раннего выхода на пенсию, по сравнению с общим режимом. Предполагается, что определенный косвенный эффект на повышение пенсионного возраста оказывает и введение в странах условно накопительных счетов и балльных схем расчета пенсий.

Увеличивается официальный пенсионный возраст и параметры необходимого страхового стажа и в государствах со средним уровнем развития, что несет в себе определенные риски замедления процессов развития страхования, особенно для развивающихся рынков, где доминирует неформальный сектор. Сложность здесь состоит в том, что многие пожилые не смогут отвечать необходимым условиям для получения нормальной страховой пенсии и смогут рассчитывать только на благотворительность государства или родственные связи.

В ОЭСР в возрастной группе 55—64 года в среднем занято около 65%, 65—69 лет — около 25%, но в государствах с менее щедрыми системами государственного

пенсионного обеспечения, например в Японии, Корее, Новой Зеландии, Исландии, эти показатели составляют соответственно 3/4 и 1/2 от данных возрастных категорий [10. Р. 27]. Пожилые работники практически повсеместно сталкиваются с целым комплексом проблем: сложностью сохранить хорошее рабочее место, риском не заработать нормальную пенсию в силу нестабильности трудовой карьеры, распространенностью возрастной дискриминации. Кроме того, каждый пятый работник в возрасте от 50 до 64 лет в европейских странах уходит с рынка труда по причине значительного ухудшения состояния здоровья. С другой стороны, с высокой долей вероятности можно предполагать, что профилактические меры, улучшение системы здравоохранения, включение возрастных работников в программы переподготовки могут увеличить длительность здоровой жизни населения и позволят работникам дольше оставаться на рынке труда. Кроме того, пересматриваются параметры пожилого возраста, есть точка зрения, что современные 60-летние работники в большей степени соответствуют 50-летним несколько десятилетий назад [15], внедряется понятие многостадийной трудовой жизни (вместо традиционных 3 стадий) [16].

Меняется подход и в отношении пенсионного обеспечения лиц, занятых на вредных и опасных работах. Традиционным способом привлечения и закрепления работников в данных сферах было предоставление им права досрочного выхода на пенсию или на основе особых схем, или через специальные правила в рамках общих систем. В настоящее время стандартный аргумент для раннего выхода на пенсию, связанный с невозможностью продолжать карьеру на определенном рабочем месте, теряет свою актуальность. В теории работа в опасных и вредных условиях должна лучше оплачиваться, но на практике неблагоприятные условия работы не обязательно компенсируются более высокими заработками и для многих работников ограничена возможность выбора рабочих мест.

На современном этапе сформировался ряд принципиально разных подходов к вопросам пенсионного обеспечения лиц, занятых на вредных и опасных производствах или видах деятельности, как и к самой трактовке этих понятий. В целом ряде стран, например в государствах Южной Европы и Австрии, в группу опасных и неблагоприятных видов деятельности, дающих право на досрочный уход на пенсию, включается их широкая номенклатура. Тем не менее во многих случаях прослеживается переход от рассмотрения в качестве опасных для здоровья не секторов и профессий, а определенных рабочих мест. В другой группе государств (например, Корее, Японии, Германии) к этой категории относится ограниченное число рабочих мест, в Канаде и США право на ранний уход на пенсию получают только отдельные категории госслужащих, прежде всего полиция, пожарные, военнослужащие. И, наконец, в значительном числе стран, в том числе, например, в Швеции и Великобритании, такая практика вообще отсутствует. Поэтому доля работников, включенных в данные схемы, варьирует от менее чем 1% занятых до 10% и более, во Франции и Италии, входящих в первую группу, она составляет 4—5% [10. Р. 109]. А возраст выхода на пенсию может сокращаться от 1 года до 5—10 лет.

По мнению ряда западных экспертов, хотя нельзя отрицать существование различий в продолжительности жизни и особенно здоровой жизни между разными

профессиональными группами работников, но большая их часть связана с образованием, доходами, образом жизни и привычками, влияние фактора профессии на смертность и заболеваемость достаточно ограничено [19]. Поскольку отсутствие возможности работать на определенных рабочих местах, согласно современным представлениям, не должно ассоциироваться с ранними пенсиями, то ставятся задачи предупреждения профессиональных заболеваний, увеличения объема межпрофессиональной мобильности и облегчения условий перевода пенсионных прав между видами деятельности, включая и госслужащих. Одним из возможных способов раннего выхода на пенсию может быть и использование схем дополнительного пенсионного страхования.

Возможности и препятствия использования накопительных схем. Кроме реформ, направленных на корректировку, в том числе и автоматическую, отдельных параметров действующих государственных распределительных систем, прежде всего возраста и стажа страхования, дающих право на пенсионное обеспечение, сохраняется и курс на поддержку диверсификации источников пенсионных выплат, расширение использования коллективного и индивидуального накопления. Идеи необходимости расширения накопительных пенсионных схем (как реальных, так и условных) основываются на представлениях, что дизайн систем с установленными выплатами и значительными объемами перераспределения предусматривает несправедливые трансферты между поколениями и отсутствие прозрачности в их работе. А механизм определения пенсий, в зависимости от размеров взносов и ожидаемой отдачи от них, более нейтрален с актуарной точки зрения, чем определение пенсий в процентах от заработной платы, и в принципе не предполагает перераспределения между разными поколениями работников [4]. Хотя практика подтверждает это далеко не во всех случаях. Например, использование условно накопительных счетов (NDC), на которые возлагались большие надежды как на инструменты стимулирования более активного участия в пенсионном страховании работников в таких странах, как Польша, Латвия и Казахстан, не привели к существенному повышению уровня пенсионного обеспечения и стабильности систем. В Польше коэффициент замещения пенсией трудовых доходов работника с 45-летнем стажем составил 39%, для женщин при 40-летнем стаже — 34% [18].

Основные различия между распределительными и накопительными системами и схемами с установленными выплатами, которые в основном характерны для распределительных систем, и установленными взносами, относящимися к накопительным¹, вытекают из типа характерных для данных систем рисков и их распределения между работодателями, работниками, спонсорами планов, правительствами. Любое изменение пенсионной системы затрагивает структуру перераспределения рисков, меняет баланс рисков между участниками и поколениями работающих. В силу фискальных ограничений и существования большого

---

¹ В этом плане существует и ряд исключений, например условно накопительные системы, в которых взносы не инвестируются, а накапливаются номинально на индивидуальных счетах, или профессиональные накопительные схемы, в которых размер пенсий определяется в соответствии с принятой общей формулой расчета и напрямую не зависит от уплаченных взносов (используется схема DB).

числа различных необходимых направлений расходов государство заинтересовано в снижении пенсионных расходов и минимизации рисков, связанных с функционированием пенсионных систем, получении возможности перенаправить налоги на финансирование других общественных нужд. Государство не обязательно заинтересовано исключительно в накопительных схемах, это могут быть и традиционные распределительные системы со значительными резервными фондами и хорошо отлаженными системами сбора страховых взносов. Доля страховых взносов социальных партнеров в финансировании пенсионного обеспечения среди экономически развитых государств превышает 90% в ряде стран Восточной Европы, высокие показатели до 75—80% в Скандинавских государствах, Испании и Италии, существенно ниже средних показателей эта доля в государствах со значительным уровнем базовых пенсий, финансируемых за счет налогов, и странах с наиболее высокими государственными расходами на пенсионное обеспечение (Греция) [5. Р. 47].

Работники, в свою очередь, заинтересованы в сохранении стандартов жизни в пожилом возрасте при действующих пенсионных схемах и снижении вероятности попадания в категорию бедных. С этих позиций риск перехода на накопительные схемы преобразуется в группу рисков для семьи, таких как карьерные и рыночные риски, асимметрия информации, риск долгой жизни. В такой ситуации работники вправе рассчитывать на определенные льготы от государства при изменении пенсионной системы: минимальные гарантии, государственное субсидирование индивидуальных накоплений, систему социальной помощи. При этом ожидания в отношении снижения размеров данных рисков могут быть неодинаковыми у разных групп населения. Высокодоходные слои обычно располагают разными источниками активов и накоплений, кроме пенсионных схем, а для низко- и среднедоходных групп основным источником средств после ухода с рынка труда становится пенсия.

Для успешного функционирования накопительных пенсионных систем требуется не только наличие четко отлаженного правового поля, но и определенный уровень развития финансовой инфраструктуры, активная информационная поддержка и разъяснительная работа по вопросам инвестирования пенсионных накоплений. Не менее важно сохранение в определенных масштабах элементов перераспределения и нестрахового финансирования части материального обеспечения пожилых граждан. Н. Барр и П. Даймонд, в частности, доказывают, что даже в экономически развитых государствах, с хорошо функционирующими финансовыми рынками для формирования социально приемлемого пенсионного обеспечения необходим значительный по объему сегмент пенсионного обеспечения, не относящийся к категории накопительных (капитализированных) [1]. В свою очередь, И. Вулф отмечает, что переход к пенсионным системам со значительными накопительными компонентами более выгоден для работников с высокими доходами, чем для менее обеспеченных категорий занятого населения. При переходе к накопительным системам в ряде латиноамериканских государств, например, отмечалось существенное снижение охвата работающих пенсионными программами, несоблюдение сроков уплаты и рост задолженности по взносам, низкая конкуренция между управляющими компаниями пенсионных фондов и др. [9].

В отношении такой характеристики пенсионной системы, как разделение на государственное и частное пенсионное страхование, также возникает ряд непростых моментов. Государственные пенсионные программы управляются государственными структурами (центральными, региональными или местными правительствами или институтами социального обеспечения) на основании законодательных актов и действуют в основном на принципах распределения, хотя есть и примеры частичного фондирования данных пенсионных средств.

Термин «частный план» включает по меньшей мере несколько различных аспектов, которые, как правило, рассматриваются в комплексе: охватывает работников частного сектора (но в ряде стран они включают и работников государственного); управляется частными организациями; потоки пенсионных взносов и выплачиваемых пенсий непосредственно не контролируются правительством; пользуется возможностями более широкого инвестирования в объекты частного сектора; обязательства по выполнению условий лежат на институтах и субъектах частного сектора: работодателях, финансовых компаниях, трастах и др. Частные пенсионные планы могут как дополнять, так и заменять государственные планы. В ряде стран бухгалтерский учет пенсионных средств осуществляет специальное государственное агентство, а управление активами — частная финансовая компания или фонд, и участники могут выбирать между разными пенсионными структурами. Есть примеры, когда планы управляются частными структурами, но государство предоставляет участникам гарантии минимальной доходности вложений. В этих случаях жесткие границы между государственными и частными системами размываются.

Наиболее значительные потоки частных пенсионных средств, составляющие 5,3—5,5% ВВП, характерны для государств англо-саксонской группы, в том числе, например, Канады, а также для Нидерландов и Швейцарии, а средний уровень выплат из частных схем находится в пределах 1,5% ВВП. Частное пенсионное обеспечение является обязательным или достигает почти универсального охвата на основе договоров социальных партнеров (является квазиобязательным) в менее чем 1/3 стран ОЭСР. В других действуют добровольные программы как с высоким (до 40% взрослого населения, например, в Японии, Германии, ряде государств Восточной Европы), так и относительно небольшим участием (5—10% населения). В качестве меры стимулирования работников присоединяться к профессиональным схемам в ряде государств с разной степенью успеха применяются меры «мягкого принуждения», автоподключения работников к профессиональным планам работодателей с возможностью выхода из данных планов. Пока такие схемы действуют в 6 государствах, последней стала в 2023 г. Словакия. В одних случаях фиксируется высокий уровень участия в таких общенациональных программах, до 75—80% работающих (Новая Зеландия и Литва), в других более чем скромные результаты — 13—15% и высокий процент выхода из схем (Италия, Турция). Автоматическое подключение к программам на уровне фирм действует в Канаде и США, в Германии такого рода программы предусмотрены при формировании относительно новых для страны профессиональных программ с установленными взносами.

Частные пенсии в структуре общих расходов на пенсионное обеспечение в экономически развитых государствах в среднем составляют около 21%, а максимальные

показатели могут достигать 50—60% (Исландия, Канада, Нидерланды, Великобритания). Ответственность за уплату страховых взносов возлагается на работников (Чили, Перу, Казахстан, Румыния), работодателей (Австралия, Корея, Норвегия) или одновременно на обоих социальных партнеров (Швейцария), а сам размер взносов фиксируется на разных уровнях от 10—15%, в том числе в ряде развивающихся государств, где страхованием охвачена незначительная часть работающего населения, до 2% (Норвегия). Кроме того, взносы в частные схемы могут варьировать в зависимости от возраста участника, дохода или сектора, в котором он занят (государственный или частный сектор в Мексике).

Международная практика выработала различные формы и модели организации частных накопительных планов. Дополнительное пенсионное обеспечение может проводиться как непосредственно действующими финансовыми организациями (банками, обществами взаимного страхования, страховыми компаниями), так и специализированными пенсионными структурами: пенсионными и отраслевыми фондами (как в случае голландских некоммерческих пенсионных фондов или независимых отраслевых фондов Австрии) или специальными управляющими компаниями по управлению сегрегированными пулами активов, не обладающих правосубъектностью и дееспособностью (Чили, Мексика, Чехия).

Основные тенденции развития профессиональных и индивидуальных пенсионных планов. Важным направлением анализа дополнительного пенсионного обеспечения является разделение пенсионных планов на профессиональные и индивидуальные. Профессиональные пенсионные планы формируются отдельными работодателями или их группами, а также ассоциациями работников (вместе или отдельно с работодателями). План может управляться непосредственно спонсором или независимой структурой (пенсионным фондом, другой финансовой организацией, действующей как пенсионный провайдер). В одних странах профессиональные планы являются обязательными, в других — добровольными для работодателей и работников. Есть примеры добровольного формирования работодателями пенсионных планов, взносы в которые могут замещать по крайней мере часть взносов в планы по системе обязательного страхования. Эти схемы рассматриваются как добровольные, но работодатели должны спонсировать их существование, чтобы снять часть ответственности по обязательным взносам.

В отличие от профессиональных, доступ к персональным пенсионным планам не связан с отношениями занятости, эти планы формируются и управляются пенсионными фондами и другими финансовыми структурами. Сами граждане выбирают организации, к которым обязаны присоединиться, и выплачивают определенные взносы (если это обязательный план, как в Мексике или Чили), или выбирают провайдера пенсионных услуг и участвуют в определении условий договоров. Тем не менее работодатели могут также добровольно (например, при наличии определенных налоговых льгот) делать взносы в данный пенсионный план.

В абсолютном большинстве стран ОЭСР одновременно действуют и профессиональные, и индивидуальные планы в разных модификациях, есть они, хотя, как правило, не в таких масштабах, в государствах с формирующимися рынками и в развивающихся, например в Индии, Индонезии, Бразилии, ЮАР. Работники могут быть участниками разных профессиональных планов в течение трудовой

карьеры и одновременно иметь индивидуальные счета у пенсионных провайдеров. В Финляндии и Швейцарии активы профессиональных планов превышают 90% всех активов пенсионных планов, а в Чили, Колумбии, Прибалтийских странах действуют практически только индивидуальные планы. Охват работающего населения добровольными профессиональными пенсионными планами в Германии составляет около 54%, а персональными — около 30%. Во Франции эти показатели достигают соответственно 23 и 12% [11. Р. 15]. Особенностью профессиональных пенсионных схем является наличие периода вестинга (необходимого периода участия в схеме), который в большинстве случаев составляет от года до трех лет (хотя есть и исключения, например, в Дании, Италии, Бельгии), что сильно ограничивает возможности участия в данном виде страхования для работников со срочными и временными контактами.

Степень участия работодателя в накопительных пенсионных планах и их модель в определенной степени зависят от структуры рынка труда. В странах с высоким уровнем неформальной занятости, где большая часть рабочей силы относится к категории самозанятых, не имеющих тесных связей с какими-либо работодателями, формирование профессиональных пенсионных систем не считается рациональным. Наиболее успешно профессиональные пенсионные планы действуют в условиях, когда большая часть занятого населения состоит в формальных трудовых отношениях на условиях полной занятости. Персональные пенсионные планы лучше адаптированы к современным тенденциям на рынке труда, связанным с ростом мобильности и частой сменой работающими статуса наемного работника и самозанятого. Серьезным препятствием для развития частного пенсионного страхования в среднеразвитых государствах выступают нехватка финансовых инструментов, в которые можно инвестировать, недостаток навыков и опыта инвесторов, в целом высокая стоимость функционирования данных систем. Согласно оценкам Д. Валеро, в действующих латиноамериканских планах обязательного индивидуального накопительного пенсионного страхования до четверти взносов не капитализируется, а используется на покрытие административных расходов управляющих пенсионными фондами [17]. Возможные меры противодействия росту административных расходов включают установку верхних лимитов для расходов, введение правил прикрепления новых неопределившихся участников к управляющим компаниям с наиболее низкими комиссионными платежами, создание расчетных центров для снижения расходов работодателей на организацию доставки взносов в разные пенсионные фонды, выбранные работником (налоговые органы в Новой Зеландии, Центральный банк в Мексике, Расчетная палата для мелких работодателей в Австралии, Государственная некоммерческая корпорации (NEST) в Великобритании).

Пока частное пенсионное обеспечение и накопительные схемы играют существенную роль только в ограниченном числе, как правило, относительно богатых стран. Активы накопительных и частных пенсионных планов, по данным на 2022 г., составляли в государствах ОЭСР в среднем 87% их ВВП, а в странах, не входящих в эту группу, в среднем 8,2% ВВП (в том числе, например, в КНР — 2,3%, Индонезии — 1,7%). Самые высокие показатели, превышающие 150% ВВП, фиксируются в государствах с давно действующими обязательными или

квазиобязательными профессиональными планами (Дания, Канада, Исландия, Нидерланды, Швейцария).

Несмотря на длительную историю развития различных форм пенсионных накоплений и значительно более высокие доходы населения экономически развитых стран, в сравнении с другими регионами мира, основную долю доходов пенсионеров этих государств составляют трансферты из общественных пенсионных фондов, в среднем по ОЭСР — 80%, на индивидуальные пенсионные счета приходится 15%, на профессиональные пенсии — 5%. Впрочем, пенсионные системы — консервативные структуры и современные реформы, стимулирующие развитие частного страхования, впоследствии могут привести к изменению данного соотношения. В странах с высоким уровнем развития негосударственного пенсионного страхования, например Нидерландах и Великобритании, на профессиональные пенсии приходится соответственно 45 и 36% доходов пенсионеров [7. Р. 10].

С точки зрения коэффициента замещения в государствах, входящих в группу ОЭСР, в которых в основном действуют государственные страховые программы и незначительна роль частного страхования (18 стран), коэффициент замещения пенсией заработной платы составляет в среднем 59%. Там, где одновременно существуют государственное и обязательное частное пенсионное страхование (10 стран), общий коэффициент замещения (государственных и частных программ) снижается до 50%. А в государствах, в которых значительную роль играют программы добровольного страхования, (10 стран), система обязательного страхования обеспечивает работнику со средней заработной платой и полным страховым стажем 37% замещения пенсией трудовых доходов [10. Р. 152].

Кроме различных форм накопительного негосударственного пенсионного обеспечения, 2/3 стран ОЭСР формируют суверенные фонды и резервы государственных пенсионных систем. Активы данных резервных фондов в среднем достигают 12% от суммы их ВВП. Наиболее высокие показатели пенсионных резервов относительно размеров экономик, превышающие 30% ВВП стран, в Корее, Японии, Финляндии и Швеции. Средства резервных фондов могут служить буфером для покрытия текущего временного снижения ликвидности (Германия, Швейцария), смягчения вероятных будущих шоков, связанных с изменением демографической ситуации (Австралия, Корея), или служить инструментом средне- и долгосрочного сглаживания входящих и исходящих потоков денежных средств и обеспечения долгосрочной стабильности (Канада). Реальная доходность инвестиций накопительных пенсионных планов на 20-летнем отрезке времени по странам колебалась от отрицательных значений —1,9 и —1% в Латвии и Чехии до 4,8 и 4% — в Колумбии и Канаде. Реальная доходность вложения средств действующих резервных фондов за тот же промежуток времени была выше и составляла от 0,3% до 6,5—7,2% [10. Р. 227].

***

Процессы реформирования пенсионных систем затрагивают ряд вопросов, связанных с изменением роли государства в сфере пенсионного обеспечения, переносом части рисков с общенационального на коллективный и индивидуальный уровни. Среди этих трансформаций — изменение параметров пенсионного

возраста, введение понятий нормального, эффективного, целевого пенсионного возрастов. В группе высокоразвитых государств усиливается тенденция к снижению возможности раннего выхода на пенсию, пересматривается отношение к предоставлению льгот для отдельных категорий работников, в том числе занятых на опасных и вредных работах. Фокус перемещается на вопросы контроля за состоянием здоровья работников на протяжении трудовой жизни, снижения риска возникновения профессиональных заболеваний, проведение политики управления возрастом, в том числе перевода на другие, менее опасные виды работ на более поздних стадиях карьеры, формирование понятия многостадийной занятости. Тенденции повышения формального пенсионного возраста прослеживаются и в других группах государств.

Другим важным направлением повышения устойчивости пенсионных систем, кроме увеличения административными и экономическими методами продолжительности трудовой жизни, является развитие различных форм частного накопительного страхования в дополнение (реже замены) к государственным пенсионным схемам. Для государства преимущества развития накопительного страхования заключаются в более высоком объеме мобилизации инвестиционных ресурсов в экономику и перераспределении части рисков по пенсионному обеспечению с государственного на уровень организаций и индивидов. Но одновременно существуют значительные риски, особенно в государствах со средним и ниже среднего уровнями развития, недостаточного уровня накопления участниками. Страны, которые вводят системы, основанные на частном пенсионном страховании, должны иметь хорошо функционирующие финансовые рынки и взаимное доверие общества и государства. Кроме того, для стимулирования расширения участия используются меры государственной поддержки в форме государственных субсидий, налоговых льгот, государственных гарантий. Значимых размеров выплаты по линии пенсионного накопления для большей части населения достигают только в государствах с высоким уровнем и долей оплаты труда в ВВП и длительными традициями и историей действия пенсионных институтов.

Литература

1. *Barr N., Diamond P.* Reforming pensions // *International Social Security Review*. 2009. V. 62. № 2. P. 5–29.
2. *Devesa J.E., Devesa M.* The cost and actuarial imbalance of pay-as-you go systems: the case of Spain. // *Journal of Economic Policy Reform*. 2010. V. 13. № 3. P. 259–276.
3. *Figlioni L., Lissovolik B., Galdamez M.* Growing pains: Is Latin America prepared for population ageing? // *IMF* 2018. № 18/05. P. 75.
4. *Financial incentives and retirement savings*. Paris: OECD publishing. 2018. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264306929-en>
5. *Fouejien A., Kangus A., Martinez S.R., Soto M.* Pension reforms in Europa: How far have we come and gone? // *IMF*. 2021/016. P. 47.
6. *Gil J., Patxot C.* Reformas de la financiación del sistemas de pensiones // *Journal of Applied Economics*. 2002. V. X. № 28. P. 63–85.
7. *Harker R.* Pensions: International comparisons // *Parliament UK Commons library research*. 2022. N CBP0290.
8. *Holzmann R., Palacios R., Zviniene A.* Implicit pension debt: Measurement and scope in international perspective // *Social Protection Discussion Paper Series*. 2004. № 403. Washington: The World Bank.

9. *Mesa-Lago C., Valero D.* The new wave of pension reforms in Latin America. In Peres-Ortiz M., Alvarez-Garcia, Dominguez-Fabian I., Devolder P.(ed.) Economic challenges of pension systems. A sustainability and international management perspective. 2020. Springer. P. 255–274. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-37912-p>
10. Pension at a glance 2023. OECD and G20 indicators. Paris: OECD Publishing. URL: <https://doi.org/10.1787/678055dd-en>
11. Pension markets in focus. OECD 2023. URL: www.oecd.org/finance/pensionmarketsinfocus.htm
12. *Raitano M., Ludicone F., Mitchell B.* Study on intergenerational fairness. Final Report. VC-2019-0509 Luxembourg: Publication office of the European Union 2021.
13. Reforming against the demographic clock. Allianz Global Pension Report 2023. Munich: Allianz. URL: <https://www.allianz.com/en/economic-research>
14. *Robalino D.A., Bodor A.* On the financial sustainability of earning-related pension schemes with “pay-as-you-go” financing and role of government-indexed bonds // *Journal of Pension Economics and Finance*. 2009. V. 2. № 2. P. 153–187.
15. *Sanderson W.C., Scherbov S.* Prospective longevity. A new vision of population ageing. Harvard University Press. 2019.
16. *Scott A.* Working life-labour supply, ageing and longevity. In Bloom D., Sousa-Ponza A, Sunde U. (ed.) *Routledge Handbook on Economics of Ageing*. 2021. P. 1–36.
17. *Valero D.* Tendencias en materia de pensiones privadas. El papel de las rentas vitalicias. In Hence J.A. (ed.) *Pensiones:una reforma modular*. Madrid: Fundacion de Estudios Financieros y Circulo de Empresarios. 2013. P. 175–189.
18. *Wolf L., Caridad L., DelRio L.* Pension reforms and risk sharing cycle: a theory and global experience. // *International journal of economics and business administration*. 2021. V. IX. Issue I. P. 225–243.
19. *Zaninotto P., Bully G.D., Stenholm S., Kawachi L., Hide M.* Socioeconomic inequalities in disability-free life expectancy in older people from England and United States: a cross-national population-based study // *The Journals of gerontology; series A*. 2020. V. 75. Issue 5. P. 906–913. <https://doi.org/10.1093/gerona/glz266>

Yelena Shestakova (e-mail: eeshestakowa@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

THE TASKS OF STABILIZING EXISTING PENSION SYSTEMS AND THE MAIN VECTORS OF REFORMS IN THE PRACTICE OF FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes some common approaches to reforming pension systems for different states, focused mainly on improving their financial and social stability in the medium term. The main focus is on the issues of increasing the working life expectancy of the working part of the population by increasing the retirement age and limiting the possibility of early retirement for certain categories of employees and the introduction of private saving programs of various types to solve the problem of reducing the financial burden on the state and increasing the responsibility of citizens for their financial well-being in retirement. Various forms and models of organization of private pension plans are considered, depending largely on the structure of the labor market and national traditions, their advantages and disadvantages.

Keywords: pension security, state paternalism, private saving schemes, sustainability of pension systems.

DOI: 10.31857/S0207367624050045

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

© 2024

УДК: 33.

Владимир Андрианов

доктор экономических наук, профессор Московского университета имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН, заслуженный экономист России (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: andrianov_vd@mail.ru)

НОВАЯ МИРОВАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА – ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются основные направления создания новой мировой валютной системы как основы формирования альтернативной глобальной финансовой архитектуры. Показано усиление роли стран БРИКС в мировой финансовой и валютной системе. Анализируются основные финансовые показатели деятельности Нового банка развития (НБР), в том числе история его создания, акционерный капитал, кредитный портфель, заемные средства с мирового рынка капитала. Оцениваются перспективы развития НБР и его способность к участию в формировании новой мировой финансовой и валютной системы, не зависящей от «англосаксонской» финансовой элиты и контролируемых ею международных финансовых институтов. Рассматриваются возможности введения в НБР единой расчетной единицы «брикс».

Ключевые слова: мировая финансовая архитектура, мировая валютная система, валютные зоны, платежные системы, резервные и цифровые национальные валюты, страны БРИКС, Новый банк развития (НБР), расчетная единица «брикс».

DOI: 10.31857/S0207367624050056

В нынешней геополитической ситуации в глобальной экономике главным трендом становится движение к многополярному миру и консолидация экономического потенциала стран, не желающих сохранения гегемонии США в мировой политике, экономике и финансах. Модель тотального доминирования «золотого миллиарда» стала тормозом развития мировой цивилизации, поскольку под предлогом продвижения демократии и так называемых «либеральных ценностей» проводится политика агрессивной конфронтации со странами, отстаивающими свой политический и экономический суверенитет, и разжигаются военные конфликты практически во всех регионах мира, на которых США через свой военно-промышленный комплекс зарабатывает огромные деньги.

Очевидно, что формирование альтернативы однополярному «англосаксонскому миру» представляет собой сложный процесс, который сопровождается обострением политических, экономических и финансовых противоречий. Речь идет не о механической замене старого мирового порядка, основанного на правилах, придуманных и продвигаемых глубинным государством США, а о качественном изменении сущности самого принципа построения и развития глобальной экономики и построения нового мирового сообщества, основанного не на конфронтации и войнах, а на разумном сотрудничестве и созидании, построении основ новой мировой цивилизации, которая позволит человечеству развиваться на благо всех стран и народов.

Для построения основ новой мировой цивилизации необходим кардинальный переход от всевластия «либерального» рынка и эксплуатации колониального типа к справедливым и равноправным международным отношениям между странами, регулируемому рынку, взаимовыгодному торгово-экономическому сотрудничеству суверенных государств.

В современных условиях глобальной турбулентности и повышенных геополитических рисков место отдельных стран в мировой экономике, а значит, в международной финансовой системе требует кардинального изменения. Фактически речь идет о необходимости трансформации мировой финансовой архитектуры, основные контуры которой сформировали и продвигали во второй половине XX в. контролируемые глубинным государством финансовые элиты США через международные организации и международные финансовые институты развития.

Научная несостоятельность основных западных экономических теорий. Глобальный финансово-экономический кризис 2008—2009 гг., мировой социально-экономический кризис в период рукотворной пандемии COVID-19 и нынешний нарастающий глобальный экономический и политический кризис подтвердили несостоятельность на современном этапе экономических теорий монетаризма и кейнсианства, которые в западной экономической науке долгое время считались мейнстримом.

В частности, монетаристы считают, что рынки априори конкурентны и что сама рыночная система в случае нарушения устойчивости способна автоматически достигать макроэкономического равновесия. Однако на практике это оказывается не так. В частности, мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. начался с краха рынка ипотечного кредитования в США, который рухнул из-за агрессивной кредитной политики крупнейших участников рынка, в том числе структур теневого банкинга.

В разгар финансового кризиса практически все ведущие промышленно развитые страны вынуждены были перейти на ручное управление экономикой, в лучших традициях классического дирижизма.

Без активной политики «количественного смягчения», без существенных государственных вливаний денежных средств в экономику, без перевода корпоративного долга в государственный и национализации обанкротившихся финансовых институтов большинство стран были бы обречены на финансовый коллапс и суверенный дефолт. В попытках запустить экономический рост финансовые власти напечатали огромное количество денег, проводя политику «количественного смягчения», но даже такая масштабная денежная эмиссия не привела к ожидаемому эффекту.

Беспрецедентное вмешательство государства в экономические процессы, к которому всегда призывали сторонники кейнсианства, в данной ситуации не способствовало возобновлению экономического роста, а лишь усугубило финансовые проблемы и прежде всего долговую проблему как в отдельных странах, так и в глобальной экономике.

В настоящее время на Западе в сфере экономических научных приоритетов прослеживается тенденция возвращения к одной из первых мировых экономических

теорий — меркантилизму¹. Концепция современного неомеркантилизма базируется на основных положениях старейшей экономической школы меркантилизма, которая зародилась в XVI и в XVIII в., сформировала первую в европейской науке экономическую теорию. Меркантилисты считали основным источником богатства страны торговлю. Богатство отождествляли с деньгами, золотом, серебром и драгоценностями, а накопление национального богатства ученые связывали с активной государственной политикой.

Современная экономическая политика неомеркантилизма основана на тех же принципах и ориентирована на повышение внутренней эффективности кредитно-денежной, бюджетной и налоговой политики государства.

Практически это выражается в проведении протекционистской политики, в том числе в стимулировании национального экспорта, сдерживании импорта, стремлении увеличить объем золотовалютных резервов и диверсифицировать их за счет сокращения доллара и увеличения доли монетарного золота и других резервных валют.

Неомеркантилисты призывают государство контролировать движение капитала, что позволяет проводить более жесткую денежно-кредитную и налогово-бюджетную политику.

Основные системные социально-экономические дисбалансы в глобальной экономике и мировой финансовой системе. Неудачные попытки западных стран преодолеть последствия кризисных явлений путем увеличения государственных расходов и проведения политики протекционизма усугубили старые и породили новые системные социально-экономические дисбалансы в глобальной экономике и мировой финансовой системе.

Антикризисные программы ведущих промышленно развитых стран, финансируемые в основном из государственных бюджетов, не смогли преодолеть стагнации, а многие проблемы, особенно в сфере государственных финансов и в банковской системе, обострились и стали основными причинами нового затяжного глобального финансово-экономического кризиса, который фактически начался в 2020 г.

Поэтому можно констатировать, что причины нового суперкризиса мировой экономики — не пандемия коронавируса и падение цен на нефть, не специальная военная операция (СВО) на Украине и даже не экономические санкции стран Запада против России или оккупация Израилем палестинского сектора Газа, а системные финансовые и социально-экономические дисбалансы.

В настоящее время основными угрозами для мировой экономики и экономики отдельных стран являются растущие системные глобальные дисбалансы в экономике и финансовой системе, к которым в первую очередь следует отнести:

- дисбаланс между объемом мирового ВВП и размером глобального долга, а также темпами их роста;
- дисбаланс между уровнем капитализации мирового фондового рынка и объемом небиржевых производных финансовых инструментов (деривативов);

---

¹ По мнению ряда зарубежных ученых экономистов, в классической политэкономии можно выделить три основных типа: меркантилистский, либеральный (классический) и социалистический. Остальные типы представляют собой комбинация этих базовых типов.

- дисбаланс между стоимостью активов традиционной банковской системы и масштабами мирового теневого банкинга;
- дисбаланс между продолжающимся ростом благосостояния богатых граждан золотого миллиарда и высоким уровнем бедности большей части населения во многих странах мира.

Анализ динамики и параметров указанных социально-экономических дисбалансов позволяет говорить о том, что мировая экономика и мировая финансовая система погружаются в глубочайший кризис, который по своим последствиям может превзойти Великую депрессию прошлого века.

Рост указанных дисбалансов, обострение мировых политических и социально-экономических проблем глобальной экономики поставили на повестку дня необходимость в кардинальной перестройке мировой финансовой системы. Серьезные изменения необходимы практически во всех сегментах мирового финансового рынка — валютном, инвестиционном, банковском, фондовом, долговом и др.

Будущая реформа валютной системы должна положить конец доминированию доллара США в глобальной экономике в качестве основной расчетной и резервной валюты.

Новая мировая валютная система. Новая валютная система должна не заменить действующую сейчас Ямайскую валютную систему, а создать новую альтернативную мировую финансовую систему, которая в будущем призвана кардинально изменить существующую мировую финансовую архитектуру².

Непосредственное участие в разработке принципов построения новой мировой валютной системы должны принимать участие государства БРИКС, ШОС, ЕАЭС, мусульманские страны арабского мира и страны, желающие освободиться от американской гегемонии и диктата в финансовой сфере.

И самое главное — новая альтернативная валютная система должна положить конец доминированию доллара США в глобальной экономике и мировой финансовой системе в качестве основной расчетной и резервной валюты.

Новая валютная система должна строиться не на долларовом стандарте и резервных валютах сателлитов США, а на более широкой корзине национальных валют прежде всего стран БРИКС — китайский юань, российский рубль, индийская рупия, бразильский реал и южноафриканский рэнд, а также валюты стран, присоединившихся к БРИКС с 1 января 2024 г., — Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ.

В качестве одной из важных задач на 2024 г. была определена плавная интеграция новых членов БРИКС в работу финансового сектора и расширение сотрудничества в этой сфере на экспертном уровне.

---

² История валютных систем:

Парижская валютная система (1867—1922) — золотой стандарт, резервные валюты — золото;

Генуэзская валютная система (1922—1930-е гг.) — золотой стандарт, все валюты привязаны к золоту, резервные валюты — фунт стерлингов и доллар США;

Бреттон-Вудская валютная система (1944—1978) — золотодевизный стандарт, основные резервные валюты — фунт стерлингов, доллар США;

Ямайская валютная система (1978-н/в) — долларовый стандарт (СДР, резервные валюты — доллар США, фунт стерлингов, швейцарский франк, японская иена, евро (с 2000 г.), китайский юань (с 2016 г.) и др.

В статье «Новый банк развития и усиление роли стран БРИКС в мировой финансовой системе», опубликованной ИНИОН, РАН в 2023 г., автор предлагает назвать такую новую валюту условно «брикс»³.

Семантически это слово созвучно слову «**бакс**», которым многие называют доллары США и субстантивно близко к слову «**банкор**», так называл возможную новую мировую расчетную валюту один из основателей Бреттон-Вудской валютной системы известный английский экономист Джон Мейнард Кейнс (1883—1946).

По нашему мнению, в основе формирования новой альтернативной валютной системы должны лежать следующие принципы стабильности и устойчивости финансовой системы:

- установление постоянных обменных курсов валют стран — участниц новой валютной системы к расчетной единице «брикс», без привязки к доллару США;
- обязанность центральных банков стран — участниц новой валютной системы поддерживать стабильный курс национальной валюты по отношению к «брикс»; поддержание стабильности национальной валюты может быть реализовано за счет валютных интервенций, которые рассматриваются как механизм адаптации валютной системы к изменяющимся внешним условиям, аналогично передаче золотых запасов для сокращения сальдо платежного баланса при золотом стандарте;
- в чрезвычайных ситуациях, при значительном дефиците платежного баланса допускается определенное изменение курса национальных валют за счет девальвации или ревальвации национальных валют;
- составными институциональными финансовыми элементами новой альтернативной валютной системы на первом этапе могут стать международные финансовые институты развития, такие как Новый банк развития БРИКС (НБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Исламский банк развития (ИБР) и другие, не зависящие от США, финансовые институты стран — участниц новой валютной системы.

Как альтернативу или как дополнительный элемент в рамках БРИКС можно рассматривать возможность создания нового международного финансового института, не подконтрольного финансовой олигархии США, с основными функциями глобального финансового регулятора, с акцентом на валютном регулировании и регулировании движения капитала в глобальной экономике.

Такой глобальный альтернативный Международному валютному фонду (МВФ) финансовый мегарегулятор мог бы также регулировать деятельность валютного и фондового рынка, оффшорных центров, суверенных фондов, принципов

---

³ Андрианов В.Д. Новый банк развития и усиление роли стран БРИКС в мировой финансовой системе, в сборнике Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС. М.: ИНИОН, РАН. 2023. С. 11—19.

Главред RT Маргарита Симоньян придумала свое название для единой валюты БРИКС: «Я уверена, что у нас и общая валюта будет. И называть я ее предлагаю, знаешь, как? Это же БРИКС, я предлагаю назвать ее «бричка». Во-первых, это феминитив. Сейчас же в моде феминитивы, да? Ну как это? Это же не актуально, что все валюты называются в мужском роде. И рубль, и доллар, и юань. А это будет бричка. Нам, девочкам, будет приятно. Во-вторых, это все-таки Гоголь, великий русский писатель украинского происхождения. Смотрите, как красиво. Он же сам говорил: “Я сам не знаю, какая у меня душа: хохлацкая или русская”. А тут как миролюбиво, как актуально. Бричка».

трансграничных слияний и поглощений, рынка небиржевых деривативов и др.

Такая организация может быть создана странами БРИКС и их сторонниками по аналогии с Международным валютным фондом (МВФ), Всемирной торговой организацией (ВТО) и на базе уже существующих международно-правовых соглашений в финансовой и инвестиционной сфере или заключения новых. Такая конфигурация может быть законодательно закреплена в новой альтернативной валютной системе, о необходимости которой мы говорили выше.

Название новой валютной системы зависит от того, где пройдет саммит по ее учреждению — это может быть Московская валютная система, Пекинская или Шанхайская, Делийская валютная система, Бразильская валютная система, Валютная система «брикс» и много других вариантов. В данном случае название не имеет принципиального значения, важно выработать и принять новые принципы ее формирования. Самое главное — новая валютная система должна положить конец доминированию доллара США в глобальной экономике и мировой финансовой системе в качестве основной расчетной и резервной валюты.

Еще одним инструментом ослабления доминирования доллара США и создания новой альтернативной валютной системы может стать формирование в мировой экономике валютных зон.

Валютные зоны как один из возможных инструментов формирования новой мировой финансовой инфраструктуры. В этой связи необходимо стимулировать региональную экономическую интеграцию, в результате которой могут сформироваться валютные зоны с региональными, свободно используемыми (резервными) валютами.

В перспективе такими зонами могут стать:

- *азиатская валютная зона* на базе азиатской валютной единицы АКЮ (англ. Asian currency unit, ACU) может быть создана в формате АСЕАН +3, куда могут войти 10 стран — членов АСЕАН, а также Китай, Япония и Республика Корея;
- *зона «золотого динара»* — арабские страны Ближнего и Среднего Востока, Западной и Экваториальной Африки, мусульманские государства стран Юго-Восточной Азии. Всего 57 стран — членов Исламского банка развития⁴;

---

⁴ Одним из инициаторов отказа от расчетов в долларах США и евро был ливийский лидер Муаммар Каддафи, который еще в 1999 г. призывал арабские и африканские страны к созданию panaфриканской валютной зоны и переходу на расчеты в единой валюте — золотом динаре.

В 20002 г. Каддафи совместно с малайзийским премьер-министром Махатхиром Мохаммадом стал инициатором предложения о введении валюты стран Персидского залива — золотого динара. Эту идею первоначально поддержали Иран, Судан, Бруней, Индонезия, ОАЭ, а затем и Египет. Формально поддержал идею тогдашний директор МВФ Доминик Стросс-Кан, за что и лишился своего высокого поста.

В результате, благодаря личным усилиям Махатхира Мохаммада проект золотого динара получил реальное воплощение. В ноябре 2001 г. в Дубае состоялась церемония официально-го введения в обращение золотого динара (весом 4,25 г) и серебряного дирхама (весом 3 г).

Планировалось, что золотой динар будет введен в оборот в 2003 г., а к 2010 г. станет межгосударственным платежным средством в мусульманском мире.

В настоящее время в системе расчетов с использованием золотого динара участвуют Малайзия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман, Бруней, Иран, Бангладеш, Йемен, Мальдивские Острова и др. Попытки использовать золотой динар в расчетах мусульманских стран — членов ОПЕК наталкиваются на активное противодействие со стороны МВФ, деятельность которого фактически контролируют США.

- *рублевая зона* — Россия, Союзное государство России и Белоруссии, ЕАЭС, отдельные страны СНГ;
- *валютная зона стран Латинской Америки* на базе стран — участниц МЕРКОСУР (Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Венесуэла) и стран Андской группы (Боливия, Колумбия, Перу, Венесуэла, Эквадор).

Свою валютную зону планируют создать страны западноафриканского экономического сообщества ЭКОВАС, в который входят Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Кабо-Верде, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того.

Страны сообщества, в котором проживают около 385 млн человек, разработали эту идею и объявили о ней еще в 1983 г., но постоянно откладывали ее практическую реализацию. В частности, в 2019 г. на саммите в Абудже (Нигерия) страны сообщества заявили, что планируют ввести в обращение с 2020 г. собственную валюту — эко. Для этого восемь стран содружества должны будут отказаться от обращения франка, привязанного к евро (франк CFAa), на территории бывших французских колоний, а семь других стран — отказаться от своей национальной валюты.

В заключительном коммюнике саммита сообщалось о постепенном переходе к единой валюте, начиная с тех стран, которые отвечают принятым критериям конвергенции.

На очередном саммите ЭКОВАС в 2021 г. была принята *дорожная карта по введению эко* — единой валюты стран содружества, при этом сроки ее введения были перенесены на 2027 г.⁵ Очевидно, что региональные валютные зоны в глобальной экономике, со своими свободно используемыми (резервными) валютами могут стать составной частью новой мировой альтернативной валютной системы и кардинально изменить глобальную финансовую архитектуру.

На первом этапе основными институциональными элементами новой альтернативной валютной системы могут стать, как было сказано выше, уже существующие международные финансовые институты развития, такие как Новый банк развития БРИКС (НБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Исламский банк развития (ИБР) и другие независимые от США финансовые институты стран — участниц новой валютной системы. По своему международному статусу, финансовым и политическим возможностям наибольшие перспективы стать таким финансовым институтом имеет Новый банк развития БРИКС (НБР). Это наиболее подходящая финансовая площадка для отработки принципов формирования новой мировой валютной системы.

История создания Нового банка развития (БРИКС). Идея создания Нового банка развития (НБР) в рамках БРИКС принадлежит России. Первые концептуальные предложения о необходимости и принципах создания новой международной финансовой организации были сформулированы экспертами Департамента стратегического анализа и разработок Внешэкономбанка (ВЭБ) после мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. В 2010 г. директором департамента был подготовлен первый вариант проекта концепции создания банка БРИКС.

Одним из мотивов создания НБР была попытка изменения существующей мировой финансовой архитектуры, в которой безраздельно доминируют международные

⁵ URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10948382>

финансовые институты, контролируемые финансовой элитой США — Мировой банк, МВФ, региональные банки развития. В противовес этим финансовым структурам, где страны БРИКС и другие развивавшиеся страны до сих пор не имеют адекватного количества голосов (и, соответственно, не могут влиять на стратегию и принятие конкретных решений по предоставлению финансовых ресурсов), задумывался Новый банк как международный финансовый институт развития.

Исходя из этого, способность международных финансовых институтов развития реагировать на рост финансовых потребностей экономик развивающегося мира с каждым годом вызывает все больше проблем.

Незначительные доли голосов представителей развивающегося мира, в том числе государств — членов БРИКС в международных экономических организациях не дают им возможности влиять на стратегию распределения финансовых ресурсов для развития.

Кроме того, пытаясь дополнить свое политическое доминирование экономическим, коллективный Запад заставляет Международный валютный фонд и Всемирный Банк выдвигать политические требования при предоставлении финансовых ресурсов этим странам.

Предпосылкой создания НБР была разработка межбанковского механизма БРИКС и расширение их сотрудничества в финансовой и банковской сфере, в рамках которого в 2010 г. был заключен Меморандум о многостороннем сотрудничестве.

Межбанковское сотрудничество осуществлялось на уровне национальных финансовых институтов развития стран БРИКС. К ним относились «Бразильский банк экономического и социального развития», российская государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», «Экспортно-импортный банк Индии», «АО Корпорация “Государственный банк развития Китая”», «Банк развития Южной Африки».

Основной целью сотрудничества данных банков была разработка порядка предоставления финансовых и банковских услуг для инвестиционных национальных проектов развития. Фактически это был подготовительный этап создания Нового банка развития. В этой связи в продолжение совместной работы в 2011 г. банки — члены межбанковского механизма БРИКС заключили Соглашение о развитии финансового сотрудничества и в 2012 г. — Генеральное соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах.

Подобный документ, заключенный за два года до введения экономических и политических санкций против России, уже тогда предусматривал снижение зависимости национальных валют от доллара и евро.

Политическое решение о создании Нового банка развития было принято лидерами стран БРИКС на V Саммите организации, который состоялся в Дурбане (ЮАР) 27 марта 2013 г.

Соглашение о создании НБР было подписано главами государств БРИКС 15 июля 2014 г. на VI Саммите этой организации в бразильском городе Форталеа. Соглашение предусматривало возможность присоединения к нему других участников. Официально о создании НБР было объявлено на Форуме деловых кругов БРИКС, который проходил в рамках этого Саммита.

Основной целью создания банка было провозглашено финансирование инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития в государствах БРИКС, других развивающихся странах и странах с переходной экономикой⁶.

На этом форуме было принято решение о формировании Пула условных валютных резервов БРИКС, по аналогии с существующим механизмом в Международном валютном фонде. Управление Пулом было возложено на Постоянный комитет, в который вошли представители всех пяти стран.

После решения о формировании Пула Президент РФ В. Путин отмечал: «Масштабы возможных операций в рамках Пула валютных резервов смогут достигать 100 млрд долларов. Этот механизм создает предпосылки для эффективной защиты национальных экономик наших стран от кризисов на финансовых рынках».

Ратифицированное Государственной Думой РФ соглашение о создании НБР было подписано Президентом РФ В.В. Путиным 8 марта 2015 г. Официальный старт деятельности банка был дан на инаугурационном заседании совета управляющих НБР под председательством главы Минфина РФ, которое состоялось в Москве 7 июля 2015 г.

На заседании представители стран — членов НБР избрали первого президента банка. Им стал известный, авторитетный индийский банкир Кундапура Вамана Каматха, имевший значительный опыт работы в других международных финансовых организациях, в том числе в Азиатском банке развития (АБР). Также были назначены вице-президенты и определены приоритеты финансовой и кредитной деятельности банка на первые 5 лет.

Штаб-квартирой нового банка был выбран китайский город Шанхай, который является одним из крупнейших финансовых центров в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Порядок размещения и регламентация деятельности НБР регулируется специальным соглашением с правительством Китая, которое было подписано 27 февраля 2016 г.

Капитал банка. Первоначальный капитал банка был сформирован в форме Пула условных валютных резервов БРИКС, объем которого составил 100 млрд долларов. Китай вложит в него 41 млрд долларов; Россия, Бразилия и Индия — по 18 млрд долларов, ЮАР — 5 млрд долларов.

Несмотря на разный экономический потенциал стран — учредителей банка и их взносов в Пул условных валютных резервов, голоса стран были распределены в равной пропорции по 20%, что соответствует одному из основных принципов НБР — равноправное партнерство.

Следует отметить, это соотношение кардинально отличается от доли голосов стран БРИКС в других международных финансовых организациях и прежде всего в Мировом банке (МБРР) и МВФ.

Например, доля голосов Китая в МБРР в 2023 г. составляла 5,61%, а в НБР — 19,4%, Индии — соответственно 3,23 и 19,4%, России — 2,82 и 19,4%, Бразилии — 2,31 и 19,4%, ЮАР — 0,77 и 19,4%⁷.

Фактически Пул представлял собой разрешенный к выпуску капитал банка в размере 100 млрд долл., который предназначался для финансирования нацио-

⁶ «Соглашение о Новом банке развития, Форталеа, 15 июля 2014 г.». Официальный сайт НБР. NDB | New Development Bank.

⁷ IBRD subscriptions and voting power of member countries, 2022.

нальных проектов развития. Первоначально Пул банка сформировался из распределенного капитала в размере 50 млрд долл., в том числе оплаченный капитал составлял 10 млрд долл. и капитал, оплачиваемый по требованию — 40 млрд долл.

При создании банка оплаченный капитал составил 10 млрд долл. На указанную сумму было выпущено 1 млн акций номинальной стоимостью 100 тыс. долл. каждая. Акции пропорционально были распределены среди стран — учредителей НБР⁸.

Согласно соглашению о создании НБР, все члены Организации Объединенных Наций могут быть участниками банка. Учредители предусмотрели возможность членства для большего числа стран, чтобы расширить сферу деятельности и обеспечить банк дополнительной капитализацией.

Для придания развитию банка большей динамики и повышения его интернационализации к его деятельности привлекаются страны, которые готовы строить новый миропорядок и новую мировую финансовую инфраструктуру без доминирования США и мировой банковской элиты.

Согласно решению Постоянного комитета банка от 2 сентября 2021 г., в состав его акционеров были приняты еще три страны: Бангладеш, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Уругвай, что привело к увеличению акционерного капитала НБР и его перераспределению среди стран.

За счет вноса новых стран оплаченный капитал банка увеличился на 1 млрд 498 млн долл. и по состоянию на конец 2021 г. составил 51 млрд 498 млн долл.

В частности, Бангладеш внесла 942 млн долл. и ее доля в акционерном капитале НБР составила 1,08%, Объединенные Арабские Эмираты внесли 556 млн долл., их доля составила 1,08%.

Соответственно, доля каждой страны из числа первых учредителей банка — Бразилии, Индии, Китая, России, ЮАР сократилась до 19,42%⁹.

В декабре 2021 г. было объявлено о присоединении Египта к деятельности банка. В долгосрочной перспективе расширение стран — членов НБР будет происходить за счет новых членов БРИКС. Официальные заявки на полноценное участие в БРИКС на Саммите 27 июня 2022 г. подали Аргентина, Иран и Алжир.

Для принятия решения об официальном расширении БРИКС страны «пятерки» согласовали критерии и принципы рассмотрения новых обращений стран.

На Саммите стран БРИКС в 2023 г. было принято решение принять в организацию еще 6 стран: Аргентину, Египет, Эфиопию, Иран, Саудовскую Аравию и ОАЭ, которые стали полноправными членами объединения с 1 января 2024 г. В научной и публицистической литературе появилась новая аббревиатура БРИКС-10 или БРИКС+.

Однако в конце 2023 г. пришедший к власти в Аргентине проамериканский политик Хавьер Милей под давлением США объявил об отказе страны присоединиться к БРИКС.

В настоящее время интерес к организации проявляют более 40 стран мира, из них 23 страны подали официальные заявки. В том числе Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Гондурас, Индонезия, Казахстан, Куба, Кувейт, Малайзия, Марокко, Нигерия, Палестина, Сенегал,

⁸ NDB | New Development Bank

⁹ NDB | New Development Bank

Таиланд, Узбекистан, Уругвай, Фиджи и др.

В середине 2024 г. официальные заявки на вступление в БРИКС подали Таиланд и Малайзия.

Вместе с тем, в июне 2024 г. на встрече министров иностранных дел стран БРИКС большинством голосов было принято решение временно приостановить принятие новых членов в организацию.

Об этом решении сообщил министр иностранных дел России Сергей Лавров. При этом он добавил, что в разработке находится документ, который определит категории стран-партнеров БРИКС и определенные стадии, которые странам-кандидатам придется пройти перед полным вступлением в БРИКС.

Этот документ планируется обсудить и принять на предстоящем саммите БРИКС в Казани в октябре 2024 г.

Заемные финансовые средства НБР. Кроме собственных средств НБР для финансирования проектов развития, банк активно использует заемные средства.

Фактически сразу после объявления о создании банка в июле 2016 г. НБР вышел на мировой рынок капитала, успешно разместив 18 июля 2016 г. на межбанковском рынке КНР дебютный пятилетний выпуск «зеленых» облигаций объемом 3 млрд юаней по номинальной ставке 3,07%.

Привлеченные средства были направлены на поддержку экологических инициатив стран — участниц объединения. НБР предоставил кредит Китаю на финансирование трех проектов, связанных с «зеленой» энергетикой, и поддержал российскую инициативу «Чистые реки БРИКС».

НБР оказался первым финансовым институтом развития, который выпустил «зеленые» облигации на межбанковском рынке Китая.

Позднее для финансирования «зеленых» проектов банк выпустил облигации, номинированные в рупиях, рублях и южноафриканских рэндах.

Банк развития БРИКС имеет уникальный потенциал для развития рынка экологических инвестиций, что также может быть фактором усиления роли стран союза на международной арене, в том числе в глобальной финансовой системе.

В течение 2017—2021 гг. НБР практически каждый год размещал свои облигации на мировом рынке капитала. В частности, в 2021 г. было размещено пять выпусков корпоративных облигаций, номинированных как в юанях, так и в долларах США.

В юанях было два выпуска таких ценных бумаг. НБР разместил 24 марта 2021 г. на китайском межбанковском рынке 3-летние облигации на общую сумму в 5 млрд юаней, и 16 сентября 2021 г. банк выпустил 5-летние облигации на общую сумму в 2 млрд юаней.

В американской валюте было три выпуска, в том числе:

- 20 апреля 2021 г. 5-летние облигации на общую сумму в 1,5 млрд долл.;
- 15 июля 2021 г. 3-летние облигации на 2,25 млрд долл.;
- 1 декабря 2021 г. 3-летние облигации с плавающей процентной ставкой на 500 млн долл.

Таким образом, НБР в 2021 г. удалось осуществить заимствования и привлечь с мирового рынка капитала 4,25 млрд долл. и с межбанковского рынка Китая — 7 млрд юаней. Привлеченные финансовые ресурсы были направлены на финансирование проектов развития в странах БРИКС.

Еще одним источником финансирования для НРБ стали международные банки развития, в том числе Азиатский банк развития (АБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Африканский банк развития (АБР), Европейский банк развития (ЕБРР), Межамериканский банк развития (МБР), Международный инвестиционный банк (МИБ), группа МБРР, которые участвуют в софинансировании проектов.

Основные приоритеты кредитно-инвестиционной деятельности НБР. Кредитно-инвестиционная деятельность НБР осуществляется в соответствии с принципами, отраженными в Соглашении о создании банка и Стратегии его развития. Первая стратегия была разработана и утверждена Советом управляющих НБР в апреле 2016 г. и была рассчитана на период 2017—2021 гг.

В соответствии с указанным документом приоритетным направлением деятельности банка было провозглашено финансирование проектов в области «устойчивой инфраструктуры» (sustainable infrastructure), на которые должно приходиться около 2/3 кредитного портфеля банка. Инвестиции в инфраструктурные проекты поддерживаются банком как приоритетные ввиду их высокой капиталоемкости и длительных сроков окупаемости.

Как известно, инфраструктурный капитал страны включается в агрегированную производственную функцию и обеспечивает повышение производительности трудовых ресурсов и основного капитала.

Реализация инфраструктурных проектов ведет к росту деловой активности, повышает мобильность факторов производства, расширяет связи периферийных территорий с центрами производства и концентрации материальных ресурсов, что, в свою очередь, влияет на темпы экономического роста. Следуя этим аргументам, эксперты НБР рекомендуют финансировать связующую инфраструктуру как ключевой фактор экономического роста территорий, обеспечивающий повышение плотности населения, сокращение расстояний и преодоление территориальных различий.

Однако способность инфраструктурных проектов к стимулированию территориального экономического роста должна дополняться другими факторами роста, такими как интеллектуальный и финансовый капиталы, производственная и предпринимательская активности, конкурентоспособный малый и средний бизнесы.

Первая стратегия банка также предусматривала среди приоритетных такие секторы экономики, как транспортную и телекоммуникационную инфраструктуру, «зеленую» энергетику и энергоэффективность, ЖКХ и развитие городов.

Таким образом, первоначально приоритетами стали проекты, оказывающие положительное влияние на экологию и окружающую среду.

Кроме того, особое внимание уделялось проектам, содействующим развитию торгово-экономических связей между странами БРИКС.

В соответствии со стратегией банк вправе предоставлять широкий набор финансовых инструментов для реализации инфраструктурных проектов в странах-членах, в том числе путем предоставления займов, гарантий, участия в капитале и использования других финансовых инструментов.

Финансово-кредитные операции НБР были разделены на три категории:

- суверенные операции (суверенные займы или кредиты под суверенные гарантии);

- финансирование через национальные, региональные, субрегиональные и международные финансовые институты развития;
- несuverенные операции.

Первоначально НБР преимущественно предоставлял суверенные займы, а также займы под суверенные гарантии в долларах США со средним сроком погашения до 19 лет.

К несuverенным операциям относили финансирование государственных и частных компаний, кредиты под гарантии региональных субъектов, а также вложения в капитал (equity investments).

Стратегия НБР на период 2017—2021 гг. предусматривала распределение между суверенными и несuverенными операциями в пропорции 70:30. На начальном этапе своей работы банк предоставлял финансирование для проектов частично в валютах стран-участниц, поскольку это давало возможность сократить риски, связанные с колебаниями курсов валют.

Динамика роста кредитного портфеля банка в 2016—2024 гг. В первый год своей деятельности в 2016 г. совет директоров НБР одобрил в общей сложности 7 проектов, предусматривающих предоставление финансирования на сумму более 1,5 млрд долл.

До конца 2016 г. было утверждено пять кредитов общей стоимостью в 911 млн долл., по одному на каждую страну. Самый крупный кредит в размере 300 млн долл. НБР предоставил Бразильскому банку развития (BNDES). Это финансирование использовалось для поддержки проектов в сфере возобновляемой энергии и строительства линий электропередач, а также для реализации субпроектов в области солнечной, ветровой, гидроэнергетики и в других областях, которые после реализации обеспечили ввод новых мощностей объемом 600 МВт.

Южной Африке НБР предоставил кредит в размере 180 млн долл., который был направлен крупнейшей генерирующей корпорации Eskom Holdings SOC Ltd. для развития электросетевой инфраструктуры в области возобновляемых источников энергии.

Эта компания построила линии электропередач для передачи в сеть 670 МВт электроэнергии из возобновляемых источников энергии, а также построила дополнительные мощности по выработке 500 МВт независимыми производителями электроэнергии.

Для России был одобрен кредит на 100 млн долл. на строительство двух малых гидроэлектростанций в Карелии «Белопорожской ГЭС-1» и «Белопорожской ГЭС-2». В софинансировании проекта участвовали многосторонние банки развития — Европейский банк развития (ЕБРР) и Международный инвестиционный банк (МИБ).

Проект реализовала российская компания «Норд Гидро». Общая мощность двух Белопорожских ГЭС составила 49,8 МВт. Проект обеспечил около 400 рабочих мест на этапе строительства и 30 высококвалифицированных рабочих мест — на этапе эксплуатации.

В Китае НБР предоставил финансирование в размере 81 млн долл. в местной валюте китайской компании Shanghai Lingang Hongbo New Energy Development Co. на реализацию проекта в сфере распределяемой солнечной энергии в промышленной зоне Линьянь, общей мощностью 100 МВт. Индии банк предоставил суверенную гарантию в размере 250 млн долл. для Canara Bank, который использовал этот

финансовый инструмент для кредитования проектов в сфере развития солнечной и ветровой энергии, гидроэнергии общей мощностью 500 МВт.

В 2017 г. НБР увеличил кредитование проектов почти в три раза и одобрил финансирование проектов на общую сумму в 3 млрд долл. Проекты были пропорционально распределены между странами-членами. В частности, НБР одобрил финансирование в размере 790 млн долл. для трех проектов в Южной Африке. Больше половины из утвержденного финансирования 480 млн долл. было предоставлено угольной электростанции Медупи для закупки современного оборудования и совершенствования системы управления.

Другая часть кредита предназначалась для снижения долговой нагрузки крупнейшей энергогенерирующей компании Eskom Holdings SOC Ltd. и компенсации затрат по установлению современного сетевого оборудования.

В августе 2017 г. совет директоров НБР одобрил предоставление России второго кредита в размере 460 млн долл. на модернизацию и внедрение информационных технологий в рамках реализации Федеральной целевой программы развития судебной системы.

В 2018 г. НБР начал предоставлять прямое финансирование частным и государственным компаниям стран БРИКС, в марте 2020 г. Совет управляющих НБР принял решение о создании специального механизма финансирования объемом 10 млрд долл., предназначенного для оказания поддержки стран-участниц в борьбе с пандемией новой коронавирусной инфекции и реализации мер по поддержке экономики.

Речь шла о предоставлении экстренных кредитов на нужды здравоохранения и выполнение социальных обязательств, а также финансирование государственных программ по восстановлению экономики.

Всего в 2020 г. совет директоров банка одобрил 19 новых проектов на общую сумму 12,6 млрд долл., из них шесть проектов — в России на сумму 1,8 млрд долл.

В течение 2021 г. для всех пяти стран — членов банка были одобрены «коронавирусные кредиты» из «Фонда чрезвычайной помощи», финансирующего программы, связанные с COVID-пандемией. В том числе в марте кредит в размере 7 млрд юаней получил Китай, 1 млрд долл. — Россия; в апреле кредит в размере 1 млрд долл. был выдан ЮАР. Всего НБР предоставил более 9 млрд долл. на борьбу с коронавирусной инфекцией и финансирование государственных программ стран БРИКС по восстановлению экономики. Оперативная деятельность банка по борьбе с пандемией коронавирусной инфекции обеспечила поддержку экономики всех пяти стран в наиболее острую фазу пандемии.

При этом сохраняется достаточно высокая эффективность инвестиционной деятельности банка в условиях глобальных вызовов. Несмотря на некоторое сокращение за первые 9 месяцев 2021 г., прибыль НБР составила 96 млн долл., что было на 24% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

В течение 2021 г. прошло четыре заседания Совета директоров НБР, на которых были утверждены следующие займы и кредиты:

- кредит России в размере 300 млн долл. на финансирование проекта расширения сети сотовой связи и облачных сервисов компании МТС (21 января 29-е заседание);

- займ Китаю в размере 436 млрд евро на реализацию проекта в сфере СПГ (29 марта 30-е заседание);
- займ в размере 153 млн долл. бразильскому штату Пара на реализацию транспортного проекта (29 марта 30-е заседание);
- кредит Китаю в размере 340 млн евро на проект по развитию сети дорог в провинции Аньхой (29 июня 31-е заседание);
- реструктуризация займа в размере 500 млн долл. со сменой заемщика для бразильского Fundo Clima на поддержку смягчения последствий глобального изменения климата и адаптации к нему (29 июня 31-е заседание);
- кредит Бразилии в размере 40 млн долл. на реализацию проекта по городскому развитию в муниципалитете Сорокаба (29 июня 31-е заседание);
- займ в размере 300 млн долл. для ОАО «Российская корпорация жилищного строительства и городского развития» (ДОМ.РФ) для финансирования строительства доступного жилья в России (23 сентября 32-е заседание);
- кредит Китаю в размере 3,237 млн юаней на строительство Шестой линии метро в городе Циндао (15 декабря 33-е заседание).

Таким образом, на конец декабря 2021 г. в кредитном портфеле НБР в общей сложности было 80 одобренных проектов на общую сумму более 29,5 млрд долл.

В конце 2023 г. НБР одобрил три новых кредита для Индии и Китая на общую сумму около 1,2 млрд долл. Два проекта для Индии касаются развития дорожной инфраструктуры в сельской местности, в частности 500 млн долл. пошло на улучшение дорожного сообщения в штате Гуджарат и 638 млн долл. на те же цели получит индийский штат Бихар.

Третий кредит на сумму 50 млн долл. был реализован китайским Банком Ханчжоу для финансирования проектов в сфере чистой энергетики, водоснабжения, транспорта, логистики. В результате на начало 2024 г. кредитный портфель увеличился до 100 проектов на общую сумму свыше 33 млрд долл.

Высокая динамика, с которой развивается банк, наглядно демонстрирует потенциал консолидации усилий стран-участниц для расширения сфер деятельности банка.

Стратегия развития Нового банка развития (НБР) на период 2022—2026 гг. В конце 2021 г. совет управляющих банка на своем 33-м заседании, где впервые присутствовали новые страны-члены — Бангладеш и Объединенные Арабские Эмираты, рассмотрел новую, довольно амбициозную Стратегию развития Нового банка развития (НБР) на период 2022—2026 гг. На VII ежегодном заседании Совета управляющих банка в мае 2022 г. стратегия была утверждена.

На ближайшие пять лет поставлена стратегическая задача становления НБР в качестве полноценной практической платформы по финансированию инфраструктурных проектов на территории стран-акционеров и расширению экономического и финансового сотрудничества между ними.

Новая стратегия должна обеспечить устойчивое инклюзивное развитие стран БРИКС, сохранение высокой финансовой устойчивости банка в ситуации экономической нестабильности и внедрение в практику деятельности банка принципов ответственного финансирования.

Особое внимание в ближайшие пять лет будет уделено вопросам развития человеческого капитала и созданию современной социальной инфраструктуры.

В обозримом будущем ожидается консолидация усилий по продвижению «зелёных» инициатив и приоритетности экологии в рамках многостороннего сотрудничества.

В рамках ответов на глобальные вызовы банка к приоритетам финансирования относятся проекты в сфере продовольственной и энергетической безопасности, изменения климата, а также здравоохранения. Планируется наращивать торговлю и финансирование в национальных валютах, что снижает зависимость от доллара США и других международных расчетных валют.

Координация усилий на данном направлении способствует повышению международного статуса национальных валют государств — членов НБР, позволяет избежать валютных рисков и значительно облегчает взаимную торговлю стран БРИКС.

Согласно Стратегии на период 2022—2026 гг., кредитный портфель Нового банка развития должен увеличиться почти в два раза и достигнуть 60 млрд долл.

Глобальная миссия НБР — повышение доверия к банку как к современному финансовому институту развития, обеспечивающему финансирование современных секторов и отраслей экономики стран БРИКС.

Общая стратегия Банка на 2022—2026 гг. готовит его к новым вызовам, включая присоединение новых членов и наращивание потенциала мобилизации ресурсов, которое должно обеспечиваться все более позитивным восприятием со стороны финансовых рынков (что подтверждается рейтинговыми агентствами).

Говоря о перспективах развития НБР на среднесрочную и долгосрочную перспективы, целесообразно скорректировать долгосрочную стратегию банка и определить его глобальную миссию как первого международного финансового института, призванного начать формирование новой мировой валютной системы.

Создание единой расчетной валюты и международной резервной валюты в рамках БРИКС. По мере наращивания финансового потенциала банка все более остро ощущается необходимость в расширении сфер его деятельности и обсуждение более широкой повестки, в том числе в сфере мировых финансов.

В перспективе наиболее важной глобальной миссией НБР должно стать его участие в создании основ новой альтернативной финансовой системы, со своей международной резервной валютой, не зависящей от США и контролируемых ими международных финансовых институтов. Для достижения этой цели на первом этапе было бы целесообразно перевести внутренние расчеты в НБР на единую расчетную валюту — «брикс».

В свое время известный английский экономист Джон Мейнард Кейнс предлагал построить новую мировую валютную систему, основанную не на долларе США, а на мировой расчетной валюте, которую предлагал назвать «банкор» (франц. *banque + or* — «банковский золотой»). Великий английский экономист считал, что «банкор» первоначально сможет заменить национальные валюты в международных торговых и финансовых расчетах, а впоследствии превратится в мировую резервную валюту¹⁰.

Д. Кейнс попытался формализовать свои идеи, изложив их в качестве официального документа, внесенного на конференцию от имени правительства Великобритании, однако этого не произошло, поскольку эта схема новой мировой финансовой архитектуры полностью противоречила стратегическим планам США. Денежные власти США рассматривали Бреттон-Вудскую валютную

систему и созданные в ее рамках Мировой банк и Международный валютный фонд исключительно как важные инструменты продвижения и закрепления американской валюты в качестве основной резервной валюты для большинства стран мира и в конечном итоге превращения доллара в мировую валюту, что по факту и произошло в послевоенный период.

В итоге право печатать доллар было предоставлено независимому государственному агентству, фактически частной акционерной компании — Федеральной резервной системе (ФРС).

Америка получила преимущества перед другими странами мира, поскольку ФРС США как единый эмиссионный центр мировой валюты имела неограниченные возможности по выпуску своей валюты, что привело к ее доминированию в мировой финансовой системе и глобальной экономике. После демонтажа в 1972 г. Бреттон-Вудской валютной системы, основанной на золотом стандарте и фиксированных валютных курсах, доллар США, уже не обеспеченный золотом, остался основной резервной валютой и, по сути, выполняет роль мировых денег. Золото стало особым инвестиционным товаром. Цены на золото стали стремительно расти, особенно в периоды экономических кризисов.

Однако предложения Д. Кейнса не пропали даром и позднее были фактически реализованы в деятельности Международного валютного фонда в форме разработки и выпуска так называемых Специальных прав заимствования (СДР). Это платежное средство было создано МВФ в 1969 г. как дополнение к существующим резервным активам стран-членов. СДР не является валютой — это международные резервные и платежные средства, предназначенные для регулирования сальдо платежных балансов, пополнения официальных резервов и расчетов по кредитам с МВФ и соизмерения стоимости национальных валют.

Известно, что уставной капитал МВФ формируется за счет взносов стран-членов; согласно уставу фонда, 25% выделенной квоты страны-участницы могут оплачивать в СДР или в свободно конвертируемой валюте, а 75% — в своих национальных валютах. В настоящее время СДР, помимо расчетов между МВФ и странами-участницами, используются в расчетной функции четырнадцатью официальными международными финансовыми организациями, так называемыми сторонними держателями СДР.

Ряд международных организаций используют СДР в качестве суррогатных денег, устанавливая в СДР стоимость различных услуг и тарифов, в том числе в финансовой сфере, в международной перевозке грузов, предоставлении других видов услуг.

---

¹⁰ «Банкор» должен был иметь золотодевизный стандарт. Курсы всех валют стран — членов Бреттон-Вудской системы выражались бы в «банкорах» и были привязаны к золоту. При этом золото можно было свободно обменивать на «банкоры», однако «банкоры» обратно обменять на золото нельзя. Кроме того, Д. Кейнс предлагал создать мировую клиринговую систему, так называемый Международный расчетный союз (International Clearing Union), основной функцией которого было бы регулирование дефицитов платежных балансов, задолженностей центральных банков. Основной функцией этой финансовой организации должно было стать отслеживание международных потоков капиталов, финансовых активов и обязательств, которые должны были осуществляться через Международный клиринговый союз. План Д. Кейнса предполагал автоматическое формирование кредитных линий для стран, испытывающих дефицит платежных балансов. Фактически Международный расчетный союз должен был стать Мировым центральным банком [6].

Стоимость СДР исчисляется на основе средневзвешенной стоимости пяти валют: доллара США (41,73%); евро (30,93%); китайского юаня (10,92% с 2016 г.); японской иены (8,33%); английского фунта стерлингов (8,09%). СДР служат единицей расчетов в МВФ. Из национальных валют стран БРИКС в эту корзину входит только китайский юань.

Такие же функции и принципы формирования стоимости СДР можно применить для создания и эмиссии расчетной единицы «брикс» на базе корзины национальных валют стран БРИКС.

В частности, доля китайского юаня, российского рубля, индийской рупии, бразильского реала и южноафриканского рэнда могла бы составлять 19,4%, доля новых членов (Бангладеш, Объединенных Арабских Эмиратов) — 1,08%. По мере принятия новых членов и изменения в распределения акционерного капитала это соотношение может меняться.

Новая резервная валюта «брикс» могла бы базироваться на золотодевизном стандарте, поскольку суммарные запасы монетарного золота стран БРИКС на начало 2024 г. составляли 5587 т. Это больше запасов золота в МВФ (2814 т), Европейского центрального банка (505 т) и составляло 69% от золотых запасов США (8133 т.).

По мере приема новых членов в НБР эти запасы могут сравняться с золотыми резервами США и стать самыми крупными в мире¹¹.

Однако физическое ограничение количества золота в мире, гипертрофированный рост цен на этот драгоценный металл в последние годы и ряд других причин, в том числе политическая конфронтация между ведущими промышленно развитыми странами, привели к тому, что возвращение к такому обеспечению новой резервной валюты потребует дополнительной, более тщательной проработки.

В качестве инструментов обеспечения валюты «брикс» могут рассматриваться и другие драгоценные металлы, помимо золота: платина, палладий, серебро, а также запасы таких высоколиквидных полезных ископаемых, как нефть, газ, уран и др.¹² Можно рассмотреть и другие варианты возможного обеспечения стабильности новой международной валюты.

В дальнейшем целесообразно формировать вторичный рынок «брикс», который позволит другим странам мира использовать ее в качестве резервной валюты в своих золотовалютных резервах.

«Брикс» также может выпускаться в электронном виде на базе технологии блокчейн и национальных цифровых валют (вариант, активно разрабатываемый почти во всех странах БРИКС). Первоначально эта валюта может эмитироваться Центральными банками БРИКС в форме цифровых валют, к практическому использованию которых уже приступили основные страны-участницы — Китай, Россия и Индия. В настоящее время специалистами идет разработка многосторонней цифровой расчетно-платежной платформы центральных банков БРИКС — BRICS Bridge. Ожидается, что официально основные принципы и параметры функционирования платформы будут представлены на 16-м саммите БРИКС в октябре 2024 г.

¹¹ Золотой запас России — 2333 т, Китая — 2192 т, Индии — 807 т, Бразилии — 130 т, ЮАР — 125 т (данные на декабрь 2023 г.). Золотой запас стран мира — 2024 (global-finances.ru)

¹² Андрианов В.Д. Мировая финансовая архитектура: возможные направления структурной трансформации // Общество и экономика. 2021. № 9.

Для технического обеспечения работы этой платформы под эгидой Международного научно-исследовательского института проблем управления (МНИИПУ)¹³ разрабатывается децентрализованная банковская экосистема «Юнит» с собственной расчетно-платежной единицей «BRICS UNIT», которая позволит решить проблему трансграничных платежей стран БРИКС в условиях западных санкций.

Россия предложила странам БРИКС новый финансовый расчетный инструмент, который не будет подвержен санкциям США и контролируемых ими мировых финансовых институтов.

Для реализации проекта предлагается использовать технологию распределенного реестра. Финансовая экосистема будет представлять собой фрактально организованные узлы (точки доступа), объединенные блокчейн-платформой, которая позволит обеспечить прозрачность операций и исключит внешний контроль проведения финансовых транзакций, над движением капитала и манипулирование обменным курсом.

Это означает, что соединение в рамках платформы будет доступно для всех открытых децентрализованных бирж (DEX) и цифровых платформ, которые используют коммерческие банки и Центральные банки по всему миру.

В результате, страны БРИКС фактически смогут использовать «BRICS UNIT» для проведения международных расчетов во внешнеэкономической сфере, валютных платежей, накопление капитала, осуществления трансграничных инвестиций, ведения ценообразования и бухгалтерского учета и др.

При этом, согласно разрабатываемую кодексу функционирования в экосистеме каждый авторизованный узел экосистемы сможет эмитировать расчетно-платежные единицы.

«BRICS UNIT» будет расчетной единицей, принятой на доверии между странами участниками. Планируется привязать новую расчетную единицу на 40% к стоимости золота и на 60% - первоначально к корзине валют стран БРИКС, а позднее к корзине валют БРИКС +, что обеспечит его стабильность, менее подверженным флуктуациям.

Таким образом, в случае одобрения «BRICS UNIT» можно будет использовать для расчетов внутри БРИКС+ для проведения взаимных платежей и использовать в процессе ценообразования в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), в качестве резервной валюты для стран Африки к югу от Сахары и др.

Новая финансовая расчетная система предлагает уникальное решение, позволяющее обойти узкие места в глобальной финансовой инфраструктуре, при этом она будет совместима с традиционными банковскими операциями и с современными новейшими формами финтех и цифрового банкинга.

Этот проект получил поддержку Делового совета стран БРИКС и включен в повестку дня саммита БРИКС в Казани в октябре 2024 г. Реализация проекта может начаться уже в 2025 г.

Для развития этой сферы в России формируется правовая база. В частности, в конце 2023 г. Госдума РФ приняла в третьем чтении проект закона, который

---

¹³ International Research Institute for Advanced Systems (IRIAS) был создан в 1976 г. странами социалистического блока, включая Венгрию, Болгарию, Кубу, Польшу, Советский Союз и Чехословакию

позволяет участникам внешнеэкономической деятельности использовать цифровые финансовые активы (ЦФА) в международных расчетах, что в определенной степени сможет решить проблему санкционного давления на Россию.

Реализация указанных планов позволит осуществлять расчеты в новой валюте «брикс», минуя расчетную систему SWIFT, контролируемую американскими финансовыми властями, и может стать основой построения новой, не зависимой от США мировой расчетной валютной системы.

В условиях распространения экономических санкций странам БРИКС необходимы надежные альтернативные механизмы осуществления международных финансовых расчетов. В частности, такой системой может стать «Система передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России» — практически аналог монопольной американской системы SWIFT. По состоянию на начало 2024 г. к российской системе передачи финансовых сообщений было подключено 557 банков и компаний, из них 159 нерезидентов из 20 стран мира, в том числе стран — членов БРИКС¹⁴. В этой связи необходима более тесная интеграция в рамках НБР национальных платежных систем, в том числе китайской «ЮНИОН ПЭЙ», российской «МИР» и др.

На первоначальном этапе одним из механизмов взаимных расчетов может стать совместный международный фонд ликвидности стран БРИКС — современная цифровая расчетно-клиринговая платформа на базе технологий блокчейн, использующая корзину валют стран БРИКС и расчетную единицу «брикс». Опыт использования альтернативных платежно-расчетных единиц у России и других стран есть. В частности, Советский Союз в торгово-экономических отношениях со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) во взаимных расчетах использовал коллективную валюту — переводной рубль. Страны СЭВ использовали переводной рубль как международную денежную единицу. Это валюта не имела традиционных форм банкнот и казначейских билетов. Коллективная валюта с 1 января 1964 г. использовалась только для безналичных расчетов между странами в виде записей на специальных счетах Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС) и Международного инвестиционного банка (МИБ)¹⁵.

Страны Европейского союза до введения евро также использовали совместную расчетную единицу — Европейскую валютную единицу (European Currency Unit — ЭКЮ), которая формировалась как корзина национальных валют стран, входящих тогда в ЕС. Несмотря на то, что ЭКЮ было введено только в безналичный расчет, оно имело основные характеристики настоящей валюты.

В частности, ЭКЮ являлось средством расчетов в операциях между центральными банками стран — членов ЕС. Будучи резервным стоимостным активом,

¹⁴ РИА Новости, Москва, 16 января 2024 г.

¹⁵ Переводной рубль имел все критерии классических денег, в том числе был мерой стоимости, средством платежа и накопления для организации многосторонних расчетов стран — членов СЭВ. Переводной рубль имел официальное золотое содержание в 0,987412 г чистого золота, но на золото не обменивался и в валюты капиталистических стран не конвертировался. Переводной рубль по специальному курсу мог обмениваться на валюты стран — членов СЭВ. В 1980 г. к 25-летию МБЭС была выпущена памятная монета-сувенир — «переводной рубль». Операции в переводных рублях были прекращены в 1987 г.

ЭКЮ выпускалось под обеспечение валютных резервов стран — членов ЕС. За хранение ЭКЮ на счетах в коммерческих банках начислялись проценты. Для частного сектора в некоторых европейских странах ЭКЮ выпускались в виде монет, в ЭКЮ выпускались государственные облигации и в них же предоставлялись государственные займы.

ЭКЮ просуществовало почти десять лет, с 1979 по 1998 г. и было заменено на евро 1 января 1999 г. по курсу 1:1.

Совершенно очевидно, что такой же механизм создания и функционирования клиринговой платформы на базе расчетной валюты стран БРИКС может быть реализован уже в ближайшем будущем. Официальные лица стран БРИКС в целом поддерживают идею создания единой расчетной валюты. По заявлению заместителя МИДа России Сергея Рябкова, «есть сторонники, и их немало, продвижения к, в полном смысле слова, единой валюте БРИКС — т.е. единому платежному средству для всех государств ... но это не то, что достижимо в ближайшей перспективе».

Рябков отметил, что министерства финансов и центральные банки стран БРИКС по поручению лидеров стран должны к следующему саммиту БРИКС в Казани в 2024 г. «провести необходимую аналитическую работу, обобщить подходы, выработать рекомендации и представить сводные соображения на этот счет на рассмотрение лидеров».

Вариант дизайна возможной новой валюты уже приобретает практическую форму. В частности, посол России в ЮАР продемонстрировал проект купюры номиналом 100 «брикс» во время саммита БРИКС в этой стране в 2023 г.

* * *

Таким образом, кардинальное изменение существующей мировой финансовой архитектуры необходимо начать с создания новой валютной системы, очевидно, что формирование такой системы представляет собой весьма сложный и длительный процесс, который будет сопровождаться активным противодействием со стороны американского «глубинного государства» и международных финансовых институтов, контролируемых США.

Новая валютная система должна строиться не на долларовом стандарте и резервных валютах стран—сателлитов США, а на более широкой корзине национальных валют.

Прежде всего это национальные валюты стран БРИКС — китайский юань, российский рубль, индийская руппия, бразильский реал и южноафриканский рэнд, а также валюты стран, присоединившихся к БРИКС с 1 января 2024 г. — Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ.

Непосредственное участие в разработке принципов построения новой мировой валютной системы должны принимать государства БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, мусульманские страны арабского мира и страны, желающие освободиться от американской гегемонии и диктата в финансовой сфере.

Основными составными институциональными финансовыми элементами новой альтернативной валютной системы на первом этапе могут стать уже существующие международные финансовые институты развития, такие как Новый

банк развития БРИКС (НБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Исламский банк развития (ИБР) и другие не зависящие от США финансовые институты стран — участниц новой валютной системы.

По своему международному статусу и финансовым возможностям наибольшие перспективы имеет Новый банк развития БРИКС (НБР).

Для достижения этой цели на первом этапе было бы целесообразно перевести внутренние расчеты в НБР на единую расчетную валюту.

Первоначально «брикс» может выпускаться в электронном виде на базе технологии блокчейн и национальных цифровых валют, которые активно разрабатываются почти во всех странах БРИКС. Эта валюта может эмитироваться центральными банками БРИКС в форме цифровых валют, к практическому использованию которых уже приступили основные страны-участницы — Китай, Россия и Индия.

Как альтернативу или как дополнительный элемент в рамках БРИКС можно рассматривать возможность создания нового международного финансового института, не подконтрольного финансовой олигархии США, с основными функциями глобального финансового регулятора, с акцентом на валютное регулирование и регулирование движения капитала в глобальной экономике.

Такая организация может быть создана странами БРИКС и их сторонниками по аналогии с Международным валютным фондом (МВФ), Всемирной торговой организацией (ВТО) и на базе уже существующих международно-правовых соглашений в финансовой, инвестиционной и торговой сфере или при необходимости заключения новых.

Формирование новой альтернативной валютной системы может стать финансовой основой для замены старого мирового порядка, основанного на так называемых правилах, придуманных и продвигаемых глубинным государством США.

Речь идет о качественном изменении сущности самого принципа построения и развития глобальной экономики и построения нового мирового сообщества.

Новое международное сообщество будет основано не на конфронтации и войнах, а на здравом смысле сотрудничества и созидания, на построении основ новой мировой цивилизации, которая позволит экономике развиваться в инновационном и креативном направлении на благо всего человечества и отдельных стран и народов.

Литература

1. Андрианов В.Д. Новый банк развития и усиление роли стран БРИКС в мировой финансовой системе, в сборнике Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС, М.: ИНИОН, РАН, 2023. 525 с.
2. Андрианов В.Д. Мировая финансовая архитектура: возможные направления структурной трансформации // Общество и экономика. 2021. № 9.
3. Андрианов В.Д. Новая архитектура глобальной финансовой и экономической системы. Проблемы теории и практики управления. 2011. № 9. С. 8—15.
4. Арман ван Дормаэль. Бреттон-Вудс. Рождение Денежной системы. Лондон. 1978.
5. Далдеган В., Борба В. Концепция развития БРИКС: Анализ проектов, финансируемых НБР // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 4 (на русском и английском языках).
6. Бенн Стайл. Битва при Бреттон-Вудсе: Джон Мейнард Кейнс, Гарри Декстер Уайт и создание нового мирового порядка. Принстон: Издательство Принстонского университета. 2013. С. 143.
7. Джон Мейнард Кейнс. Собрание сочинений. Т. XXV: Деятельность, 1940—1944: Форми-

- рование послевоенного мира: Клиринговый союз. Бейсингсток, 1980.
8. Золотой запас стран мира — 2024 (global-finances.ru).
  9. *Лавров С.* БРИКС — глобальный форум нового поколения. www.brics.mid.ru
  10. Мир в 2030 году: прогноз американских экспертов (о докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры») / Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (38). М.: МГИМО—Университет. 2013. С. 29.
  11. *Наркевич С.С., Трунин П.В.* Резервные валюты: факторы становления и роль в мировой экономике. М.: Издательство Института Гайдара. 2012. 136 с.
  12. *Кудряшова И.* Китайский юань как мировая валюта: императивы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 36—44.
  13. *Петров М.В.* Мировая финансовая система: долгий путь к многополярности // Международные финансы (Financial Journal). 2018. № 2. С. 47—58.
  14. *Поливач А.П.* Годовщина включения юаня в корзину СДР: первые результаты // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 113—116.
  15. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 10 мая 2006 г., Москва, Кремль, архивная копия.
  16. «Соглашение о Новом банке развития, Форталеза, 15 июля 2014 г.» Официальный сайт НБР. NDB | New Development Bank
  17. Финансовые институты развития: особенности стратегического управления / Под ред. В.Д. Андрианова. М.: Экономика. 2013. 278 с.
  18. IBRD subscriptions and voting power of member countries, 2022.
  19. NDB | New Development Bank
  20. South China Morning Post, 2 January, 2023.
  21. Strategy of BRICS Economic Partnership. 7th Summit of BRICS, Ufa City. Russian Federation. July 9, 2015.
  22. The Economist, October, 2022.

Vladimir Andrianov (e-mail: andrianov_vd@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University,

Honored Economist of Russia (Moscow, Russian Federation)

THE NEW WORLD MONETARY SYSTEM — PREREQUISITES FOR CREATION AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

The article examines the main directions of creating a new global monetary system as the basis for the formation of an alternative global financial architecture. The strengthening of the role of the BRICS countries in the global financial and monetary system is shown. The main financial indicators of the New Development Bank (NDB) are analyzed, including the history of its creation, share capital, loan portfolio, borrowed funds from the global capital market. The prospects for the development of the NTB and its ability to participate in the formation of a new global financial and monetary system independent of the Anglo-Saxon financial elite and international financial institutions controlled by it are assessed. The possibilities of introducing a single Brics unit of account into the NBR are being considered.

Keywords: Global financial architecture, global monetary system, currency zones, payment systems, reserve and digital national currencies, BRICS countries.

DOI: 10.31857/S0207367624050056

© 2024

УДК: 338; 339

Виктор Клавдиенко

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета
Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: viklav8@mail.ru)

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА ИНДИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ДРАЙВЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье исследованы тенденции развития возобновляемой энергетики Индии в контексте современной трансформации глобального энергетического хозяйства. Проанализирована динамика роста установленной мощности в энергетическом секторе страны по видам источников генерации, выявлены устойчивые тенденции изменений в структуре первичного энергопотребления. Определены основные факторы успешного развития ключевых сфер возобновляемой энергетики. Особое внимание уделено анализу новаторских схем и инструментов государственно-частного партнерства в развитии возобновляемой энергетики. Рассмотрены основные правительственные документы, определяющие вектор и темпы трансформации энергетического сектора Индии с учетом глобальной климатической повестки. Сделан вывод, что при неоспоримых успехах в развитии возобновляемой энергетики и благоприятных условиях ее дальнейшего роста, в обозримой перспективе в Индии традиционная энергетика не утратит своего существенного значения из-за той роли, которую она и созданная для нее инфраструктура играют в обеспечении роста экономики, благосостояния населения, устойчивого энергоснабжения и энергетической безопасности страны в условиях нарастающей турбулентности глобального энергетического рынка.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, ископаемое топливо, углеродная нейтральность, мировое энергетическое хозяйство, Индия.

DOI: 10.31857/S0207367624050064

Введение. Развитие экономики и общества во многом зависит от того, насколько обеспечиваются их потребности различными видами энергии, источником которой служат возобновляемые энергоресурсы, органическое и ядерное топлива. Объем потребления энергии в расчете на душу населения служит одним из важных показателей уровня экономического развития и качества жизни населения стран мира, а масштабы и способы энергопроизводства и энергопотребления — индикатором успехов и возможностей стран и их экономических агентов на мировых рынках товаров и услуг, технологий и рабочей силы.

Вместе с тем потребление энергоносителей выступает мощным источником выбросов в атмосферу парниковых газов, в том числе двуокиси углерода (CO_2) — газа, вызывающего наибольший парниковый эффект. Сжигание органического топлива в целях производства электричества и тепла, а также его использование в промышленных процессах генерирует более 2/3 всех антропогенных выбросов этого парникового газа — главного катализатора климатических изменений (глобального потепления). Представление о том, что увеличение выбросов двуокиси углерода в атмосферу является причиной глобального потепления превратилось в XXI в. из научной теории в общепринятый факт, нашедший отражение в документах международных конференций ООН по климату и обязательствах многих

стран мира по сокращению и обнулению таких выбросов к середине текущего столетия или ранее. В ходе 27-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата, состоявшейся в Шарм-эш-Шейхе (2022), более 80 стран поддержали призыв к поэтапному отказу от ископаемого топлива. На 28-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (2023, Дубай) более 130 стран подписали «Глобальное обязательство по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности», предписывающее переход к энергетическим системам, свободным от ископаемого топлива, увеличение втрое установленной мощности возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и удвоение темпов прироста энергоэффективности. Среди подписантов этого документа в том числе такие крупные потребители угля, как США, Австралия, Германия, Польша, Чили. В то же время целый ряд государств, потенциал и тенденции энергетического рынка которых во многом определяют вектор и динамику трансформации глобального энергетического рынка, воздержались от присоединения к декларации (Китай, Индия, Россия, а также Япония, Вьетнам и др.). Решая задачи по достижению углеродной нейтральности, страны используют различные подходы, методы и механизмы трансформации национальных энергетических систем, с учетом имеющихся у них ресурсов и возможностей, экономических и социальных рисков. Опыт каждой страны в решении этих задач представляет интерес для углубленного осмысления и приращения новых знаний в области теории экономического развития, для разработки эффективных практик трансформации энергетического сектора с учетом глобальной климатической повестки. В данной статье рассматривается опыт трансформации энергетического сектора Индии — одного из крупнейших в мире потребителей энергии, импортеров энергетического сырья, эмитентов двуокиси углерода.

Энергопотребление и выбросы двуокиси углерода. Индия является одним из крупнейших в мире потребителей энергетических ресурсов. Годовое потребление первичной энергии в Индии превышает 36 эксаджоулей (6% мирового объема) и уступает только Китаю и США. Прирост потребления энергии в Индии многие годы остается одним из самых высоких в мире, в три раза превышая среднемировой уровень, и обеспечивается главным образом (на 83%) ростом потребления угля. На Индию приходится 15% мирового потребления этого наиболее агрессивного для окружающей среды энергоносителя (больше только в Китае)¹. Огромный, нарастающий объем и сложившаяся структура энергопотребления во многом определяют масштабы выбросов парниковых газов в атмосферу, в том числе диоксида углерода. Сегодня Индия является крупнейшим после Китая и США эмитентом диоксида углерода (CO_2), и главным виновником этих выбросов выступает энергетический сектор, генерируя 51% всего объема выбросов CO_2 Индией². Поэтому сокращение выбросов на единицу потребляемой энергии выступает

¹ Выбросы в атмосферу двуокиси углерода при сжигании топлива прямо пропорциональны содержанию в нем углерода. Различные виды топлива имеют неодинаковое содержание углерода в расчете на единицу полезной энергии. Коэффициент выбросов, рассчитанный в тоннах выбросов CO_2 на тонну нефтяного эквивалента ($\text{CO}_2/\text{тнэ}$) для угля примерно в 1,8 раза превышает уровень соответствующего показателя для природного газа и в 1,4 выше, чем для жидкого топлива.

² Вторая половина выбросов CO_2 поступает от использования ископаемого топлива в промышленных процессах — 28%, сфере транспорта — 12%; домашнего хозяйства — 6%; остальное — от иных секторов [13, 14].

одной из насущных задач, решаемых страной в процессе адаптации к изменениям глобального климата и «озеленения» экономики. Важным направлением решения этой двуединой задачи стала трансформация энергетического сектора, осуществляемая за счет перехода к широкому использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ), поддержанная пакетом мер государственного стимулирования и преференциями местных властей.

Институциональный старт. Интерес к освоению ВИЭ в Индии формировался в период нефтяных «шоков» 70-х годов XX в., когда на мировом рынке цены на нефть выросли более чем в десять раз, и страна, являясь крупным импортером нефти, усилила государственное регулирование в плане диверсификации энергоснабжения и повышения энергетической независимости. В конце 1990-х годов интерес к освоению ВИЭ был «подогрет» проблемами глобального климата, а в начале 2000-х годов — очередным ростом цен на энергетическое сырье.

В этот период в Индии создаются новые государственные институты, непосредственно занимающиеся вопросами освоения возобновляемых источников энергии; формируются ассоциации производителей чистой энергии, объединяющие промышленников, предпринимателей, представителей научного сообщества, заинтересованных в развитии возобновляемой энергетики. В 1982 г. создается Департамент нетрадиционных источников энергии, в 1987 г. при правительстве Индии начинает работу Агентство по развитию возобновляемой энергетики, в задачи которого входит всесторонняя поддержка и продвижение проектов, связанных с возобновляемыми источниками энергии и энергоэффективностью. В 1992 г. Индия первой из стран учреждает Министерство нетрадиционных источников энергии (с 2006 г. Министерство новых и возобновляемых источников энергии) [1, 9].

В последующие годы был принят целый ряд законов, правительственных программ, планов действий и других документов, формировавших основы политики страны в сфере освоения и использования возобновляемых источников энергии. Среди них: «Закон об электроэнергии» (2003 г.), обязавший производителей и дистрибьютеров электроэнергии отпускать потребителям не менее 10% чистого электричества; Национальный план действий в условиях климатических изменений (2008 г.), в котором возобновляемая энергетика определена как один из приоритетов социально-экономического развития и адаптации страны к неблагоприятным изменениям климата; национальные программы развития солнечной энергетики, повышения энергоэффективности (2010) и др. [1, 3].

В ноябре 2021 г. на 26-й конференции ООН по вопросам изменения климата премьер-министр Индии Н. Модии объявил о планах по адаптации страны к глобальным климатическим изменениям, предполагающих к 2030 г.:

- увеличить общую установленную мощность в возобновляемой энергетике до 500 ГВт;

- увеличить долю неископаемых источников энергии в выработке электричества до 50%;

- уменьшить эмиссию CO_2 в атмосферу на 1 млрд т.;

- сократить интенсивность выбросов CO_2 не менее чем на 45%.

Наряду с этими инициативами было заявлено, что Индия будет стремиться к достижению углеродной нейтральности к 2070 г. [12, 19].

Современный потенциал и тенденции развития возобновляемой энергетики. Задачи перед отраслью поставлены непростые, но современный потенциал и тенденции развития возобновляемой энергетики (ВЭ) формируют условия для их успешного решения. Обратимся к цифрам. Увеличение установленной мощности ВЭ к 2030 г. до 500 ГВт означает, что к современному потенциалу «зеленой» энергетики требуется добавить 340 ГВт новых генерирующих мощностей. Такое увеличение мощности возможно при среднегодовых темпах ее прироста в 11–12%, т.е. при сохранении динамики роста мощности не ниже уровня 2010–2022 гг.

Суммарная установленная мощность в возобновляемой энергетике Индии в 2010–2022 гг. возросла в 3,1 раза и сегодня превышает 163 ГВт. По этому показателю Индия четвертая в мире после Китая, США, Бразилии. Наиболее высокими темпами прирастали мощности в ветровой и солнечной энергетике. Установленная мощность в ветроэнергетике Индии увеличилась в 3,2 раза и к 2023 г. достигла 42 ГВт, а в солнечной энергетике она возросла в 973 раза и превысила 63 ГВт. По установленной мощности в этих секторах энергетики Индия занимает четвертое и пятое место в мире соответственно [8].

Высокую динамику роста показывает биоэнергетика. В 2010–2022 гг. установленная мощность в этой отрасли увеличилась в 3,4 раза и в настоящее время превышает 10,7 ГВт. И здесь Индия также в группе мировых лидеров — четвертая после Китая, США, Бразилии.

Гидроэнергетика — традиционная отрасль индийской экономики. Первая гидроэлектростанция в Индии была построена в 1897 г., мощность ее составляла всего 130 кВт. Установленная мощность в гидроэнергетике Индии по состоянию на 2023 г. превысила 52 ГВт, обеспечив стране пятое место в мире по данному показателю. При этом имеется большой объем неосвоенного гидропотенциала. По оценке Международной ассоциации гидроэнергетики, в Индии более 70% гидроэнергетического потенциала все еще не освоено [9, 11]. Значительные неосвоенные ресурсы и высокий КПД гидроэлектростанций (81–90%), вдвое превышающий КПД работающих на органическом топливе ТЭС, более чем вдвое — ветроэнергетических станций и более чем втрое превосходящий соответствующий показатель солнечных фотоэлектрических станций (СФЭС), позволяют рассматривать эту сферу как привлекательную для активного освоения. По прогнозам Международного энергетического агентства, в текущем десятилетии прирост новых мощностей ГЭС в Индии уступит только Китаю и составит 24–27 ГВт.

Характерным трендом последних десятилетий стал опережающий рост генерирующего потенциала возобновляемой энергетики, по сравнению с сектором генерации на основе ископаемого топлива. В результате в структуре энергетического хозяйства Индии произошли заметные изменения в пользу «зеленых» мощностей за счет уменьшения доли мощностей, вырабатывающих электроэнергию на основе сжигания органического топлива (табл. 1).

Рост установленной мощности в возобновляемой энергетике сопровождался неуклонным увеличением доли отрасли в общей выработке электроэнергии. Если в 2000 г. доля ВИЭ в общей генерации составляла 14,1%, то в 2010 г. она увеличилась до 15,2%, а в 2022 г. возросла до 20,5% с долями гидро-, ветро-, гелио- и биоэнергетики соответственно 10,1; 3,8; 5,2; 1,4% [10, 20].

Таблица 1

Установленная генерирующая мощность по видам источников энергии, %

Виды источников энергии	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2022 г.
Органическое топливо (уголь, жидкое топливо, газ), в том числе уголь	71,4 59,1	66,5 56,1	62,3 55,4	56,8 50,7
Возобновляемые источники*	26,1	31,1	35,9	41,6
Ядерное топливо	2,5	2,4	1,8	1,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Включая крупные ГЭС (более 50 МВт).

Источник: рассчитано и составлено автором по [8, 10, 16].

Успешное развитие возобновляемой энергетики в Индии было обеспечено рядом факторов, важнейшими из которых стали государственная поддержка развития отрасли, значительные инвестиционные вложения, использование преимуществ международного сотрудничества.

Государственная поддержка возобновляемой энергетики. Правительство Индии использовало различные схемы стимулирования генераторов и потребителей к выработке и потреблению «зеленой» энергии, включающие как методы прямого финансирования, так и опосредованную помощь в форме налоговых льгот и преференций, ориентированных на мотивацию бизнеса к инвестиционной и производственной деятельности в этой сфере.

Среди прямых методов государственной поддержки зеленого бизнеса широкое применение получили: компенсации к тарифам на «чистую» энергию, государственные закупки электроэнергии от ВИЭ, льготы и гарантии по кредитам, таможенные льготы на импорт некоторых компонентов и оборудования для ВИЭ-генерации, гранты (безвозмездные и безвозвратные субсидии) для НИОКР в сфере зеленой энергетики. В пакете опосредованных методов поддержки зеленого бизнеса в Индии используются фискальные инструменты в формате ускоренной амортизации, пониженной ставки налога на добавленную стоимость, вычета затрат на зеленые НИОКР из налогооблагаемой базы, налоговых каникул и др.

В течение последних десятилетий наиболее распространенной практикой государственной поддержки зеленого бизнеса в Индии остается (с некоторыми изменениями) специальный режим амортизации основных фондов, предоставляемый производителям «чистой» энергии. В отличие от обычного режима амортизации, предполагающего списание основных фондов в течение всего срока их службы в соответствии с установленными нормативами, специальный режим предоставляет возможность ускоренного списания стоимости основных фондов. Таким образом, предприятие зеленого бизнеса может переносить уплату налогов на более поздний срок и снижать инфляционные риски, уменьшать налогооблагаемую прибыль, заменять используемое оборудование до истечения срока его физического и морального износа и сохранять (или повышать) технический уровень и конкурентоспособность производства.

Практическая реализация этого стимула в отрасли стартовала в 1992 г. Предприятия «зеленого» бизнеса получили возможность одномоментного списания

100% по основным фондам в первый год установленных нормативом сроков амортизации. В 2004 г. эта льгота была уменьшена до 80%, а в 2012 г. этот инструмент стимулирования «зеленого» бизнеса был отменен в связи с возросшими претензиями о создаваемых им чрезмерных преференциях для сектора ветроэнергетики, однако после двухлетнего перерыва восстановлен с уменьшенной нормой одномоментного списания (40%) [19].

С 2009 г. широкое практическое применение получила также схема государственной поддержки «зеленого» бизнеса, ключевым стимулятором в которой стали компенсации к тарифам на энергию, вырабатываемую на основе возобновляемых источников. Суть этой модели в том, что уполномоченные государством организации заключают с генерирующими компаниями долгосрочные контракты, гарантирующие подключение к сети и закупку чистой электроэнергии с учетом реальных издержек на ее производство, компенсируя производителям повышенные расходы в течение определенного периода времени (до 20 лет). При этом используются регрессивные (постепенно снижающиеся) ставки компенсационных доплат, что обеспечивает постепенную адаптацию генераторов «чистой» энергии к конкурентной среде рынка, мотивирует к инновациям и снижению издержек генерации.

Вводятся также инструменты стимулирования со стороны спроса — обязательные минимальные квоты потребления «чистой» энергии. Объем таких квот устанавливается как доля в общем энергопотреблении компании. В 2021—2022 гг. в различных штатах страны она составляла от 6,6% (штат Керала) до 21% (Раджастан, Химачал-Прадеш) и включала две части: квоту потребления электроэнергии от солнечной генерации и долю потребления от иных возобновляемых источников. В 2023 г. средняя величина минимальных обязательств по покупке «чистой» энергии для распределительных компаний была повышена до 24,6%, в 2030 г. предусмотрено повышение минимальных квот до 43,3%. За невыполнение установленных квот налагаются штрафные санкции [15].

Характерным направлением эволюции модели стимулирования возобновляемой энергетики стало развитие коммерциализации в отрасли. Важную роль в этом процессе сыграли обратные аукционы — конкурсные торги по продаже «зеленой» энергии, инициированные в Индии в 2017 г. В отличие от традиционного аукциона, где соревнуются покупатели, предлагая за приобретение товара или услуги все более высокие цены, на обратном аукционе конкурируют продавцы, снижая цены за реализацию своего товара (проекта). Победителями таких аукционов становятся компании, чьи проекты обеспечивают более дешевые поставки «чистой» энергии. С победителями заключаются долгосрочные соглашения (10—20 лет) на гарантированную закупку электроэнергии по установленным в соглашении ценам. Построенная таким образом схема взаимодействия государства и бизнеса усилила роль рыночных стимуляторов ВЭ, обеспечив при этом регулирующие органы инструментами координации деятельности «зеленого» бизнеса в направлении общественно значимых результатов.

Ответом бизнеса на новые схемы стимулирования ВЭ стало оживление конкуренции на энергетическом рынке Индии, что содействовало снижению издержек производства в секторе возобновляемой энергетики и тарифов на электроэнергию от ВИЭ. Уже на первых аукционах (2017 г.) выставленные компаниями ветроэнергетические проекты

торговались по цене 2,43 рупии/кВт-ч, что было ниже тарифа, по которому в стране отпускалась электроэнергия, вырабатываемая на основе сжигания угля [2].

В 2010—2022 гг. удельные затраты на установку материковых ветроэнергетических установок (ВЭУ) в Индии уменьшились на 37% и сегодня являются одними из самых низких в мире — 1122 долл./кВт-ч (меньше только в Бразилии и Китае). Удельные капитальные затраты на строительство мощностей для солнечных фотоэлектрических станций (СФЭС) снижались еще быстрее (на 80%) и составили к 2023 г. 640 долл./кВт-ч (меньше только в ОАЭ) [11].

Наряду с уменьшением удельных капитальных затрат на установку мощностей, устойчивой тенденцией в «зеленой» энергетике Индии стало снижение издержек генерации. За период 2010—2022 гг. приведенная стоимость одного кВт-ч электроэнергии, генерируемой наземными ВЭУ, уменьшилась более чем в 2,5 раза, а электроэнергия от СФЭС обходится в 8 раз дешевле (табл. 2).

Снижение издержек генерации на основе ВИЭ позволило существенно уменьшить затраты бюджетных средств на субсидирование возобновляемой энергетики. Так, с 2017 г. государственные субсидии на поддержку отрасли сократились на 59% и в 2022 г. были вдвое меньше субсидий для угольной генерации [12]. Таким образом, сочетание государственной поддержки и адекватная реакция бизнеса содействовали переходу ВИЭ-генерации из дорогостоящей ниши рынка к конкуренции на равных за новые мощности с ископаемыми энергоносителями.

Инвестиционный климат. Поощрительная политика к освоению ВИЭ стимулировала приток инвестиций в возобновляемую энергетику. В последнее десятилетие на создание новых мощностей этой отрасли в Индии было инвестировано более 92 млрд долл. (рис. 1).

В 2022 г. объем капитальных вложений в отрасль превысил уровень 2013 г. в 2,4 раза и составил 11,5 млрд долл. Сегодня Индия по масштабам инвестиций в создание мощностей в секторе возобновляемой энергетики является одним из мировых лидеров. На ее долю приходится 2,3% глобальных инвестиций в строительство мощностей «зеленой» энергетики (больше только в Китае, США, Бразилии, Японии).

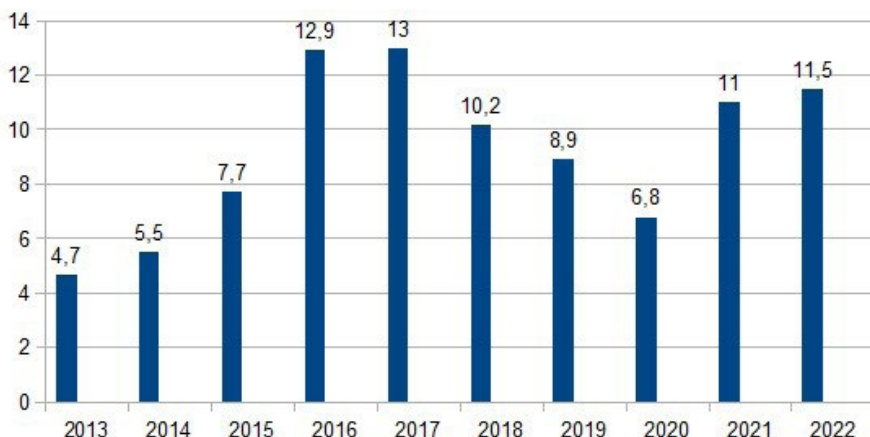
Наиболее привлекательными для инвесторов являются солнечная и ветровая энергетика. В последние годы, однако, имело место снижение инвестиционной активности в индийской ветроэнергетике, что связано с возросшими сложностями

Таблица 2

Приведенная стоимость производства электроэнергии, долл./кВт-ч

Страны	Приведенная стоимость генерации наземными ВЭУ		Приведенная стоимость генерации СФЭС	
	2010 г.	2022 г.	2010 г.	2022 г.
Индия	0,096	0,037	0,310	0,037
Китай	0,087	0,027	0,381	0,037
Бразилия	0,116	0,024	0,372	0,050
США	0,103	0,031	0,305	0,058
Европа	0,137	0,045	0,420	0,052
Мир в целом	0,107	0,033	0,445	0,049

Источник: составлено по [11].

Рис. 1. Инвестиции в возобновляемую энергетику Индии (млрд долл. США)

Источник: составлено автором по [18].

в получении разрешений на реализацию проектов от местных властей, ограничением свободных территорий с достаточным ветровым потенциалом для эффективной реализации новых проектов (из-за низкой скорости ветров), введением более жестких условий банковского кредитования ветроэнергетических проектов [4].

В отличие от ветроэнергетики гелиоэнергетика не теряет своей привлекательности для инвесторов. В 2021—2022 гг. из общего объема инвестиций на создание новых мощностей в возобновляемой энергетике Индии 75% было вложено в солнечную энергетику, 23% — в ветровую, остальные средства были направлены на расширение потенциала биоэнергетики и освоение энергии малых рек.

Большая и неуклонно растущая доля инвестиций в возобновляемую энергетику Индии поступает от частного бизнеса. За истекшее десятилетие она возросла на 15 процентных пунктов и в настоящее время превышает 65%. Крупными инвесторами в чистую энергетику являются компании Adani Green Energy, Greenko, ReNew Power, Tata Power, Torrent Group и др. Доля государственного финансирования (государственных предприятий и финансовых институтов, бюджетов центральной и местной власти) неуклонно снижалась и сегодня составляет менее 35%. Следует, однако, заметить, что участие государства и бизнеса в финансировании различных секторов отрасли неодинаковое. Государство выступает главным спонсором объектов гидроэнергетики, сетевой инфраструктуры, а также технологий хранения энергии. В финансировании ветровой и солнечной энергетики доминирует частный бизнес, долевое участие которого здесь составляет более 80%.

Иностранный капитал и международное сотрудничество. Созданный в Индии благоприятный инвестиционный климат на рынке «зеленого» бизнеса привлекает в отрасль также иностранный капитал. Годовой приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в «зеленую» энергетику Индии в 2010—2023 гг. возрос с 0,2 до 1,7 млрд долл. Совокупный объем ПИИ в возобновляемую энергетику Индии за этот период составил 12,5 млрд долл. (табл. 3).

Данные табл. 3 отражают современные тенденции в приоритетах энергетической политики Индии, равно как и в интересах зарубежных инвесторов к сферам индийского энергетического сектора. В частности, вполне отчетливо проявляется растущий интерес зарубежных инвесторов к «зеленой» энергетике Индии, устойчивая индифферентность к угольной генерации (с 2014 г. ПИИ не поступают) и относительная стабильность вложений в объекты генерации на основе газа и жидкого топлива.

Сегодня Индия стала одним из наиболее привлекательных рынков для «зеленого» бизнеса. В 2023 г. по индексу привлекательности инвестиций в возобновляемую энергетику она находилась на шестом месте в мире (после США, Германии, Китая, Великобритании, Франции). При этом по сектору ветроэнергетики Индия занимала седьмое место, гидроэнергетики — второе (после Китая), а по сектору солнечной энергетики — первое³.

Индийский рынок возобновляемой энергетики привлекает иностранный капитал наличием значительного потенциала для развития отрасли, неуклонным ростом спроса на электроэнергию, низкой себестоимостью производства оборудования для отрасли, широким предложением достаточно квалифицированной

Таблица 3

**Прямые иностранные инвестиции в сектор электроэнергетики Индии,
млрд долл. США**

Финансовый период (годы)	Возобновляемая энергетика	Угольная генерация	Генерация на газе и жидком топливе
2010—2011	0,214	0,0	0,556
2011—2012	0,452	0,0	2,030
2012—2013	1,107	0,0	0,215
2013—2014	0,414	2,9	0,112
2014—2015	0,616	0,0	1,079
2015—2016	0,777	0,0	0,103
2016—2017	0,784	0,0	0,180
2017—2018	1,204	0,0	0,204
2018—2019	1,446	0,0	0,138
2019—2020	1,393	0,0	0,805
2020—2021	0,793	0,0	0,909
2021—2022	1,601	0,0	0,965
2022—2023	1,660	...	...
2010—2023	12,461	2,9	

Источник: составлено автором по [6].

³ Рейтинг привлекательности стран для инвестиций в возобновляемую энергетику разрабатывается международной аудит-консалтинговой компанией EY (Ernst&Young) по 40 наиболее привлекательным рынкам для развития «зеленого» бизнеса [17].

и недорогой рабочей силы. Среди крупных иностранных инвесторов в «зеленую» энергетику Индии норвежская компания Scates, участвовавшая в реализации проекта (стоимостью 0,4 млрд долл.) по строительству СФЭС мощностью 900 МВт в штате Раджастан. Прочное сотрудничество в сфере возобновляемой энергетики установлено с Данией, Швецией. В 2021—2022 гг. датская компания Copenhagen Infrastructure Partners в партнерстве с индийскими инвесторами профинансировала (на сумму 0,2 млрд долл.) строительство СФЭС и двух наземных ветроэнергетических станций мощностью 500 МВт. С 2009—2011 гг. США в рамках «Партнерства в области чистой энергии» выделили 125 млн долл. на совместные с Индией НИОКР в области «чистой» энергии (разработку новых видов топлива, технологий чистого угля), 20 млн долл. на содействие по внедрению чистых технологий и 2 млн долл. на строительство новых объектов ВЭ. В 2022 г. Индия подписала ряд соглашений с Японией о партнерстве в сфере возобновляемой энергетики, предполагающих многомиллиардные инвестиции японской стороны в строительство объектов «зеленой» энергетики в северо-восточных штатах Индии [21].

Финансовую поддержку на продвижение технологий чистой генерации получает Индия и от международных организаций. Так, в 2016 г. Всемирный банк утвердил долгосрочный (до 20 лет) льготный кредит в размере 625 млн долл. для программы правительства Индии по установке солнечных батарей на крышах зданий, а также грант в размере 5 млн долл. от Фонда чистых технологий для стимулирования «зеленых» НИОКР. Азиатский банк развития предоставил льготный кредит на 0,5 млрд долл. для финансирования проектов по установке «солнечных крыш» в городах и селах Индии. В 2014—2023 гг. Европейский инвестиционный банк поддержал финансирование проектов по развитию чистого транспорта и «зеленой» энергетики на 3,5 млрд евро, а также по установке солнечных фотоэлектрических панелей на крышах домов в Индии на сумму 2,02 млн евро [22].

Перспективы ВИЭ-генерации. Рациональный механизм частно-государственного партнерства, благоприятный инвестиционный климат и приток нового капитала, имеющийся ресурсный потенциал для ключевых сфер возобновляемой энергетики, обеспечили поступательное развитие отрасли и структурные сдвиги в энергетическом секторе Индии в пользу ВИЭ (табл. 4).

Как показывают данные табл. 4, за последние десятилетия доля ВИЭ в первичном энергопотреблении возросла с 6,3 до 10,3% при заметном уменьшении доли ископаемого топлива. Однако важно отметить, что замещение ископаемых источников энергии возобновляемыми в Индии идет не за счет снижения доли угля в энергопотреблении, а за счет уменьшения доли природного газа и жидкого топлива. При этом удельный вес ядерного топлива в энергопотреблении невелик и существенно не меняется, а доля угля определенно растет.

Таким образом, при неоспоримых успехах в освоении ВИЭ основой индийской энергетики остается ископаемое топливо и главным энергоносителем по-прежнему выступает уголь, половина добычи которого ведется открытым способом. Сегодня доля угля в первичном энергопотреблении в Индии самая высокая в мире (более 55%). Для сравнения: в США она составляет всего 11%, в странах ЕС (в среднем) — 12, Японии — 27, Китае — 54%. Являясь основой индийской энергетики, уголь остается наиболее проблемным для окружающей среды

Таблица 4

Структура первичного энергопотребления в Индии по видам источников энергии, %

Виды источников энергии	2000 г.	2010 г.	2022 г.
Ископаемые источники (уголь, нефть, газ), в том числе уголь	92,5 51,3	92,1 53,6	88,5 55,1
Низкоуглеродные источники в том числе:			
— возобновляемые источники;	7,5 6,3	7,9 6,8	11,5 10,3
— ядерное топливо	1,2	1,0	1,2

Источник: составлено и рассчитано автором по [5, 20].

топливом, сжигание которого дает 70,5% общего объема связанных с энергетикой выбросов диоксида углерода⁴.

Львиная, нарастающая доля угля в энергопотреблении является главной причиной высокой и растущей интенсивности выбросов двуокиси углерода индийской энергетикой. В последние десятилетия интенсивность выбросов CO₂ индийской энергетикой, измеряемая выбросами CO₂ в расчете на единицу вырабатываемой энергии, нарастает, и сегодня она не только выше среднемирового уровня, но превышает соответствующий показатель в других странах — крупнейших потребителях угля (см. табл.5).

В мае 2023 г. правительство Индии обнародовало Национальный план развития электроэнергетики до 2032 г., в котором определены основные задачи и направления развития отрасли, в том числе в сфере возобновляемой энергетики. Планом предусмотрено увеличение общей установленной генерирующей мощности, по сравнению с 2022 г., в 2,3 раза (до 900 ГВт). Наиболее высокими темпами будет прирастать мощность ВИЭ-генерации. Согласно плану, она должна увеличиться более чем в 3,5 раза и составить 596 ГВт. Высокий рост мощности запланирован в атомной энергетике — она увеличится в 2,9 раза и составит к 2032 г. 19,7 ГВт. Установленная мощность в угольной энергетике также должна возрасти, но значительно скромнее — в 1,2 раза, до 255—263 ГВт. Планируется строительство новых угольных мощностей на 25,5 ГВт, в дополнение к уже строящимся на 25,6 ГВт. Мощность газовой энергетики, согласно плану, останется без изменений на уровне 24,8—24,9 ГВт. Таким образом, согласно целевым показателям плана, к 2032 г. структура общей установленной генерирующей мощности в Индии представляется следующей: возобновляемая энергетика — 66,2%; угольная — 28,8; газовая — 2,8; атомная энергетика — 2,2% [13].

Соответствующие изменения запланированы и в структуре выработки электроэнергии. Плановая выработка электроэнергии должна возрасти в 1,4 раза и составить 2666 ТВт·ч. При этом план предусматривает увеличение доли генерации на основе ВИЭ к 2032 г. до 44,3 против 20,5% в 2022 г., увеличится и вклад ядерного топлива — с 2,5 до 4,5%. А вот доля угольной генерации должна сократиться с нынешних 73 до 50% в 2032 г. План предполагает также существенное снижение доли газовой генерации. В 2032 г. ее вклад в общую выработку электроэнергии,

⁴ Рассчитано автором по [5, 14, 20].

Таблица 5

Интенсивность выбросов CO₂ в энергетике, кг CO₂/кВт-ч

Страны	2000 г.	2010 г.	2022 г.
Индия	0,26	0,27	0,28
Китай	0,31	0,29	0,26
Австралия	0,27	0,27	0,24
США	0,22	0,22	0,19
Германия	0,23	0,22	0,19
Польша	0,31	0,29	0,27
Мир в целом	0,23	0,23	0,22

Источник: составлено по [14].

согласно плановым показателям, должен составить 1,3 вместо 2,5% в 2022 г. [13].

Предусмотренные меры по декарбонизации энергетики должны обеспечить снижение интенсивности выбросов CO₂ этой отраслью на 50%. На реализацию намеченных планом заданий по развитию отрасли предполагается вложить 31,5 трлн индийских рупий (более 370 млрд долл.), из которых 73% будет инвестировано в возобновляемую энергетику [13, 20].

Важным условием реализации плановых задач должно стать международное сотрудничество в области энергетики. В возобновляемой энергетике приоритетными сферами сотрудничества определены: солнечная энергетика (с Великобританией, Испанией, ОАЭ, Китаем), офшорная ветроэнергетика (с Данией, Великобританией, Германией), предполагается также сотрудничество в области технологий хранения энергии (с Великобританией, США), технологий чистого угля (с Японией, Кореей) [7]. Энергетическое сотрудничество Индии с Россией осуществляется в основном в нефтегазовом секторе и атомной энергетике. Потенциальной нишей для расширения присутствия российских компаний на индийском рынке возобновляемой энергетики могла бы стать гидроэнергетика (проектирование и строительство объектов, НИОКР, поставка оборудования для ГЭС).

Заключение. В заключение можно констатировать следующее:

- декарбонизация энергетического сектора находится в ряду важных стратегических задач, решаемых Индией на пути к углеродной нейтральности и адаптации к изменениям глобального климата. Ключевым направлением в решении этой стратегической задачи определено ускоренное развитие возобновляемой энергетики;

- в последнее десятилетие Индия добилась значительных успехов в развитии возобновляемой энергетики. Сегодня по суммарной установленной мощности в этой отрасли и во всех ее ключевых секторах Индия входит в группу мировых лидеров (ТОП-5). Возобновляемая энергетика стала значимой частью энергетического комплекса страны, генерируя более 1/5 общего объема электроэнергии;

- устойчивой тенденцией в последнем десятилетии стало снижение затрат на выработку электроэнергии от ВИЭ. В результате на энергетическом рынке страны достигнут паритет конкурентоспособности ВИЭ-генерации с традиционной генерацией на основе ископаемого топлива;

- главным модератором и координатором структурной трансформации

энергетического сектора в пользу возобновляемых источников энергии в Индии выступает государство, а ключевыми ее драйверами — стратегическое планирование и механизм частно-государственного партнерства, обеспечивающие взаимодействие государства и бизнеса в решении одной из важных стратегических задач — декарбонизации энергетики;

— при всей важности проблема декарбонизации не является для Индии главной. Правительство Индии решает ее последовательно, одновременно с решением комплекса сложнейших, не менее насущных социально-экономических проблем, в том числе преодоления бедности, обеспечения энергетической и продовольственной безопасности, доступа к здравоохранению и образованию;

— положительная динамика энергопроизводства в Индии, в том числе ВИЭ-генерации, пока не в полной мере обеспечивают растущие потребности экономики и общества в различных видах энергии. Потребление энергии (в том числе электричества) на душу населения в Индии остается значительно ниже уровня развитых стран (в 7—10 раз), что вынуждает строить новые, работающие на угле электростанции, наращивать потребление угля;

— ни «зеленые», ни традиционные технологии генерации не имеют абсолютных преимуществ и не в состоянии решить все задачи, стоящие перед индийской экономикой и обществом. Правительство Индии рассматривает энерготехнологии, опирающиеся на ВИЭ и на ископаемое топливо, не как альтернативные, а как дополняющие друг друга в процессе формирования низкоуглеродной энергетики;

— при неоспоримых успехах в развитии возобновляемой энергетики и благоприятных условиях ее дальнейшего роста в обозримой перспективе в Индии энергетика, основанная на ископаемом топливе, не утратит своего существенного значения, которую она и созданная для нее инфраструктура играют в обеспечении роста экономики, благосостояния населения, устойчивого энергоснабжения и энергетической безопасности страны в условиях нарастающей турбулентности глобального энергетического рынка.

Литература

1. *Алексеева Н.Н.* Роль Индии в глобальной климатической повестке: от аутсайдера до ведущего игрока // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 2. С. 92—104.
2. *Клавдиенко В.П.* Возобновляемая энергетика: мировые тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2020. № 2. С. 147—160.
3. *Мастепанов А., Сумин А.* Энергетическая политика Индии в период энергетического перехода // Энергетическая политика. 2020. № 9. С. 74—92.
4. *Сдасюк Г.В., Алексеева Н.Н.* Развитие переходной энергетики в Индии: достижения, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2022. № 5. С. 91—102.
5. BP Statistical Review of World Energy. 71-st Edition. London. UK, 2022.
6. FDI in Indian Renewable Sector up by 100% to \$1,6 Billion FE. Mercom. June 3, 2022.
7. India's Long-Term Low Carbon Development Strategy. MEFCCCI. Government of India. 2022.
8. IRENA. Renewable Capacity Statistics. Abu Dhabi, 2023.
9. IRENA. Renewable Energy Prospects for India. Abu Dhabi, 2017.
10. IRENA. Renewable Energy Statistics. Abu Dhabi, 2023.
11. IRENA. Renewable Power Generation Costs. Abu Dhabi, 2023.
12. Mapping India's Energy Policy. New Delhi. IISD. 2022.

13. National electricity plan (V. 1). Government of India. Ministry of Power. July, 2023.
14. Our World in Data. India: Energy Country Profile. GCDL. 2024.
15. *Pachauri Y., Chopra R., Chanda S.* Status of Renewable Purchase Obligations in India: an Effective Tool to Indorce Solar energy // *Journal of Positive School Psychology*. 2022. V. 6. P. 9336—9351.
16. Power sector at a Glance All India. Government of India. Ministry of Power. 12.06.2023.
17. Renewable Energy Country Attractiveness Index. EY- 61 Edition. June, 2023.
18. Renewables Global Status Report. Paris, 2023.
19. *Shankar A., Saxena A., Idnani T.* Roadmap to India's 2030 Decarbonization Target. New Delhi, Energy and Resources Institute, 2022.
20. Statistical Review of World Energy. 72-Edition. Energy Institute, 2023.
21. Tracks to Transition: India's Global Climate Strategy. Ed. By C. Xavier, K. Nachiappan. CSEP. 2023.
22. *Yashwang S., Harmeling S.* EU-India Climate Cooperation Brief. CAN. 2022.

Victor Klavdienko (e-mail: viklav8@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,
Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

RENEWABLE ENERGY IN INDIA: KEY TRENDS, DRIVERS AND PROSPECTS

The article examines the features and trends in the development of renewable energy in India in the context of the modern transformation of the global energy economy. The dynamics of growth of installed capacity in the country's energy sector by type of generation sources has been analyzed, and stable trends in changes in the structure of primary energy consumption have been identified. The main factors for the successful development of key areas of renewable energy have been identified. Particular attention is paid to the analysis of innovative schemes and instruments of public-private partnership in the development of renewable energy. The main government documents that determine the vector and pace of transformation of the Indian energy sector taking into account the global climate agenda are considered. It is concluded that with undeniable successes in the development of renewable energy and favorable conditions for its further growth, in the foreseeable future in India, traditional energy will not lose its significant importance due to the role that it and the infrastructure created for it play in ensuring economic growth and well-being population, sustainable energy supply and energy security of the country in the context of increasing turbulence in the global energy market.

Keywords: renewable energy, fossil fuels, carbon neutrality, world energy, India.

DOI: 10.31857/S0207367624050064

© 2024

УДК: 327

Ирина Стрельникова

кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (г. Москва, Российская Федерация) (e-mail: istrelnikova@hse.ru)

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Российская Арктика обладает многочисленными ресурсами и важными для международных отношений инфраструктурными объектами, вследствие чего является регионом, потенциально крайне привлекательным для инвесторов. Вместе с тем ее развитие затрудняет ряд объективных проблем, решению которых могло бы способствовать международное сотрудничество, инвестиции и обновление нормативно-правового регулирования процесса притока иностранных инвестиций в регион с учетом его специфики. Цель статьи — изучить привлекательность и инвестиционный потенциал Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в новых геополитических реалиях, выявить ключевые и наиболее перспективные сферы приложения иностранных инвестиций. Автор делает вывод о том, что Арктика обладает потенциалом, ресурсами и возможностями для развития и сотрудничества. Она открыта для инвестиций, и российское государство старается создать условия для реализации как можно большего количества проектов (в том числе со странами БРИКС), которые будут способствовать развитию этого региона. Одной из ключевых сфер приложения иностранных инвестиций является зона развития транспортно-логистического потенциала Арктики через транспортные коридоры, что приведет попутно к инфраструктурной связанности всего Евразийского континента и будет также способствовать кооперации на евразийском пространстве стран СНГ.

Ключевые слова: Российская Арктика, инвестиции, привлекательность, объекты, Север—Юг, Северный морской путь, Индия, Китай, Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ).

DOI: 10.31857/S0207367624050078

Введение. Место Арктики в мировой экономике значительно ввиду ее ресурсного и транспортно-логистического потенциала. Российская Арктика — уникальный регион, богатый минеральными и другими природными ресурсами, с особыми экономическими, экологическими, социальными и геополитическими условиями [1]. Природные и климатические условия требуют высококачественных инвестиций в инновационные технологии. Потребительское отношение человека к природе вызывает необходимость государственной защиты флоры и фауны для сохранения даров природы. Транспортная инфраструктура Арктики также оставляет желать лучшего, поскольку существуют определенные проблемы со строительством дорог, железнодорожных путей и аэродромов. Позитивным моментом является уделение повышенного внимания данным вопросам со

Публикация подготовлена в ходе / в результате проведения исследования / работы (№ 24-00-020 «БРИКС + как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

стороны государства, что привело, в частности, к изданию Распоряжения Правительства России от 01.08.2022 № 2115-р «План развития СМП на период до 2035 года» [2], где вопросы развития транспортной инфраструктуры Северного морского пути (далее — СМП) и других инфраструктурных проектов являются ключевыми. Вместе с тем, несмотря на позитивные тенденции, продолжает прослеживаться ряд проблем, которые стоит решить ввиду большого инвестиционного потенциала АЗРФ, реализация которого будет способствовать как развитию Арктики в целом, так и повлияет на развитие экономики всей страны. Привлечение инвестиций как внутренних, так и иностранных требует принятия соответствующих мер со стороны государства. Крайне важно при разработке мер поддержки для инвесторов в части развития арктических проектов максимально тщательно подходить к детальному анализу и планированию, чтобы инвестиции были направлены в отрасль, действительно необходимую для развития региона. Рассмотрим ключевые направления потенциального приложения как внутренних, так и иностранных инвестиций в Российской Арктике.

Природные ресурсы. В Арктике сосредоточено большое количество полезных ископаемых, в частности 95% металлов платиновой группы, 90% никеля и кобальта, 60% меди, почти все разведанные российские месторождения титана, олова, сурьмы, апатита, флогопита, вермикулита, барита. Недра региона содержат 90% российских запасов золота, алмазов, свинца и бокситов [3]. Но основным компонентом полезных ископаемых в Арктике являются уголь, газ и нефть. Главным образом из-за этих полезных ископаемых другие арктические страны (США, Канада, Дания, Норвегия) проявляют интерес к арктическим энергоресурсам, что, в свою очередь, приводит к ожесточенной борьбе за арктические территории. Более 70% нефти и 80% газа, расположенных в Арктике, принадлежат России. Континентальный шельф Арктики состоит из системы нефтегазоносных провинций со множеством месторождений углеводородов. Запасы углеводородов здесь составляют 58% мировых запасов углеводородов на шельфе [1].

Таким образом, Арктика обладает огромными залежами полезных ископаемых, доступ к которым по-прежнему труден из-за природных особенностей, в частности вечной мерзлоты, что требует высокотехнологичного оборудования [4]. С другой стороны, регион как экосистема со специфическим составом и уникальными свойствами флоры и фауны является важной частью биологического разнообразия планеты, утрата которой нанесла бы значительный ущерб потенциалу устойчивости экосистем. Здесь находится национальный парк «Русская Арктика» — самая северная и крупнейшая особо охраняемая природная территория России. Именно ее географическое положение на двух полярных архипелагах — Новой Земле и Земле Франца-Иосифа — во многом определяет интерес к ней международного научного сообщества и туристов. Однако удаленность Российской Арктики и ее большая площадь не позволяют развивать эту особо охраняемую природную территорию. В Арктике есть биоразнообразие, различные полезные ископаемые, природные зоны, которые определенным образом привлекают инвесторов своими ресурсами и возможностями. Сотрудничество инвесторов и государства будет способствовать сохранению ресурсной базы и ее развитию.

Транспортная система. Инвестиционная привлекательность арктических регионов определяется уровнем развития транспортного обеспечения, включая оснащение территории автомобильным, железнодорожным, водным и воздушным транспортом [5]. Развитие транспортной инфраструктуры связано с некоторыми ограничениями: экстремальный климат, уязвимая природная среда, удаленность арктической территории. Ограничения увеличивают транспортные расходы, строительство и эксплуатацию транспортной инфраструктуры. Вечная мерзлота затрудняет строительство дорог, таяние ледников способствует разрушению инженерных сооружений. Из-за отсутствия государственной поддержки сократилось обновление парка мобильных транспортных средств и другой техники на всех видах транспорта, а также объем ремонтных работ. В рамках проекта «Развитие региональных аэропортов и маршрутов» к середине 2024 г. будет реконструировано 15 аэропортов и аэродромов в арктических регионах. Кроме того, этот проект также предусматривает эффективное использование Северного морского пути в качестве национальной магистрали России [6]. Опорные пункты (Мурманск и Петропавловск-Камчатский) должны обеспечивать перевалку грузов на суда ледового класса, обслуживание ледокольного флота и поддержку транзита по фидерным¹ маршрутам.

Развитие транспортной инфраструктуры возможно за счет реализации инвестиционных проектов на различных видах транспорта, включая использование Северного морского пути, например для Ямало-Ненецкого автономного округа, строительство Северной широтной железной дороги с выходом на Северный морской путь. За короткое время Северный морской путь может быть обеспечен современными средствами оперативного наблюдения. Были разработаны космические аппараты радиолокационного мониторинга типа «Кондор-ФКА» и «Обзор-Р», а также наземные приемники и средства связи.

Северный морской путь является ключевым транспортным коридором в Арктике. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, с учетом изменений международной обстановки происходят соответствующие изменения и в логистических цепочках, обусловленные разворотом на Восток, через восточную часть СМП. Маршрут следования из северного Китая по СМП примерно в 2,5 раза короче, чем путь, пролегающий через Суэцкий канал.

Во-вторых, глобальные процессы изменения климата приводят к сокращению ледового покрова Северного Ледовитого океана, делая возможной навигацию в течение большего времени, а также снижая стоимость перевозок.

Несмотря на временное снижение зарубежного транзита, идет рост грузопотока на СМП. Вместе с тем существует ряд проблем и ограничений, которые препятствуют активному и эффективному использованию СМП. К ним относятся: 1) сложные природно-климатические условия; 2) отсутствие доступов к крупным рынкам сбыта; 3) сокращение международного сотрудничества.

Во-первых, основные факторы, которые оказывают негативное влияние на возможности развития СМП, связаны со сложными природно-климатическими

---

¹ Фидерные перевозки (Feeder service) — морская перевозка на короткое расстояние между двумя или более портами с целью группировки или распределения грузов (обычно контейнеров) в одном из этих портов для перевозки в открытом море или после такой перевозки. В более широком смысле данная концепция может использоваться для внутренних перевозок.

условиями Арктики. Что приводит к тому, что стоимость транзита по СМП, в сравнении с другими международными транспортными коридорами, оказывается выше; возникает необходимость использования судов специальной конструкции и пользования ледовой лоцманской проводкой; наконец, сложные природно-климатические условия обуславливают фактор неопределенности при эксплуатации СМП. В этой связи ключевой задачей, которая стоит на пути превращения СМП в конкурентоспособный международный транспортный коридор, является наращивание контейнерного грузооборота, что станет возможным только при организации его круглогодичной пропускной способности.

Во-вторых, одним из пунктов, по которым СМП уступает другим морским транспортным коридорам, является отсутствие доступа к крупным рынкам сбыта. Данная проблема выражается в относительно низком уровне социально-экономического развития арктических регионов России и оттоке населения. В результате арктические регионы России не представляют большого интереса в качестве самостоятельных рынков сбыта. Портовая инфраструктура недостаточно развита, чтобы принимать и разгружать крупные транспортные суда. Недостаточно развита и наземная инфраструктура, чтобы обеспечивать доступ товаров к рынкам сбыта в других регионах России. В условиях углубляющегося международно-политического кризиса сократились возможности для сотрудничества в сфере транспорта и логистики в рамках Арктического региона, в первую очередь с западными странами. В частности, прекратили свое существование проекты, направленные на совместное строительство ледоколов и других судов, способных ходить в арктических водах. Сузились возможности для сотрудничества на уровне береговых охран и по вопросам обеспечения безопасности на море.

В этой связи приобретает особый интерес разработка мер для повышения привлекательности СМП и превращения его в международный транспортный коридор.

Во-первых, возможно серьезно сгладить негативные последствия для судоходства, связанные с арктическим климатом. Для этого можно прибегнуть к следующим инструментам:

- развивать системы мониторинга и прогнозирования природно-климатических условий в акватории СМП и передавать оперативно данные в организации, которые предоставляют услуги по лоцманской и ледокольной проводке;
- публиковать актуальные данные о прогнозируемом состоянии погоды и ледяного покрова в открытом доступе, чтобы все заинтересованные лица могли с большей степенью определенности осуществлять планирование транзитных рейсов.

Во-вторых, в контексте неразвитости арктических регионов в качестве самостоятельных рынков сбыта необходимо повышать привлекательность арктических регионов России как места постоянного проживания. Для этого необходимо расширять систему государственных льгот для граждан, проживающих в АЗРФ; запускать крупные инфраструктурные проекты, финансируемые государством или в рамках государственно-частного партнерства; развивать портовую и наземную инфраструктуры в результате реализации этих проектов, что облегчит доступ к крупным рынкам сбыта на территории других регионов России. Среди уже реализующихся проектов можно отметить Северный широтный ход, Белкомур, Баренцкомур. Белкомур и Баренцкомур входят в федеральный план

развития инфраструктуры СМП. Их реализация позволит дополнить развитие Северного широтного хода и сформировать транспортно-логистический узел для увеличения грузопотоков СМП.

В-третьих, важную роль с точки зрения повышения привлекательности СМП как международного транспортного коридора может сыграть подключение этого маршрута к крупным международным сухопутным коридорам.

Например, в настоящий момент северной точкой планируемого международного транспортного коридора «Север—Юг» является Санкт-Петербург. В случае, если этот маршрут будет продлен до Мурманска или Архангельска, объем грузоперевозок, проходящих по СМП, резко возрастет. Помимо этого, возрастет привлекательность и эффективность непосредственно самого транспортного коридора «Север—Юг».

Отдельного внимания в части инвестиционно-инфраструктурного развития СМП заслуживает вопрос о потенциальных международных партнерах, заинтересованных в нем. Среди возможных партнеров необходимо в первую очередь выделить такие страны БРИКС, как Китай, Индия и ОАЭ.

Так, сотрудничество России и Китая в логистической сфере имеет давнюю историю. В 2015 г. с китайской стороны была опубликована «Концепция плана действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в.», которая подразумевает вовлечение Китая во взаимодействие в рамках Арктического региона по вопросу развития российских северных маршрутов. В том же 2015 г. было подписано соглашение между Министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики и Государственным комитетом по делам развития и реформ КНР о сотрудничестве по Северному морскому пути.

В 2017 г. Государственное океанографическое управление и Национальный комитет по развитию и реформам Китая совместно опубликовали «Концепцию морского сотрудничества в рамках инициативы “Один пояс, один путь”», согласно которой было предложено к «традиционным» маршрутам Китай—Европа добавить еще один — через Северный Ледовитый океан.

Наконец, в марте 2023 г. была достигнута договоренность о создании совместного российско-китайского рабочего органа по развитию СМП [7].

Для Индии в контексте инвестиций также приоритетным направлением сотрудничества с Россией является развитие транспортных коридоров и судостроения. В этой связи укрепление сотрудничества с Индией также является крайне перспективным направлением в контексте развития СМП в качестве международного транспортного коридора.

Индия обладает большим опытом и экспертизой в сфере судостроения и судоходства в целом, что закладывает значительный фундамент для укрепления сотрудничества между странами в рамках этого направления.

В марте 2023 г. со стороны Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики было распространено сообщение о том, что Индия рассматривает создание контейнерной линии на СМП.

Таким образом, активное укрепление международного сотрудничества в сфере развития СМП может способствовать сглаживанию имеющихся технологических ограничений в сфере развития СМП.

В частности, страны Южной и Восточной Азии, которые заинтересованы в использовании этого транспортного маршрута для повышения эффективности международных грузоперевозок, могут инвестировать в крупные инфраструктурные проекты в российской Арктике, которые сделают СМП более привлекательным для эксплуатации.

С другой стороны, в настоящее время возможно активное укрепление взаимодействия с другими странами в сфере судостроения. Так, ОАЭ, позиционирующие себя как крупная морская держава, также хотят участвовать в развитии СМП, что позволит им не только углубить партнерство с Россией в рамках БРИКС, но и стать серьезным конкурентом Китая в сфере технологических проектов.

Наконец, значимым направлением может стать сотрудничество в сфере мониторинга природной и ледовой ситуации в акватории СМП, в том числе с применением спутниковых и космических технологий.

Перспективными инвестиционными направлениями развития СМП в настоящее время могут стать совершенствование систем безопасности, развитие ледокольного флота и движение в сторону круглогодичного сообщения на СМП.

В первую очередь весьма целесообразно обратить внимание на формирование гарантированного грузопотока на СМП и строительство судов ледового класса, обслуживающих его. Несмотря на то что ледовитость Северного Ледовитого океана меняется, ледовая ситуация с февраля по май все равно остается крайне сложной, именно поэтому необходимо строительство судов ледового класса для обеспечения круглогодичной навигации и, как следствие, развития контейнерных перевозок, что невозможно без обеспечения круглогодичной навигации. К 2026 г. необходимо построить три дополнительных ледокола для восточного сектора СМП; необходимо также развивать аварийно-спасательный флот (в настоящее время почти отсутствующий) для обслуживания СМП.

Еще одним важным моментом является разработка экологических требований для прохода иностранных судов через СМП, а также развитие портовой инфраструктуры, что также возможно за счет развития морских перевозок.

Наконец, развитие и внедрение беспилотной авиации на СМП и создание дронопортов для отслеживания ледовой обстановки, доставки грузов с использованием грузовых беспилотников, для перегрузки груза с судна на судно без остановки каравана, выгрузки части груза с судна на берег могут также в перспективе способствовать развитию Северного морского пути.

Среди прочих перспективных маршрутов, связанных с Арктикой, следует выделить международный транспортный коридор «Север—Юг».

Маршрут проходит от индийского порта Нхава-Шева, расположенного на юге Мумбаи, до Санкт-Петербурга через Иран.

Для перевозок будет использован морской, речной и железнодорожный транспорт. Транспортный коридор «Север—Юг» имеет геополитическое значение, поскольку служит «великим коридором Индии не только в крупнейшее арктическое государство, но и в Северный и Балтийский регионы».

Коридор позволит в два раза сократить время доставки товаров из Индии в Россию. Например, срок прохождения грузов из Мумбаи в Санкт-Петербург

по традиционному маршруту через Суэцкий канал сегодня составляет от 30 до 45 дней, а по коридору «Север—Юг» сокращает путь до 15—24 дней.

В то время как Индия придает значение коридору «Север—Юг» как альтернативе китайской инициативе «Один пояс — один путь» и рассматривает Пекин как стратегического конкурента, Тегеран и Москва воспринимают Китай гораздо более оптимистично.

Данный коридор служит обеспечению транспортной связанности с Центральной Азией через Туркменистан, функционируя как связующее звено в рамках ветки Казахстан—Туркменистан—Иран.

Коридор «Север—Юг» включает морские маршруты, а также железнодорожное и автомобильное сообщение, соединяющее Мумбаи (Индия) с Санкт-Петербургом (Россия) через Чабахар.

Данный коридор может сократить время транзита на 40% (с 45—60 дней до 25—30 дней) и стоимость перевозки на 30%, по сравнению с маршрутом по Суэцкому каналу.

Типичный морской маршрут из Мумбаи в Москву составляет 8700 морских миль (16 112 км) со временем прохождения 32—37 дней. Коридор «Север—Юг» сократит его до 2200 морских миль (4074 км) плюс 3000 км (по суше), что потребует всего 19 дней.

Железнодорожный маршрут Нью-Дели—Хельсинки длиной 9389 км, предложенный в рамках коридора «Север—Юг», займет 21 день, по сравнению с обычным морским маршрутом длиной 16 129 км, для которого требуется 45 дней.

Большинство проектов коридора «Север—Юг» (за исключением железнодорожных линий Азербайджана), порта Чабахар и транспортного коридора Ашхабадского соглашения не получили финансирования от крупных мировых финансовых институтов, таких как Всемирный банк и Европейский инвестиционный банк [8]. Основной причиной этого стал режим односторонних санкций Вашингтона против Тегерана и страх перед так называемыми «вторичными санкциями».

Нью-Дели неоднократно предлагал включить порт Чабахар в коридор «Север—Юг», поскольку он рассматривается в качестве одного из важных мест для мировой и морской торговли.

Порт Чабахар и коридор «Север—Юг» могут использовать торговый потенциал Индии, Евразийского экономического союза и Евразии. Железнодорожная линия Чабахар—Захедан остро нуждается в инвестициях. Индия также должна стремиться уделить приоритетное внимание инвестициям в коридор Захедан—Мешхед — идеальный маршрут для сообщения с Серахсом (на туркменской границе). Общее расстояние от Чабахара до Сараха составляет 1827 км, и эта железнодорожная линия может преодолеть разрыв между коридором «Север—Юг» и Чабахаром.

Евразия, Южная Азия и Центральная Азия остро нуждаются в региональных и межрегиональных связях для социально-экономического развития. Для Индии актуально поддерживать проект железнодорожной линии длиной 650 км между афганскими городами Мазари—Шариф и Герат, которая проходит через Шибириган, Андхой и Майману на западе Афганистана.

В новой реальности использование инфраструктуры коридора «Север—Юг» позволит расширить географию перевозок, в том числе в страны, традиционно

тяготеющие к коридору (Индия, Пакистан, государства Персидского залива, Южной Азии), поскольку именно на них переориентируется внешняя торговля России и Беларуси в изменившихся геополитических условиях.

Вместе с тем развитию коридора «Север—Юг» мешает ряд барьеров инфраструктурного и нефизического (тарифного и нетарифного) характера. К инфраструктурным барьерам относятся «недостающие звенья и узкие места транспортной и вспомогательной инфраструктуры, к нефизическим — барьеры в области “мягкой” инфраструктуры, связанные с доступом на рынок, тарифами, условиями и административными процедурами при осуществлении международных перевозок и при пересечении государственных границ» [9].

В контексте развития российско-индийского сотрудничества в области развития морской логистики также следует отметить возможный транспортный коридор «Владивосток—Ченнаи».

Меморандум о намерениях развивать этот транспортный коридор был подписан в 2019 г. Текущий морской маршрут, связывающий Россию и Индию через Мумбаи и Санкт-Петербург, длиннее примерно на 3000 морских миль.

В контексте арктических транспортных коридоров также следует отметить ряд маршрутов, которые имеют особое значение для внутрироссийской логистики. В первую очередь речь идет о Северном широтном ходе (СШХ), Белкомуре (Архангельск—Сыктывкар—Пермь (Соликамск) и Баренцкомуре (Сосногорск—Индига). Развитие этих транспортных коридоров может повысить привлекательность СМП в качестве международного транспортного коридора, поскольку обеспечит создание наиболее эффективных вариантов доставки грузов от морских портов, находящихся на СМП, до регионов, являющихся потребителями этой продукции. Белкомур позволит сократить путь от Урала до портов Архангельска на 800 км.

Каковы перспективы совместных проектов в России с партнерами из азиатских стран — членов БРИКС после марта 2022 года?

Международно-политический кризис 2022 г. вызвал значительные трансформации в российской политике, касающейся участия неарктических стран в системе международного арктического сотрудничества. До 2022 г. ключевое положение в российском политическом дискурсе занимал нарратив о том, что арктические страны занимают особое положение и разделяют особую ответственность в вопросах управления регионом. В рамках этого нарратива нерегиональным акторам отводилась роль «младших партнеров» в проектах, направленных на экономическое развитие и хозяйственное освоение Арктики, а также роль наблюдателей в различных международных институтах, действующих в регионе.

После марта 2022 г. подход изменился кардинальным образом. Ввиду фактической изоляции в рамках традиционных форматов международного сотрудничества в регионе со стороны других арктических стран, Россия была вынуждена пересмотреть принципы взаимодействия с нерегиональными акторами.

Важным элементом в трансформации российской политики в отношении неарктических стран является принятие в марте 2023 г. новой Концепции внешней политики Российской Федерации: Россия намерена развивать сотрудничество в рамках арктического региона со странами, занявшими конструктивную

позицию в отношении России. Среди таких стран в контексте международного сотрудничества в Арктике в первую очередь следует отметить Китай и Индию.

Таким образом, в текущих международно-политических условиях Россия в значительной степени заинтересована в укреплении сотрудничества в Арктике именно с азиатскими странами.

Западные санкции коснулись и ограничений на импорт технологий по освоению нефти на шельфе, в связи с чем Китай становится претендентом на роль главного технологического партнера в этой сфере, а с 2023 г. после заключения договора о сотрудничестве между Государственной Корпорацией «Росатом» и крупнейшим арабским портовым оператором DP World о совместном развитии Северного морского пути и движения в сторону логистической интеграции стран БРИКС к нему добавились еще ОАЭ.

Меры поддержки инвесторов. Россия предоставляет определенные льготы субъектам, инвестирующим в арктические проекты.

Во-первых, инициаторы новых инвестиционных проектов на арктической территории Российской Федерации с объемом инвестиций более 1 млн рублей получают статус резидента Арктической зоны, который дает налоговые и административные преференции. Налоговые льготы предоставляются по налогу на прибыль, который составляет 0% в течение 10 лет. Налог на добычу полезных ископаемых составляет 0,5%. Предоставляется также субсидия в виде 75% от суммы страховых взносов на новые рабочие места (за исключением горнодобывающей промышленности). Возможны и упрощенная система налогообложения, и региональные льготы по налогу на имущество, и местные льготы по земельному налогу. Арктика славится полезными ископаемыми, которые в основном невозобновляемы, поэтому преференции для горнодобывающей промышленности не столь значительны. Добыча также требует развития других отраслей промышленности, поэтому для них есть больше преимуществ [10]. Из административных преференций можно выделить применение процедуры свободной таможенной зоны, предоставление государственных или муниципальных земельных участков. Проверки для резидентов проводятся только по согласованию с Министерством по развитию Дальнего Востока России, причем возможно одновременное проведение экологической и государственной экспертиз проектно-сметной документации.

Во-вторых, предоставляются инфраструктурные субсидии. Субсидия предоставляется на строительство объектов внешней инфраструктуры, ставка составляет до 20%. При этом цели инвестиционного проекта должны соответствовать стратегическому планированию, а сумма инвестиций должна составлять не менее 300 млн рублей.

И в-третьих, административные и налоговые преференции предоставляются инициаторам новых инвестиционных проектов на территории опережающего развития «Столица Арктики» в Мурманской области с объемом инвестиций более 500 тыс. рублей. Для компаний, подпадающих под эти условия, ставка взносов социального страхования в течение 10 лет составляет 7,6 вместо 30%. Первые 5 лет налог на прибыль и налог на имущество составляют 0%, а следующие 5 лет — 12 и 1,1% соответственно. Земельный налог также составляет 0% сроком на 3 или 5 лет, а ставка на добычу полезных ископаемых увеличивается на 0,2% каждые

два года. Также возможно привлечение иностранной рабочей силы без квот, сокращение количества проверок, предоставление земельных участков, применение процедуры свободной таможенной зоны и защита интересов в суде управляющей компанией. Таким образом, для инвесторов существуют стимулы, что делает Арктику привлекательной территорией.

Проблемы, связанные с инвестированием. Существует несколько проблем, препятствующих освоению Арктики. Во-первых, неподготовленность инженерной инфраструктуры к возможным негативным последствиям глобальных процессов изменения климата. Во-вторых, транспортная инфраструктура развита недостаточно. И в-третьих, разработка месторождений и реализация инфраструктурных проектов, требующих использования дорогостоящего оборудования и высококвалифицированных специалистов, трудоемки и затратны. Также необходимо создать особый инвестиционный режим для инвестиционных проектов в Арктике.

В арктических регионах существует необходимость совершенствования инвестиционной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности региона, привлечение долгосрочных, в том числе иностранных инвестиций в транспортные проекты и снижение политических и экономических рисков при их реализации [11].

Российская Арктика характеризуется высоким спросом на инвестиции, высоким риском из-за неопределенности и высоким инвестиционным потенциалом. Проводить геологические и географические исследования в суровых природных условиях сложно. В связи с этим необходимы строгие требования к объектам инфраструктуры, оборудованию и контролю. Неблагоприятная политическая ситуация может повлиять на прибыльность арктических проектов. В России нет технологического оборудования для подводного бурения и добычи, поэтому необходимо обращаться к иностранным компаниям, для которых существуют ограничения из-за санкций. С некоторыми проблемами освоения Арктического региона, такими как отсутствие транспорта и инфраструктуры, сталкиваются и континентальные проекты, например Тимано-Печорский, который освоен лишь наполовину из-за нехватки транспортных мощностей.

Чтобы реализовать инвестиционный потенциал, необходимо устранить правовые барьеры и создать особые условия для инвесторов. Необходимо принять единый федеральный закон об Арктике. Так, Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики подготовило проект федерального закона «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Целями данного закона являются: 1) экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации; 2) стимулирование и активизация инвестиционной и предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации; 3) создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне Российской Федерации.

Международно-правовое оформление внешней границы российского континентального шельфа в Арктике необходимо для активного освоения природных ресурсов, поскольку этот регион должен стать главной стратегической ресурсной базой России. Сейчас активно ведется развитие единой транспортной системы в Арктике, включая Северный морской путь, железные дороги, аэропорты;

внедряется использование возобновляемых и альтернативных источников энергии; разрабатываются и внедряются новые технологии и виды оборудования; осваиваются новые месторождения; развивается нефтегазовый сектор, угольная и торфяная промышленность, обеспечение энергетической безопасности и антитеррористической защиты объектов, а также энергетика [12].

Как регионам северо-западной части АЗРФ стать бенефициарами «Поворота на Восток»? Концепция «Поворот на Восток» подразумевает политику России на современном этапе, состоящую из трех ключевых элементов. Во-первых, «Поворот на Восток» включает в себя внутренние усилия по более активному развитию Дальнего Востока и Сибири [13]. Во-вторых, подразумевает переориентацию торгового баланса России на страны Восточной Азии [14]. В-третьих, «Поворот на Восток» также является политикой по выстраиванию нового мирового порядка, который будет основан на незападных постулатах [15].

Следует отметить, что в контексте политики «Поворота на Восток» регионы, входящие в западную часть российской Арктики, оказываются в меньшем выигрыше, чем регионы восточной Арктики. В свою очередь, это актуализирует вопрос о том, каким образом эти регионы все-таки могут получить больше выгод, чем издержек, в процессе реализации данной политики.

Основной выигрыш от «Поворота России на Восток» регионы северо-западной части АЗРФ могут получить в первую очередь в разрезе второго элемента этой политики, т.е. активизации торгово-экономического партнерства с восточными странами.

Во-первых, страны Азии в данном контексте могут быть вовлечены в реализацию нефтегазовых проектов в Арктике. В частности, с 2024 г. планируется начало реализации проекта «Мурманский СПГ» [16], акционерами которого могли бы стать китайские компании по аналогии с «Ямал СПГ».

Во-вторых, активное развитие транспортных маршрутов в Арктике может серьезно поспособствовать обновлению инфраструктуры в регионах западной Арктики. В данном случае следует обратить внимание на перспективы включения в повестку развития СМП целого ряда сухопутных транспортных маршрутов. В частности, конечной северной точкой планируемого транспортного коридора «Север—Юг» может стать Мурманск, а не Санкт-Петербург, что позволит связать СМП и коридор «Север—Юг». Помимо этого, следует также активизировать усилия по строительству Белкомура, который, в случае если будет достроен, позволит серьезно повысить благосостояние жителей Архангельской области. В контексте Белкомура также следует отметить, что в 2015 г. была достигнута договоренность с Китаем о совместном развитии этого транспортного коридора [17].

В-третьих, важными элементами в контексте увеличения выгод от политики «Поворота на Восток» для регионов западной части Арктики являются развитие арктического туризма и арктической науки. Многие объекты, расположенные в российских северо-западных регионах, интересны для туристов [18]. Таким образом, при наличии развитой туристической инфраструктуры западные регионы российской Арктики смогут привлекать большие туристические потоки из восточных стран, в первую очередь из Китая.

Заключение. Российская Арктика обладает огромными ресурсами и потенциалом. В недрах Земли есть много полезных ископаемых, которые следует рационально

использовать, чему способствует технологическое оборудование и геологические исследования. Биологическое разнообразие Арктики уникально, и оно требует охраны. В Арктике активно развивается транспортная система: автомобильные дороги, железнодорожное сообщение, авиаперевозки, Северный морской путь, который в перспективе может быть эффективно сопряжен с транспортным коридором «Север–Юг», но все требует значительных улучшений и строительства новой транспортной инфраструктуры. Анализ «узких мест» в развитии Арктического региона показывает, что АЗРФ необходимы инвестиции как от российских инвесторов, так и от иностранных, в первую очередь связанные с развитием транспортной инфраструктуры и технологий, используемых в добыче природных ресурсов. Для привлечения инвесторов существуют определенные льготы, которые способствуют развитию инфраструктуры в Арктике. Со стороны государства также реализуются некоторые проекты, способствующие развитию Арктики и ее инвестиционной привлекательности. Существующие проблемы могут быть решены в том числе на законодательном уровне, а также посредством развития конструктивного международного сотрудничества, в первую очередь со странами — членами БРИКС. Российская Арктика требует инвестиций для своего развития, а сама АЗРФ достаточно привлекательна для инвесторов по своему географическому положению, природно-климатическим условиям и тем условиям, которые предоставляются инвесторам.

Литература

1. *Телегина Е.А.* Ресурсы Арктического региона: перспективы и проблемы их освоения // Арктика: зона мира и сотрудничества. 2011. С. 40—58.
2. Распоряжение Правительства РФ от 01.08.2022 № 2115-р «Об утверждении Плана развития Северного морского пути на период до 2035 года». «Собрание законодательства РФ». 08.08.2022. № 32. Ст. 5862.
3. *Konovalov A.* Strategy for the development of the Arctic zone of Russia // Sea collection. 2010. № 8 (1961). P. 70—75.
4. *Bolsunovskaya Y.A.* Investment prospects of Russian Arctic shelf development under the economic turbulence // Young creativity is a step into a successful future. The Arctic and its development. 2016. P. 550—552.
5. *Меркулина И.А., Харитонов Т.В., Зайцев С.П.* Транспортное обеспечение как фактор инвестиционной привлекательности Арктических регионов // Экономические науки. 2019. № 11 (180). С. 110—114.
6. *Серова Н.А., Серова В.А.* Транспортная инфраструктура Российской Арктики: специфика развития и перспективы функционирования // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2 (185). С. 142—151.
7. *Чистиков М.Н., Стрельникова И.А.* Арктика во внешнеполитическом стратегическом планировании России в рамках политики «Поворота на Восток» // Арктика 2035. 2023. № 2 (14).
8. Международный транспортный коридор «Север–Юг»: создание транспортного каркаса Евразии. Доклады и рабочие документы 21/5 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_2021_Report_5_INSTC_rus.pdf
9. Международный транспортный коридор «Север–Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf
10. *Ляхтина Я.А.* Некоторые аспекты правового обеспечения инвестиционной деятельности в Арктике // Актуальные вопросы современной науки и образования. 2020. С. 77—79.
11. *Serova N.A.* Investment processes in the Russian Arctic // Statistics in the strategic development of Russia. 2020. P. 260—262.

12. *Милославский В.Г.* Инвестиционный потенциал Российской Арктики в федеральном и местном ракурсе // Молодой ученый. 2018. № 40 (226). С. 144—149.
13. *Чекунков А.* Главный вызов — найти внутренние ресурсы // Коммерсантъ. 13.07.2022. № 124. С. 2.
14. *Криворотов А., Вахирева Н.* Борьба за привлечение внерегиональных «игроков» станет важным элементом заполярной динамики // РСМД — Российский совет по международным делам. 08.04.2024. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/borba-za-privlechenie-vneregionalnykh-igrokov-stanet-vazhnym-elementom-zapol-yarnoy-dinamiki/?ysclid=1w2hu8bkc9758665230>
15. *Торкунов А.В., Стрельцов Д.В.* Российская политики поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 4 (67). С. 5—16.
16. *Соловьев Е.Н., Подсветова Т.В.* Россия в Арктике: вызовы и перспективы развития // Вестник Национального Института Бизнеса. 2019. № 37. С. 279—283.
17. *Му А.* Белкомур и роль Китая // ЭКО. 2022. № 9 (579). С. 8—33.
18. «Вектор развития выбран верный». Арктические регионы делают ставку на развитие туризма // Инвестиционный портал Арктической зоны России. 25.09.2022 // URL: <https://arctic-russia.ru/article/vektor-razvitiya-vybran-vernyy/?ysclid=1w2jtb5ff310366179>

Irina Strelnikova (e-mail: istrelnikova@hse.ru)

Ph.D. in law, Associate Professor,

School of international Regional Studies, Faculty of World Economy and International Politics,
National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE RUSSIAN ARCTIC THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL COOPERATION AND DEVELOPMENT OF TRANSPORT CORRIDORS

The Russian Arctic has numerous resources, infrastructure facilities that are important for international relations, and therefore is potentially very attractive to investors. Nevertheless, there are a number of objective reasons hindering its development, which require international cooperation, investment and updating of the regulatory framework for the process of foreign investments inflow into the region, with an emphasis on its specifics. The purpose of the article is to study the attractiveness and investment potential of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) in the new geopolitical realities, to identify the most promising areas of foreign investments. It is concluded that the Arctic can offer resources and opportunities for development and cooperation. It is open for investment, and the Russian government is trying to implement as many projects as possible, including those in which the BRICS countries participate, that will contribute to the development of this region. One of the key areas of foreign investments application is the zone of development of the transport and logistics potential of the Arctic through transport corridors, which will simultaneously lead to infrastructural connectivity of the entire Eurasian continent and will promote cooperation in the Eurasian arena of the CIS countries.

Keywords: Russian Arctic, investments, attractiveness, facilities, North-South corridor, Northern Sea Route, India, China, The Arctic zone of the Russian Federation (AZRF).

DOI: 10.31857/S0207367624050078

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 24-00-020 "BRICS+ as a new promising format for developing cooperation in the Arctic").

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике. Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться сведения об авторе (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «Мои публикации» станет активной кнопка «Добавление Публикации», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Сохранить и отправить».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал “Общество и экономика” можно следующими способами:

1. На электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/>;
2. Через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати xx.xx.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.xx.2024 г.
Тираж 150 экз. Зак. 14/5а. Цена свободная
70*1001/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099,
г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099,
г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.